

История
Общество
Политика
2017
№3(3)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИКА**

№ 3(3)
2017

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2017. №3 (3)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 25.10.2017

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 3 (3)
2017

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2017. №3 (3)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 10/25/2017

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2017

© Authors, 2017

Содержание

История Первой мировой войны и Русской революции 1917 года

- Акоева Н.Б., Орфаниди Н.И.* Особенности военной службы казаков-кубанцев в годы Первой мировой войны 7
- Блохин В.Ф.* Смыслы «героического» в годы Первой мировой войны 12
- Бондарев М.А.* А.Н. Хвостов и А.Д. Протопопов о Г.Е. Распутине 21
- Гончаров Е.В.* Общественное настроение во Франции накануне Первой мировой войны (к вопросу о предпосылках вступления Франции в войну) 25
- Гришин Н.И.* Формирование нормативно-правовой базы военной цензуры России в годы Первой мировой войны 28
- Журавская А.В.* Баронесса М.Д. Врангель о трудоустройстве и образовании «бывших» в первые годы советской власти (из воспоминаний) 31
- Сагимбаев А.В.* Проблема формирования нового миропорядка в контексте эволюции императивов колониальной стратегии Великобритании после завершения Первой мировой войны 34
- Селиверстов Д.М.* Германия как объект пропаганды в годы Великой войны 41
- Соловьев Ю.П.* Первая мировая война и Брянский край. Военно-исторический аспект 49
- Фишер Е.С.* Общие проблемы снабжения населения продовольствием в тыловых районах Минского военного округа в период Первой мировой войны (на материалах Орловской губернии) 76
- Цветкова К.Д.* Российское женское движение в России весной-летом 1917 г. (по страницам женских журналов) 82

Чубур А.А. Лагерь военнопленных и интернированных Стшалково: от Первой мировой до польско-большевистской войны. События и память 86

О сетевом издании «История. Общество. Политика» 98

История Первой мировой войны и Русской революции 1917 года

УДК 94(4)"1914/19"

Н.Б. Акоева, Н.И. Орфаниди

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ КАЗАКОВ-КУБАНЦЕВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье речь идет о военной службе казаков кубанцев в период Первой мировой войны. Казакам приходилось участвовать в самых трудных боях. Часто конным частям приходилось действовать в пешем строю. Приводятся обширные статистические данные.

Ключевые слова: Первая мировая война, казачество, Кубань

Akoeva N.B., Orfanidi N.I. Features of military service of cossack kuban residents in the years of World war I

Abstract: The article deals with the military service of the Kuban Cossacks during the First World War. Cossacks had to participate in the most difficult battles. Often the cavalry had to act on foot. Extensive statistical data are given.

Keywords: The First World War, the Cossacks, the Kuban

Условия ведения Первой мировой войны резко отличались от всех предшествующих, в которых пришлось участвовать кубанским казакам. Большое значение в этой войне приобрели оборона и штурм крепостей, являвшихся опорными базами войск. Кубанцам пришлось участвовать и в такого рода боях. Классическим примером можно считать оборону крепости Сарыкамьш на Турецком фронте с 9 (22) декабря 1914 года по 4 (17) января 1915 года. Командование направило сюда 5 батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады М. Пржевальского, 1-й Запорожский казачий полк, отряды Н.Н. Баратова, Габаева, Н.А. Букретьова, М.В. Фесенко и другие части. Фронтовая повседневность была суровой: горные, труднопроходимые дороги, глубокий снег, а пройти до крепости предстояло 70 – 100 км.

Турецкие войска отчаянно пытались взять Сарыкамьш. Боеспособность многих частей характеризуется донесением Н.А. Букретьова 19 декабря: «Вчерашний день, 18 декабря, гнал людей на бой, - писал он командующему войсками М. Пржевальскому, – а сегодня не желаю, пока не подойдут подкрепления. В ротах осталось по 70 – 80 человек, офицеры командуют 3 – 4 ротами, был случай, что командир полка командовал ротой. Пока подкрепление не подойдет и не будут присланы боеприпасы, до тех пор в наступление переходить не буду. Люди изнурены, голодны. Как прикажете действовать дальше. Я сделал все возможное. Обстановка неизвестна. Страшные потери в людях, в особенности много пошло сопровождать раненых, не возвращаются больше назад. Пулеметов нет, орудия не стреляют, якобы за от-

сутствием целей. Держаться на позиции не в состоянии». Но позиции были удержаны, и российская армия перешла в наступление на Кавказском фронте [1].

В годы Первой мировой войны казаками стали прикрывать «бреши», образовавшиеся между русскими фронтами, их бросали в прорывы во время наступления противника. Показательной является Горлицкая операция на Юго-Западном фронте. Германо-австрийские войска начали наступление 19 апреля (2 мая) 1915 года с целью окружения 3-й русской армии генерала Радко – Дмитриева. На стыке 9-го и 10-го армейских корпусов обозначился прорыв, туда были двинуты крупные силы конницы – 3-я Кавказская, 3-я Донская и 2-я сводная казачья и 16-я кавалерийская дивизии во главе с генералом Н.Г. Володченко. В результате упорных боев русские войска были вынуждены покинуть свои позиции, не выполнив поставленной задачи [2].

Подобная ситуация произошла и на Западном фронте в ходе немецкого наступления на Двинск 27 августа 1915 года. Стык между Западным и Северным фронтом прикрывали слабые конные отряды Казнакова и Тюлина, в которые входили кубанцы. От командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта они получили приказ сдержать наступление противника, прикрыть путь на Дриссу, уничтожая при этом мосты, шоссе.

На участке немецкого прорыва развернулось ожесточенное сражение. Немцы опрокинули конный отряд Тюлина и потеснили его к востоку, охватив правый фланг российской 10-й армии [3].

Неподготовленность царской армии к операциям, плохая работа военной промышленности сказались на боеспособности войск. Казачья, как и вся русская конница, не всегда была способна выполнить поставленные перед ней задачи в силу целого ряда не зависящих от них причин. Не хватало продовольствия, обмундирования, особенно ощущалась нехватка боеприпасов. Поражения следовали одно за другим. Среди солдат распространялись пораженческие настроения. Лишь казаки по-прежнему сохраняли свой боевой дух. Именно их ставили прикрывать отступление, и именно они несли самые большие потери [4]. Но никакое мужество и героизм не могли спасти положение, если не было оружия или корма для лошадей. К концу 1916 года в армии находились все казаки 1-3 очередей, подлежащие мобилизации. Правительству пришлось даже проводить переосведетельствование казаков неспособного разряда и забирать молодежь. В станицах остались лишь казаки запасного разряда старших возрастов [5].

Новым и необычным явлением было участие в войне женщин. По мере развития цивилизации все больше их втягивалось в несвойственное ремесло. Женщины были сестрами милосердия, фельдшерами в госпиталях. Кубанская казачка Матвеева стала первым кавалером Знака отличия ордена Святого Георгия среди женщин. Она была сестрой милосердия 2-го Елизаветинского госпиталя, за один бой вынесла около 30 раненых [6].

Всего в Первую мировую войну в армии служило около 2 тысяч женщин [7]. Некоторые из них непосредственно участвовали в боевых действиях, что, конечно же, ущемляло самолюбие многих мужчин – воинов.

В этом отношении показательна судьба Елены Чоба. Елена Чоба жила с мужем в станице Роговской и служила в роговском приемном покое сиделкой. Она была лихая наездница, участвовала вместе с бравыми казаками в рубке лозы. Елена прекрасно владела и саблей, и кинжалом. Ее ходатайство перед станичным обществом об отправке на фронт встретило полное сочувствие у казаков. Начальник Кубанской области генерал – лейтенант Михаил Павлович Бабыч дал разрешение Елене на отправку в действующую армию. Она выбрала себе имя – Михаил. За свои подвиги Елена имела два Георгиевских креста – 3-й и 4-й степени и три медали. От своих наград как женщина она отказалась, оставив их при полковом знаме-

ни, уехала в станицу лечиться от ранения. Погибла Елена Чоба уже в годы гражданской войны [8].

В целом, военная компания уже в 1914 году показала несостоятельность расчетов на быстрое окончание войны. К концу года маневренные действия на всех фронтах прекратились, а на европейском театре началась позиционная война. Это поставило конные казачьи части в трудные условия, так как им приходилось действовать в пешем строю: то прикладом от винтовки, то рубиться шашкой. А такого рода опыта конные казаки не имели. П.Н. Краснов предлагал командованию учить казаков пешему строю, снабдить их необходимым инструментом для преодоления проволочных заграждений, оборудовать для них окопы и блиндажи. Даже в 1916 году 50% русской конницы продолжало сидеть в окопах, 43% находилось в резерве, 7% – в охране и разведке. Из 21 казачьей дивизии и 5 отдельных бригад на боевых позициях находилось 12. Среди них Кубанские: 1, 2, 4, 5. Кавказские: 1, 2, 3. Кубанские казачьи дивизии и Кубанская бригада, что составляло 67% боевых казачьих подразделений. Из 9 дивизий, находящихся в резерве, была лишь одна кубанская – 3-я Кавказская казачья дивизия [9]. То есть большинство кубанцев продолжали участвовать в боевых действиях.

В декабре 1916 года Верховный Главнокомандующий, учитывая, что коннице придется работать в пешем строю, признал необходимым провести спешивание с 6-ти до 4-х сотенного состава и формирование из двух спешившихся сотен стрелковых частей для поддержки своих полков. Фронтные казаки считали спешивание оскорблением казачьего достоинства и просили отменить это решение. Но переход к 4-х сотенному составу к марту 1917 года был почти завершен [10]. Такая реорганизация не сказалась на повышении боеспособности и маневренности русской конницы и казачьей в частности, однако моральный урон казачьему менталитету нанесла. Несмотря на знаменитый Брусиловский прорыв в Галиции, на успехи Кавказской армии, на проводимые реорганизации, Россия так и не смогла оправиться от тяжелых поражений первых лет войны. Сказались также потери убитыми и ранеными. В силу ряда объективных причин были среди казаков и пленные. Они составили чуть более 2% по всем казакам и столько же по кубанцам [11].

У большинства пленных очень сильной была мечта снова увидеть Родину и драться, защищая ее от врагов. Как считал П.Н. Краснов, из лагерей военнопленных особенно много бежало казаков. У них по традиции плен считался позором, поэтому даже раненые казаки старались убежать, чтобы смыть с себя этот позор. Бежали самыми разными способами, а когда их ловили, они заявляли, что хотели вновь сражаться против неприятеля [12].

В ноябре 1916 года Военный Совет принял Постановление, согласно которому нижние чины, бежавшие из плена, после соответствующей проверки направлялись в Петроград где сам государь–император вручал им Георгиевские медали «За смелый побег». Такой чести не удостоивался никакой другой род войск российской армии.

Интересно посмотреть на соотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен по различным категориям войск. Самый большой процент кровавых потерь приходился именно на казачьи войска – 94%, пленные – 6%, затем следует гвардия – 91% и 9% соответственно. Самый низкий процент кровавых потерь у ополченцев – 42%, зато пленные составляли – 58%. Достаточно высок процент потерь в армейской пехоте – 65%, пленных – 35% [13].

Эти данные свидетельствуют о том, что казакам приходилось участвовать в самых трудных боях, прикрывая другие части, сдерживая противника, отсюда и большие потери. Всего на фронтах Первой мировой войны сражалось около 316 тыс. казаков, из них 104 ты-

сячи кубанцев и более 2-х тысяч офицеров¹. Из них убито около 4 тыс, что составляет около 4%, по всем казачьим войскам погибло около 3%. Среди кубанцев было ранено около 22 тыс. человек, то есть 21%, ранение по всем казачьим войскам – 14%. Интересно сравнить Кубанское казачье войско с другим, самым многочисленным – Донским. Донцов ушло на фронт около 100 тысяч, из них было убито 3%, ранено 12% [14]. Таким образом, кубанцы среди других казачьих войск понесли наибольшие потери. К наградам в годы войны было представлено свыше 30200 кубанских казаков, то есть почти каждый третий, и около 120 офицеров [15].

Всего же по казачьим войскам награждено 4750 офицеров и около 99 тысяч нижних чинов [16]. Кроме того, воины – офицеры производились в следующие чины после 4-месячной службы в пластунах, 6-месячной службы в коннице, 9-месяцев – в артиллерии, за 12 месяцев командования сотней и тому подобное. Казаки – офицеры производились в следующие чины также в качестве награды за отличия в боях и получив орден Святого Георгия Победоносца.

Огромная казачья масса, находящаяся на фронтах, представляла собой слой наиболее дееспособных, энергичных казаков младших и средних возрастов, которые находились в особых боевых условиях. Они были на долгое время оторваны от дома, от традиционного казачьего быта, старое и наиболее консервативное казачество с его верностью престолу не оказывало на них влияния. Этих казаков бросали в самые жаркие места, они несли большие потери. И у казаков-фронтовиков появляется свой собственный жизненный опыт, свои взгляды на общественный порядок, изменяются настроения. Казаки поняли, что современная техника и современная тактика ведения боя часто превращали их в мишень для артиллерийских орудий; проволочные заграждения и окопы сковывали их маневренность. Фронтальная повседневная жизнь, сопровождавшаяся нехваткой продовольствия, боеприпасов, сложными погодными условиями влияла на взгляды казаков. У них обозначилась усталость от войны, появилось желание скорее эту войну закончить.

Просчеты в управлении войсками обернулись неприятием всего старого политического устройства, насилие со стороны офицеров усугубило неприязнь ко всем образованным людям, падение нравов командного состава способствовало разрушению старой системы ценностей. Однако эти необычные настроения не обрели пока политической окраски.

Библиографический список

1. *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 240.
2. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в первой мировой войне. М., 1994. С. 51.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 43. Л. 24 – 28; Воскобойников Л.Г. Указ. соч. С. 47-48
4. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 288. Л. 379.
5. Прошлое и настоящее Кубани. Краснодар, 1994. С. 206.
6. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. С. 161.
7. *Бардадым В.* Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 137.
8. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 276. Л. 45 – 46.
9. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в первой мировой войне. М., 1994. С. 101; Трут В.П. Казачество России в Первой мировой войне. Ростов – на – Дону, 1998. С. 50.
10. Россия в мировой войне. 1914 – 1918. М., 1925. С. 35, 36.

---

¹ О численности казачьих войск, участвовавших в войне, до сих пор ведутся дискуссии. Более подробно об этом см. Трут В. Дорогой славы и утрат. М., 2007. С. 176 – 185.

11. *Краснов П.Н.* Венок на могилу неизвестного солдата императорской российской армии // Трагедия казачества. Т. 2. М., 1996. С. 29.
12. *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1998. С. 246.
13. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 – 48.
14. Прошлое и настоящее Кубани. С. 208.
15. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 – 48.
16. Казачий словарь-справочник в 3 т. Ретпринт. 1992. Т. 2. С. 249.

Сведения об авторах:

Акоева Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Россия. E-mail: akoeva_nata@mail.ru

Орфаниди Нелля Ильдусовна, кандидат исторических наук, преподаватель, Кубанский институт профессионального образования

УДК 94(4)"1914/19"+32.019.5

В.Ф. Блохин

СМЫСЛЫ «ГЕРОИЧЕСКОГО» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация: в статье рассматривается влияние объяснения причин участия России в Первой мировой войне на формирования представлений о «героическом». По мнению автора, отсутствие убедительной аргументации этих оснований, породило сложности пропаганды в условиях, когда война приобрела позиционный и затяжной характер.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, «героическое» на страницах прессы, причины участия России в войне, пропаганда.

Blohin V.F. Meaning of the "Heroic" during the World War I

Annotation: In the article are considered the influence of explanation of Russia's participation in World War I on the formation of the notions of "heroic". According to the author, the absence of convincing arguments for these grounds, this gave rise to the difficulties of propaganda in conditions when the war acquired a positional and protracted character.

Key words: World War I, periodicals, "Heroic" in the press, reasons of Russia's participation in the war, propaganda.

В начале XX века Россия получила изрядный отрицательный опыт, накопленный в войне против Японии (27 января 1904 г. – 23 августа 1905 г.). Уже сразу после ее окончания «под влиянием оскорбленного народного самолюбия» состоялся поиск причин поражения и виновников произошедшего. Так, главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, действовавшими против Японии, бывший военный министр, генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин, подводя в своей книге итоги войны, заявлял: «...необходимо безотлагательно воспользоваться пережитым опытом, дабы, уяснив себе наши ошибки и изучив явленные нашими войсками слабые стороны, найти способы к правильному росту нашей армии в будущем в духовном и материальном отношениях» [1, с. 9]. В числе причин неудач им была названа деятельность политических партий и распространяемых ими прокламаций среди войск с призывами не к победе, а к поражению, а также газеты и журналы, увеличивавшие «смуту в умах», раздувавшие «значение той или другой из наших неудач» [1, с. 9-10].

Для А.Н. Куропаткина, командовавшего в сражениях при Ляояне, Шахэ, Сандэпу и Мукдене и потерпевшего во всех этих битвах поражение, было очень важно объяснить случившееся какими-нибудь сторонними причинами, не связанными с его талантом полководца и военного чиновника. Вместе с тем в его анализе обвинений, высказанных в послевоенной литературе в адрес армии и военного ведомства, присутствует искреннее желание дать ответ на главные вопросы: «Достаточной ли была подготовка к войне с Японией? Если нет, то всё ли было сделано для предотвращения военных действий? Правильно ли распорядились предоставленными силами и средствами российские военачальники?» Для нас же особый интерес представляют его выводы о «духовных недочетах», обнаружившихся в годы войны.

А.Н. Куропаткин отмечал: «Известий с боевых линий и правдивых известий о действиях тех многочисленных героев, которые целые месяцы, стоя лицом к лицу с противником и

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект «Формирование образа героя на страницах российской и немецкой печати в период Первой мировой войны. Сравнительный аспект. К проблеме формирования культурной памяти» (№ 15-01-00399).

мужественно, не теряя веры в победу, боролись с ним, поступало мало. Герои – солдаты, скромные младшие офицеры, командиры рот, сотен, батарей, полков – не писали, да и времени писать не имели о своих трудах и подвигах, а изучать и наблюдать эти труды и подвиги, разделяя с передовыми войсками и опасности, решались лишь немногие из корреспондентов» [1, с. 10]. Иными словами, по мнению бывшего главнокомандующего, в ходе Русско-японской войны не удалось создать образов героев, которые при определенных неудачах могли бы стать образцом для подражания, ободрить слабых, вселить оптимизм в воинов во время нараставших трудностей войны, помогать пополнять редеющие силы армии.

События, произошедшие на Дальнем Востоке, были до такой степени неприятными, что о них постарались поскорее забыть, но проблемы, с которыми столкнулось командование армии в ходе тогдашних военных действий, сохранились. К новой войне, очень скоро превратившейся в мировую, удалось решить некоторые из технических вопросов, но практически ничего не было сделано для «войны пропагандистской», достигшей у главных участников военных действий невиданных до того времени масштабов.

В первую очередь это касалось периодической печати. Генерал Русской армии, один из первых поступивший на службу к большевикам и дослужившийся до комбрига РККА, Николай Михайлович Потапов в своей работе, посвященной этой проблеме, подчеркивал: «Твердо направляемая, в соответствии с общегосударственными и военными целями, печать во время войны является ярким выразителем духа государственной сплоченности и решимости довести войну до полной победы, не взирая ни на какие лишения и жертвы. Направляемая в этом смысле, печать возбуждает подъем настроения о своей стране и среди союзников, вызывая в тоже время благоприятное отношение нейтральных государств и действуя разлагающим образом на противника» [2, с. 9]. Анализируя значение прессы для страны в предмобилизационный, мобилизационный периоды и для времени ведения военных действий, Н.М. Потапов привел одно из ключевых положений, содержащихся в книге германского подполковника В. Николаи: «Печать представляет собою силу, – и, как всякая сила во время войны, она должна находиться в руках правительства» [3, с. 167]. Анализируя итоги Первой мировой войны, генерал на советской службе пришел к выводу о том, что в России, в отличие от воюющей против неё Германии, было сделано слишком мало практических шагов для того, чтобы поставить главный на тот период информационный ресурс на обслуживание интересов армии.

Подтверждений тому вполне достаточно. Ограничимся только одной выдержкой из документа Военно-исторического архива. Лишь в октябре 1915 г. начальнику штаба Верховного главнокомандующего была подготовлена записка о роли печати в условиях войны. В ней говорилось о ходатайстве редакторов центральных газет: «Русское слово», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости» и «Речь» о предоставлении возможности получать информацию о ходе военных действий непосредственно из штаба. Аргументировалось это тем, что «...до последнего времени периодические издания не имели возможности удовлетворять запросов общества, вследствие крайней скудности, туманности и поверхности сведений о военных событиях». Причина, по мнению редакций газет, заключалась в полном отсутствии какой бы то ни было связи между печатью и единственным компетентным органом – штабом Верховного главнокомандующего [4, л. 1-1 об.]. Однако лишь по прошествии 14 месяцев войны Ставка Верховного главнокомандующего пришла к заключению о необходимости «совместной деятельности» с прессой, создав «Бюро печати» для снабжения периодических изданий необходимой информацией [2, с. 17].

В исторической литературе уделено внимание проблеме использования прессы в деле формирования общественного мнения в процессе мобилизации тыла на борьбу против врага,

на поддержку правительства страны, участвовавшей в мировой войне. На сегодняшний день практически сформировалось самостоятельное направление, рассматривающее особенности пропагандистской работы по формированию и трансформации образа врага в период Первой мировой войны [5]. В гораздо меньшей степени изучена другая составляющая пропагандистской работы на фронте и в тылу: формирование образа «героя» и «героического». Отрядным исключением выступают труды Е.С. Синявской [6], А.Б. Асташова [7], К.А. Пахалюка [8, 9].

Углублению этой проблематики, конкретизации различных аспектов трансляции героических образов на уровень общественного сознания, способствовали исследования в рамках проекта *«Формирование образа героя на страницах российской и немецкой печати в период Первой мировой войны. Сравнительный аспект. К проблеме формирования культурной памяти»* (руководитель: доктор исторических наук, профессор И.В. Алфёрова). Проект реализовывался в 2015-2017 гг. при поддержке гранта РГНФ [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19].

В рамках данной статьи предполагается рассмотрение еще одного аспекта проблемы формирования представлений о «героическом» на основе официального объяснения причин, из-за которых Россия вступила в мировую войну. Неоднозначность определения как на начальном этапе военных действий, так и на всем их протяжении убедительной аргументации этих оснований, породили сложности пропаганды в условиях, когда война приобрела позиционный и затяжной характер.

Задачи пропагандистской работы, направленной на обоснование справедливости ведения войны против германо-австрийского блока, были обозначены в «Высочайшем Манифесте об объявлении военных действий между Россией и Германией», провозглашенном 20 июля 1914 г. и вызвавшем огромный патриотический подъем в стране. В нем было сказано следующее: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. <...> Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную, родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав» [20].

В дополнение к первому документу 26 июля 1914 г. был опубликован «Высочайший Манифест об объявлении военных действий между Россией и Австро-Венгрией». «Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы, – говорилось в нем. – Но с удвоенной силой растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимой твердостью встает пред врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого» [21].

В одном из первых приказов главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта за № 30, подписанным генерал-адъютантом Н.И. Ивановым 1 августа 1914 г., цель участия России в мировой войне была сформулирована следующим образом: «Разъяснить всем чинам вверенных мне армий, до последнего рядового, основную мысль, ради которой Россия взялась за оружие. Разъяснить, что Россия воюет по дерзкому вызову общих врагов всего славянства – Германии и Австрии, из которых последняя совершила разбойничье нападение на братское нам славянское государство – Сербию. Вызывая войну, Австрия руководилась только материальными расчётами. Постоянная защитница славянства – Россия, вновь решительно выступая в этой роли, как всегда, движима одними нравственными побуждениями» [22].

Известный публицист начала XX в. Гавриил Васильевич Сенатов (псевдоним В. Сенатов), в статье «Славяне и немцы» выступил с прогнозом, навеянным господствовавшими в стране настроениями: «Наступает, по всей вероятности, последний момент тысячелетней борьбы между славянскою и германскою народными стихиями. Нации славянские и германские искони соседние, искони они занимают огромную часть Европейского материка, и искони же они ведут между собою никогда не прерывающуюся ожесточённую борьбу» [23, с. 747].

Идея бескорыстной борьбы «за независимость и величие славянства», обозначенная в приказе, была как минимум непонятна большинству из тех, кому предстояло терпеть лишения в окопах, а может и отдать свою жизнь в начавшейся войне, поэтому от риторики в пользу славянства очень скоро пришлось отказаться или, по крайней мере, отодвинуть эту идею на задний план. Одновременно начался поиск убедительных доводов, призванных видоизменить и обновить объяснения тому, ради чего Россия вступила в эту кровопролитную войну.

Результатом явилось то, что многие средства печати популяризировали Первую мировую войну в качестве «Второй отечественной», оборонительной, хотя границы российского государства не были нарушены. Из штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта предлагалось регулярно сообщать через печать о «необходимости ведения борьбы с настойчивостью и бесконечным упорством по примеру наших предков» [24, л. 1], проводя аналогии с 1812 г.

Периодические издания с готовностью откликнулись на запрос времени: «Презрение ко всем физическим невзгодам, к физическим страданиям тела и составляет силу нашего солдата. Уже отправляясь на поле битвы, он ясно для себя решил вопрос раз навсегда: он идет, чтобы бить немца, напавшего на его землю, а там, что Бог даст – Его святая воля!» [25] Однако были газеты и журналы, ставившие под сомнение возможность проведения прямых аналогий с событиями Отечественной войны 1812 г. Например, суворинский журнал «Лукоморье» многозначительно заявлял: «Наши дни имеют свой смысл, свою тайну и свою святость, и постичь их значение, – вот задача, данная нам Богом» [26, с. 16].

Таким образом, в течение одного полугодия смысл вступления России в войну трансформировался от борьбы за свободу славянства до защиты собственной земли от напавшего на нее немца. Позднее был реанимирован широко применявшийся в различных интерпретациях девиз XIX столетия «За Веру, Царя и Отечество».

Однако война продолжала вносить коррективы в процесс поиска оптимального варианта простого и понятного объяснения смысла происходившего для России. В конечном итоге эти эмоциональные наслоения стали сводиться к желанию одних, чтобы скорее завершилось кровопролитие и стремлению других, во что бы то ни стало продолжать военные действия.

Военная цензура не проявляла колебаний и всецело поддерживала последних. Лишь изредка возникали досадные промахи. Так, генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта 30 марта 1916 г. сообщал в Петроградский военно-цензурный комитет о допущенной цензором публикации, содержащей очевидный намек на желание окончания войны. «В № 4 журнала "Лукоморье" от 23 января на стр. 10 помещен рисунок с нежелательной, с точки зрения поддержания настроения в войсках, надписью: "Холодно на дворе, хочется спать, а ехать надо. Эх, да скоро ли, наконец"» [27, л. 201].

Своеобразная эволюция смыслов, сопровождавших военные действия, приводила к изменению представлений о роли отдельного человека в происходивших событиях. На начальном этапе войны, знаменовавшемся патриотическим подъемом населения в России и в Германии, вероятно, был вполне уместен образ первого георгиевского кавалера донского казака Козьмы Крючкова. В стране была развернута широкая рекламная кампания, основанная на

прославлении его подвига. Выпускались специальные плакаты, портрет Крючкова тиражировался на открытках, пачках папирос, на обертке конфет «Геройские». Изображение георгиевского кавалера и его подвига на народных картинках-лубках были практически в каждом доме, именем героя был назван пароход, его подвиг запечатлен в кинофильме.

Однако при всех успехах развернутой вокруг Козьмы Крючкова пропагандистской кампании главного достичь так и не удалось. Герой-казак не стал, да и не мог стать на длительное время образцом для всеобщего подражания. Война, не имевшая аналогов в истории, отличалась переменчивостью ситуаций, вела к непредсказуемым трансформациям в общественных настроениях. В полной мере это отражалось на образах героического и то, что было уместно в условиях успешных военных действий, не подходило для периодов отступления и позиционной войны.

В современной историографии сложился довольно устойчивый взгляд на причину забвения в нашей стране подвигов героев Великой войны. Он основан на том, что резкая смена идеологии, события, связанные с Октябрьской революцией и Гражданской войной, породили не только новые оценки героических личностей «империалистической» войны, но и создали образы иных героев, сформировавшиеся в условиях утверждения нового строя. С начала 1920-х гг. резко поменялось и отношение к былинному герою лубочных картинок Козьме Крючкову, воевавшему в годы Гражданской войны на стороне белых, а также к его подвигу, совершенному в самом начале мировой войны, 30 июля 1914 г.

Общеизвестна оценка, данная этому событию М.А. Шолоховым. Писатель в своем романе «Тихий Дон» отвел ему более пяти страниц текста, завершив описание следующими словами: «А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, нанесли слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались; вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались, нравственно искалеченные. Это назвали подвигом...» [28, с. 273-274]

В советский период отечественной истории эта оценка стала определяющей. Своих последователей она имеет и сегодня. Например, А.Е. Недвига утверждает, что популярность Козьмы Крючкова является лишь результатом запущенной правительством «пропагандистской машины» [29, с. 214]. Существуют сегодня и попытки «реабилитировать» героев той далекой войны, которые скорее приводят лишь к новым искажениям тех далеких реалий, поскольку предполагают рассмотрение героических действий оторвано от контекста настроений в армии и в обществе. Так, В.В. Бондаренко утверждает, что фрагмент романа «Тихий Дон» М.А. Шолохова, посвященный описанию подвига К.Ф. Крючкова, получился далеким от исторической и военной реальности тех дней, преподносится читателю как нелепая, бестолковая сшибка, а казаки показываются озверевшими от страха трусами [30, с. 280-281]. С призывом возвращения из забвения «подлинного героя» Козьмы Крючкова обращается в своей статье Ю.В. Маслова [31, с. 14].

Список авторов можно продолжить. Не претендуя на мнение, обладающее абсолютной истиной, хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, связанными с обстоятельствами «места и времени», сопровождавшими подвиг казака-героя.

В зарубежной печати русская армия на начальном этапе войны, действительно, изображалась в виде бородачей-казаков, но сам подвиг Крючкова имел специфические черты, которые невозможно было экстраполировать на всю действующую армию. Казачьи войска являлись иррегулярными, а события, связанные с подвигом произошли еще до начала масштабных военных действий.

Казачий разъезд, совершавший разведку, перейдя границу входившего в состав России Царства Польского и Восточной Пруссии, столкнулся с немецкими драгунами-разведчиками. Произошла стычка, в результате которой К. Крючков лично убил 11 неприятелей. Из рассказа самого героя, помещенного в газете «Биржевые ведомости», следовало, что четверо казаков «двенадцать верст гнались за 27-ю немцами, пока не пригнали их в болото, возле которого и началась схватка» [32]. В дальнейших описаниях этого события в печати зачастую допускались разночтения, практически были преданы забвению имена казаков, принявших бой вместе с Козьмой Крючковым, но самое главное заключалось в том, что основной персонаж этого военного эпизода превратился в лубочного героя, далекого от суровых реалий набравшей обороты войны.

Некоторые из этих реалий можно почерпнуть из отрывков репортажей главного военного корреспондента газеты «Биржевые ведомости» Виктора Васильевича Муйжеля (1880 – 1924 гг.). Редакция газеты рассчитывала с его помощью добиться в газетных публикациях правдивого, реалистического описания начавшейся войны и он в полной мере оправдал ожидания.

Вот некоторые отрывки из текстов автора: «Если на войне каждая пядь пройденной земли полита кровью, то в Восточной Пруссии эта кровь лилась широкой и страшной рекой». <...> «Умирать еще – тоже мое дело, и когда я шел из своей деревни на призывной пункт – поглядывал на родные полосы с чувством человека, который никогда их больше не увидит». <...> «Никто не знает, как нашел свой приют за полотном железной дороги у березовой рощи на границе немецкой земли. И никто никогда не узнает, а насколько связанные кресты покосятся, потом качнутся, потом наклонятся задумчиво – и упадут, и долго будут лежать, черные и забытые, пока не исчезнут, как все исчезает. И только ветер будет гулять над сравнявшимися могилами и жалобной песней рассказывать кающимся березам о том, что здесь некогда бывшее землей ушло в землю». <...> «Но только побывавшему в них – не в старых, брошенных, пустынных окопах прежних боев, а наполненных скорчившимися людьми, живущими здесь, в этих звериных норах, неделями, переменяющими здесь белье, раздевающимися для того, чтобы хоть чуть-чуть освободиться от паразитов, и (прошу помнить!) постоянно стреляющими, получающими раны и умирающими – только видевавшему все это воочию станет понятным это короткое странное слово – окопы» [33, с. 226-231].

Можно критически относиться к яркому эмоциональному изложению описанных корреспондентом событий, не вполне доверять его художественному способу воздействия на чувства читателей. К тому же мрачный взгляд на происходившее на фронте только усугублял общее настроение, связанное с нарушением первоначальных планов возвращения русской армии домой к Рождеству после успешной военной кампании 1914 г. Однако эти выдержки из репортажей корреспондента должны заставить задуматься тех, кто пытается перенести свое современное видение проблем далекой войны на оценку далекого трагического прошлого.

Стоит ли после приведенных отрывков из репортажей с фронта рассуждать о роли лубочных картинок с изображением Козьмы Крючкова в деле формирования образа героя в годы Первой мировой войны? В лучшем случае они ненесли в себе вреда, выступая в качестве низкохудожественных украшений внутренней крышки чемодана или утлого жилища. В худшем – приводили к глубокому разочарованию тех, кто представлял на их основе войну в виде легкой прогулки с возможными столкновениями с неумелыми противниками, легко нанизываемыми на казацкую пику.

Привлекательность подвига, легкость достижения желаемого результата приводили лишь к созданию низкопробных произведений, к унижению тех, кто действительно готов

был к самопожертвованию. Примечательно в этом отношении письмо, перепечатанное «Биржевыми ведомостями» из газеты «Северо-Кавказский край». С письмом в редакцию обратился коллежский асессор Михаил Павлович Иванов. Поводом к нему послужила демонстрация в г. Ставрополь в электро-театре «Биоскоп» фильма «Геройский подвиг сестры милосердия Риммы Ивановой». Отец героини, автор письма, посетил кинотеатр и обратился по этому поводу в газету. Сестра милосердия Римма Михайловна Иванова стала одним из героических символов этого периода. Она ухаживала за ранеными в 100-м пехотном Оренбургском полку. Во время боя 9-го сентября 1915 г., когда 10 рота осталась без командира, Р.М. Иванова собрала вокруг себя солдат и бросилась с ними на окоп неприятеля, который был взят. Получившая ранение сестра милосердия скончалась. Она первой из сестер милосердия была награждена офицерским орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Героический подвиг Риммы, чье имя первоначально по ошибке записали «Мирра», стал широко известен: о нем сообщали многие периодические издания, а в ноябре 1915 г. по заказу военного ведомства был снят фильм, о котором пойдет речь [10, с. 20].

Отец Риммы возмущался в своем письме по его поводу: «Под именем моей дочери на экране появилось совершенно неизвестное мне лицо, да и сама картина не соответствует действительности: в ней изображена «артистка» довольно высокого роста, в узкой модной юбке. Модных лакированных туфель на высоких каблуках при белом апостольнике и переднике, и, в довершение всего с саблей наголо. Между тем, покойная моя дочь была невысокого роста, воинственного вида не имела, с саблей не выступала и была убита на передовых позициях при исключительных обстоятельствах, как о том гласили первые телеграммы об ее безмерном подвиге. Никакой ходульности и показного героизма в трагической смерти моей дочери не было.

Слившись душой с верными воинами, покойная была проста, подвиг свой совершила в серой шинели, и она пошла не с винтовкой в руках, а с крестом на груди – символом милосердия и чистой любви, не покидая при этом своей кожаной сумочки с перевязочными средствами и медикаментами, с которыми она никогда не расставалась, носивши ее на простом ремне через плечо».

Те, которые инсценировали картину смерти Риммы Ивановой, даже не сообразили, что, изображая сестру милосердия с винтовкой или саблей в руках, профанируют, прежде всего, звание сестры милосердия и идею Красного Креста. Представитель Красного Креста может обнажить оружие только против мародеров, но ни при каких обстоятельствах не может превратиться в вооруженного комбатанта.

...Этот хамский стиль, это крикливое и фальшивое искажение великой тяготы и великих в тихой скромности своих подвигов – ведь это обычный стиль всей той печати, которая <...> фальшивым голосом неистово вопит о своем барабанном «патриотизме», о лубочных подвигах, афишируя свою кровожадность и старается своею грязью загадить всякое чистое начинание, всякую бескорыстную деятельность общественности, все то, что не в ее стиле.

Стиль – это великое дело, и стиль поддельного, облыжного патриотизма полно выражен в кинематографической клевете на подвиг Риммы Ивановой, как столь же полно он выражается ежедневно в черносотенной печати» [34].

Содержание письма отца героини войны содержит ответы на некоторые из вопросов, поставленных в этой статье. Подводя некоторые итоги, следует отметить, что проблема «героического» довольно остро стояла на протяжении всей Великой войны и изменялась в зависимости от тех проблем, которые остро вставали перед командованием Русской армии. Среди героев, чьи подвиги должны были способствовать укреплению духа тех, кто находился на фронте, укреплять веру в победу, находившихся в тылу, были и юные добровольцы, и каза-

ки, представители различных национальностей, в чьей поддержке нуждалась Россия, сестры милосердия и т. д. Рассуждая о значении описания подвигов, совершенных в годы войны, современники происходившего пришли к выводу, что пока повествование о тех или иных героических поступках не будет «освещено одухотворяющими идеалами любви к родине, чувством долга и преданности» [35, с. 162], в сознании и душах тех, на кого направлены эти рассказы, не пробудится и не укрепится заветная цель – отличиться, выступая на защиту родины или за честь русского знамени» [35, с. 162]. Степень реализации этих задач на различных этапах войны напрямую зависела от обоснования справедливости участия России в кровопролитной борьбе 1914 – 1918 гг.

Библиографический список

1. Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны / Под ред. Н. Л. Волковского. СПб.: ООО Издательство «Полигон», 2003.
2. Потапов Н.М. Печать и война. М. ; Л.: Госвоениздат, 1926.
3. Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung Im Weltkrieg. Berlin, 1920.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484.
5. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
6. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999.
7. Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны, М., 2012.
8. Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: сто лет / Под ред. Мягкова М.Ю., Пахалюка К.А. СПб.: Нестор-История, 2014.
9. Пахалюк К.А. Структура образа героев в российском общественном дискурсе в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы / Под ред. Г.В. Крестина, И.О. Дементьева, С.А. Якимова. Калининград, 2013.
10. Алферова И.В. Женщины-героини в социально-политическом контексте первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 16-23.
11. Алферова И.В., Гончаров Е.В. Героическое как атрибут войны (к вопросу о функционировании награжденной системы в Первой мировой войне // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 13-17.
12. Алферова И.В. «Армейский вестник» и «героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7-12.
13. «Герои» и «героическое» на страницах российской печати 1914–1917 гг. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: И. В. Алферова, В. Ф. Блохин. Брянск, 2016.
14. Артамошин С.В. Герои и героическое кайзеровской армии Германии в Великой войне // *Studia internationalia*. Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск, 2015. С. 120-126.
15. Артамошин С.В. Герои Первой мировой войны и мемориальная память в германском обществе // *Studia internationalia*. Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск, 2016. С. 167-172.
16. Блохин В.Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914–1917 гг. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Брянск, 2016. Вып. II. С. 37-60.
17. Блохин В.Ф., Алферова И.В. Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32-48.
18. Устинова Ю.Н. Заметки о германском героизме (по материалам журнала «Simplicissimus») // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Материалы всероссийской научной конфе-

- ренции «Печать и цензура в истории России». Научный редактор В.Ф. Блохин. Брянск: «Курсив», 2016. С. 122-126.
19. Устинова Ю.Н. Практики мемориализации в Германии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2017. № 2 (76). С. 199-202.
  20. Высочайший Манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией // Собрание узаконений. 1914. № 188. 20 июля. Ст. 2052.
  21. Высочайший Манифест об объявлении военных действий между Россией и Австро-Венгрией // Собрание узаконений. 1914. № 202. 26 июля. Ст. 2078.
  22. Приказы армиям Юго-Западного фронта с 21 июля по 31 декабря 1914 г. Б. м., б. г.
  23. Сенатов В. Славяне и немцы // Церковь. 1914. № 32. 10 августа.
  24. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2948.
  25. Светлов В. Техника и дух // Биржевые ведомости. 1914. № 14566. 20 декабря.
  26. Крючков Димитрий. Побольше мужества // Лукоморье. 1915. № 40. 3 октября.
  27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 1. Д. 8.
  28. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х книгах. Кн. I-II / Предисловие Ю. Бондарева. М.: Изд-во Эксмо, 2005.
  29. Недвига А.Е. Казак Крючков: историко-культурный комментарий к образу героя романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Русская литература. 2005. № 1. С. 213-221.
  30. Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. М., 2013.
  31. Маслова Ю.В. Лицо войны – герой Козьма Крючков // Культурное наследие России № 6 (3). Июль-сентябрь 2014. С. 7-14.
  32. Биржевые ведомости. 1914. № 14311. 14 августа.
  33. Муйжель В.В. С железом в руках, с крестом в сердце (На Восточно-Прусском фронте). М., 2014.
  34. Лукиан. Подвиг и пошлость // Биржевые ведомости. 1915. 10 декабря. № 15268.
  35. Военный сборник. 1916. № 7. Июль.

Сведения об авторе:

Блохин Валерий Федорович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, e-mail: alferovairi@yandex.ru

А.Н. ХВОСТОВ И А.Д. ПРОТОПОПОВ О Г.Е. РАСПУТИНЕ

Аннотация: В статье на основе интерпретации показаний министров внутренних дел А.Н. Хвостова и А.Д. Протопопова, данных Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, уточнен политический портрет Г.Е. Распутина. Исследование построено на сравнительном анализе их показаний в нескольких аспектах, в том числе и степени влияния Г.Е. Распутина на государственные дела.

Ключевые слова: Российская империя, Г.Е. Распутин, царская семья, министр внутренних дел.

Bondarev M.A. A.N. Hvostov and A.D. Protopopov about G.Y. Rasputin

Abstracts: In the article, based on the interpretation of the testimony of the Ministers of the Interior A.N. Hvostov and A.D. Protopopov, given to the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government, created a portrait of G.E. Rasputin. The article is based on a comparative analysis of their indications on several lines of comparison, including the degree of influence of G.E. Rasputin on the state affairs.

Key words: G.Y. Rasputin, Russian empire, Minister of the Interior, the Romanov family.

В этом году Россия отмечает столетие важнейшего события в её истории. Событие, которое предопределило дальнейшее развитие страны вплоть до наших дней, вошло в историю как Великая русская революция. Несмотря на то, что прошло уже сто лет, историки до сих пор спорят о причинах, которые привели к кардинальным переменам в жизни страны. Несомненно, одной из важнейших причин являлся личностный фактор. В данном случае имеются в виду не непосредственные участники революционных событий, а человек, который не дожил до судьбоносного 1917 г., но довольно длительное время во многом определял внутреннюю и внешнюю политику, проводимую царским режимом. Речь идет о Григории Распутине.

Степень влияния Г.Е. Распутина на политику российского государства пытались определить многие историки. Так, С.С. Ольденбург, официальный историограф царской семьи, исследовавший жизнь и деятельность Николая II, опираясь на переписку императора и императрицы, приходил к выводу, что влияние Распутина на ход государственных дел было сильно преувеличено [2]. Он же допускал, что Александра Фёдоровна верила Распутину и готова была действовать по его указаниям, однако, Николай II совершенно с этими указаниями не считался. С.С. Ольденбург считал, что представление о политическом влиянии Распутина было легендой, которая сбивала с толку людей правых взглядов [2, с. 193].

К изучению проблемы возможного влияния Г.Е. Распутина на политику государства обращались российские исследователи, оказавшиеся в эмиграции. Так, например, И.Л. Солоневич полагал, что влияние приближенного к царской семье старца не что иное, как «придуманная аристократией легенда» [3].

В данной статье ставится задача на основе интерпретации стенограммы допросов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства* Алексея Николаевича Хвостова и Александра Дмитриевича Протопопова воссоздать политический портрет Г.Е. Распутина в глазах высших чиновников Российской империи, а также, опираясь на их оценки, попробовать определить степень его вмешательства во внутренние и внешние дела государства.

---

* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства была создана 5 (17) марта 1917 г. для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств.

Персоналии выбраны не случайно. Это – бывшие министры внутренних дел Российской империи: первый – последовательно занимал посты губернатора, члена Думы и министра в 1915–1916 годах, а второй – промышленник, член Государственной Думы и, наконец, последний министр внутренних дел царской России. В Российской империи глава Министерства внутренних дел** был фигурой значимой и обладал широкими полномочиями. К тому же нахождение на посту главы министерства и у А.Н. Хвостова, и у А.Д. Протопопова пришлось на кризисные моменты в истории страны, предопределившие дальнейшие события, приведшие к смене власти.

Во многом впечатление о незнакомом человеке формируется во время первой встречи, поэтому следователь, выясняя отношение допрашиваемых к Г.Е. Распутину, начинал с вопросов о первом знакомстве. Первая встреча А.Н. Хвостова с Г.Е. Распутиным, которого он до этого знал лишь по слухам, ходившим по провинции, состоялась еще в бытность его губернаторства в Нижнем Новгороде. Встреча была неожиданна, как и предложение Г.Е. Распутина занять должность министра внутренних дел, которым на тот момент являлся П.А. Столыпин. Крайнее удивление у А.Н. Хвостова вызвала возможность ухода Петра Аркадьевича с поста министра, так как в провинции считали, что «П.А.Столыпин – это непререкаемая сила, которая не может колебаться» [1, с.35]. Как признался позже Г.Е.Распутин, он приехал в Нижний Новгород, чтобы «посмотреть душу» А.Н. Хвостова, то есть рассмотреть его кандидатуру на возможно скоро освободившийся пост министра внутренних дел [1, с.35-37].

У А.Д. Протопопова первая встреча с Г.Е. Распутиным произошла при совсем иных обстоятельствах. В 1915 г. А.Д. Протопопов сильно заболел и лечился у П.А. Бадмаева, врача тибетской медицины, лечившего царскую семью. Там он встретился и познакомился с Г.Е. Распутиным. Он показался А.Д. Протопопову явно неглупым человеком с проницательными глазами. Но так как Александр Дмитриевич тяжело болел, больше никаких сведений о первой встрече он на допросе не сообщил [1, с. 164].

Схожее мнение высказывали А.Н. Хвостов и А.Д. Протопопов, оценивая степень близости Г.Е. Распутина и царской семьи.

В своих показаниях А.Н. Хвостов нарисовал достаточно детализированную картину взаимоотношений Распутина с членами царской семьи, которая демонстрирует их неоднозначное к нему отношение. Так, Николай II, по-видимому, благоволил Григорию Ефимовичу. А.Н. Хвостов приводит в пример ситуацию, которая, согласно полученной им информации, произошла во время одного из причастий, на котором присутствовали Г.Е. Распутин, Николай II и информатор А.Н. Хвостова. Со слов информатора, Николай признался Распутину в том, что тот очень дорог царской семье и навсегда останется приближенным к ней. По мнению А.Н. Хвостова, именно такое отношение императора позволяло Г.Е. Распутину лоббировать свои интересы.

Благоволили Г.Е. Распутину и дочери Николая II, за исключением Ольги, великой княжны, старшей дочери Николая II и Александры Фёдоровны. А.Н. Хвостов характеризовал отношение Г.Е. Распутина к ней как бесчестное. Григорий Ефимович распускал слухи о том, что находится с Ольгой в близких отношениях, говоря: «Мать мне надоела, теперь я с дочкой, Ольгой» [1, с. 71]. Г.Е. Распутин позволял себе в присутствии посторонних лиц оскорб-

---

** Особое положение МВД среди других министерств обуславливается не только многочисленностью, разнообразием и важностью его функций, но и тем обстоятельством, что оно ведало, прежде всего, полицией, а принудительное осуществление всех вообще распоряжений правительства, к какому бы министерству оно ни относилось, совершалось, по общему правилу, полицией.

лять Ольгу, принижать ее достоинство до публичной женщины. Именно тогда, указывая в своих показаниях А.Н. Хвостов, у него сформировалось резко отрицательное отношение к Г.Е. Распутину, и он пришел к выводу, что «для спасения родины, его необходимо было уничтожить» [1, с. 71-72].

А.Д. Протопопов представил на допросах совершенно иную картину отношений Г.Е. Распутина и царской семьи. По словам Александра Дмитриевича, Распутин называл царя «папой», а царицу «мамой» [1, с. 164]. По его мнению, Григорий Ефимович был крайне близок к царской семье. В ходе допроса А.Д. Протопопов неоднократно подчеркивал, что из всех 15-16 встреч, пьяным Распутина никогда не видел, и соответственно не слышал того, что говорил Г.Е. Распутин про царскую семью, будучи не в трезвом виде. По версии А.Д. Протопопова Г.Е. Распутин приехал в Петроград чистым и богомольным человеком, однако окружающее общество его испортило [1, с. 165].

Степень влияния Г.Е. Распутина на государственные дела А.Н. Хвостов определял ее, как крайне существенную. Так, Алексей Николаевич вспоминал историю, о которой ему стало известно от третьего лица. Якобы Григорий Распутин, находясь в алкогольном опьянении среди своих приближенных, рассуждал о судьбе Государственной Думы и пришёл к выводу, что необходимо отправить самого Николая II на открытие работы Государственной Думы: «Я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать» [1, с.67].

Действительно 9 (22) февраля 1916 г. император в первый и последний раз посетил заседание Государственной Думы, что было расценено общественностью, как желание верховной власти установить некий консенсус между различными политическими силами для решения насущных проблем, стоявших перед Россией. А.Н. Хвостов же насмеялся над либерально-настроенными членами Государственного совета, которые приписывали себе посещение Николаем II Государственной Думы [1, с. 67].

Отставка А.Д. Самарина с поста обер-прокурора Синода и назначение Н.Б. Щербатова на пост министра внутренних дел А.Н. Хвостов также считал следствием влияния Г.Е. Распутина на императора [4, с. 154].

Об выше перечисленных государственных деятелях нелестно отзывалась императрица, которая подозревала их в кознях против Григория Распутина: «Самарин, без сомнения, пойдет против нашего Друга и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим... Я имею основательные причины его не любить, так как он всегда говорил и теперь продолжает говорить в войсках против нашего Друга... Он будет работать против нас, раз он против Гр.» [4, с. 155]. Также Хвостов А.Н. допускал, что Г.Е. Распутин мог рассказывать государственные тайны, но при этом отрицал, что Распутин был сознательным шпионом [1, с. 65].

А.Д. Протопопов был солидарен с А.Н. Хвостовым в том, что Г.Е. Распутин был близок к царской семье и, безусловно, имел влияние на государственные дела. В частности Александр Дмитриевич вспоминал, что Григорий Ефимович на протяжении трёх лет обещал ему пост министра внутренних дел [1, с. 165].

Несомненно, важным пунктом в характеристике Г.Е. Распутина, которую ему давали государственные чиновники на допросах, было освещение особенностей его взаимоотношений с А.А. Вырубовой, ближайшей и самой преданной подружкой императрицы Александры Фёдоровны. Через нее Григорий Распутин, безусловно, мог влиять не только на императрицу, но и на Николая II. А.Н. Хвостов подробно характеризовал отношения Г.Е. Распутина и А.А. Вырубовой. Алексей Николаевич считал, что Анна Александровна была несчастной женщиной, истеричкой и находилась под непрерывным влиянием гипнотического влияния Григория Распутина. А.Н. Хвостов в своих показаниях приводил примеры того, как Г.Е. Рас-

путин «надругался» над А.А. Вырубовой, приводя к ней в дом падших женщин и заставляя Анну Александровну угощать их, считая, что «укрощает её гордыню» [1, с. 60].

Далее А.Н. Хвостов подтверждал, что Анна Александровна, подпавшая под влияние Распутина, действительно передавала его многочисленные прошения императрице, лоббируя, таким образом, его интересы. «Анна Александровна, повествовал он, всё выполняла, так как слепо верила, что враги Григория – это и её враги» [1, с. 59-61].

А.Д. Протопопов напротив в своих показаниях отрицал существование близких отношений между Г.Е. Распутиным и А.А. Вырубовой и, следовательно, не допускал, что Г.Е. Распутин мог через А.А. Вырубову передавать или получать какие-либо сведения, носившие секретный характер [1, с. 178, 201].

Если говорить в целом об оценках личности Г.Е. Распутина, данных в ходе допроса А.Н. Хвостова и А.Д. Протопопова, то они достаточно серьёзно разнятся.

Так, А.Н. Хвостов признаёт невероятную силу гипноза Г.Е. Распутина, которую он ощущал даже на себе при личных встречах, говоря, что «Распутин в буквальном смысле давил его» [1, с. 60]. Несмотря на все слухи, ходившие о Г.Е. Распутине, он в буквальном смысле «захватил религиозность». В глазах двора, а особенно императрицы, религия стала ассоциироваться с Г.Е. Распутиным. Он был пророком, который явился с неба. А.Н. Хвостов в своих показаниях однозначно винил Г.Е. Распутина в произошедшей катастрофе. Ведь император должен был опираться на кого-нибудь, но Г.Е. Распутин своей деятельностью довёл до того, что даже правые организации перестали доверять Николаю II [1, с. 66].

С точки зрения А.Д. Протопопова, Г.Е. Распутин был «не совсем нормальным человеком» [1, с. 201], но в то же время он, как и А.Н. Хвостов, утверждал, что Г.Е. Распутин обладал гипнотическим даром. А.Д. Протопопов не склонен был списывать российские проблемы на Г.Е. Распутина, которые возникли якобы из-за его давления на императорскую семью. В целом его отношение можно выразить фразой, которой А.Д. Протопопов подытожил свой рассказ о Распутине: «Я считал его умным, но не развитым человеком» [1, с. 178].

Таким образом, можно сделать вывод, что и А.Н. Хвостов, и А.Д. Протопопов, несмотря на достаточно противоречивые оценки личности Г.Е. Распутина и его деятельности, сходятся в том, что Григорий Ефимович обладал некими способностями, возможно, гипнотическим даром, которые обеспечивали ему признание в царской семье и в высшем обществе. Более того, оба государственных деятеля солидарны в том, что Г.Е. Распутин имел прямое воздействие на Николая II и Александру Федоровну, что давало ему возможность влиять на государственную политику, например, в решение отдельных кадровых вопросов.

Библиографический список

1. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. / Под ред. П.Е. Щеголева. – Л.: Государственное издательство, 1924–1927. – Т. 1. – 465 с.
2. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II». – М.: «Терра», 1992. – 640 с.
3. Солоневич И.Л. За тенью Распутина // Наша газета. 1939 [Электронный ресурс]. URL: <http://kargopolov.spb.ru/forum.html?func=view&catid=13&id=4572> (дата обращения: 20.09. 2017).

Сведения об авторе:

Бондарев Михаил Аезович студент кафедры Отечественной истории Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036, Брянск, Россия, e-mail: bondarevmike27@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВСТУПЛЕНИЯ ФРАНЦИИ В ВОЙНУ)

Аннотация: В статье на основе различных источников рассматривается общественное настроение во Франции накануне Первой мировой войны. Особое внимание уделено анализу предпосылок вступления Республики в войну.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественное мнение, причины войны, Антанта, Тройственный союз, историческое сознание.

Goncharov E.V. Public mood in France on the eve of the First world war (on the question of the preconditions for the entry of France into wars)

Annotation: The paper is devoted to analyses of the public mood in France on the eve of the First World War. Particular attention is paid to the analysis of the prerequisites for the Republic's entry into the war.

Keywords: First World War, public opinion, causes of war, Entente, Triple Alliance, historical consciousness.

Во Франции одним из ключевых событий в истории страны наравне с «Великой Французской революцией» стоит Первая мировая война. Для её начала послужило много причин.

В одном из выпусков французская газета «La Croix» подготовила досье, посвященное событиям 1914-18 годов. В досье входит историческая заметка о предпосылках к военному конфликту – о франко-прусской войне, в результате которой Франция потеряла Эльзас и Лотарингию, но не утратила к ним интерес, а также о колониальной гонке. Заметка касается подготовки вооружения и мобилизации войск, а также отношения в разных странах к возможности войны накануне убийства Франца Фердинанда. Теракт в Сараево был только искрой.

Следовательно, убийство молодым сербским националистом 28 июня 1914 года эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника Австро-Венгерской империи, является только одной из причин. Более того, историки прослеживают первоначальную причину войны, уводя ее истоки к франко-прусской войне 1870-1871 года, в ходе которой были утрачены Эльзас и Лотарингия. Подготовка к войне шла долгие годы: тщательно прорабатывались наступательные и оборонительные стратегии, готовились секретные планы по разделу сфер влияния в Европе.

К началу XX века в Европе сложилось два главных военных блока – Антанты и Тройственный союз и каждый из них преследовал свои интересы. Франция, на тот период, являлась одним из ключевых игроков на мировой арене. Многие годы общественному мнению, политической и военной элите не давало покоя унижающее поражение в войне с Германией 1870-1871 гг., которые обошлись потерей ее северных территорий, выплате больших контрибуций. В стране всё больше и больше распространялись идеи реваншизма. Стоит подчеркнуть, что дело даже не в финансовой стороне вопроса, а именно в национальном унижении, которое испытали французы. Это поражение глубоко закрепило в национальной памяти, начиная с 1871 года вплоть до 1914 года.

Стоит обратить внимание, что именно идея отмщения Германии и возврата Эльзаса и Лотарингии объединяют всю Третью республику, возникшую вследствие Франко-прусской войны. Становится неважным то, кто ты: социалист, монархист, центрист.

Стоит отметить, если дух мести во Франции уравнивался возникновением пацифизма на политической арене, то не было и речи о том, чтобы забыть Эльзас и Лотарингию, ставших немецкими. «Ни войны, ни отречения», - заявлял французский антимиитарист Жан Жорес [1].

Ради достижения этой цели республиканская Франция, которая опасалась нового прямого конфликта с Германией, пошла на союз с монархической Россией. Страна свободы, равенства и братства не хотела войны, но одновременно с тем странным образом ее жаждала [1].

На новом витке технического прогресса началась гонка вооружений. Крупнейшие европейские державы готовились к войне. Военная машина исправно выпускала всё новые полки солдат.

Стоит подчеркнуть, что в начале XX века, вопрос о возвращении Эльзаса и Лотарингии уходит на второй план. На первое место выдвигаются события, связанные с гонкой за колониальное завоевание и господство над морями, которые усилили напряженность между Германией и Францией, с одной стороны, и Германией и Великобританией с другой. Германия стремится, прежде всего, заявить Франции, что она не хочет оставаться в стороне от конкуренции за колонии. Конфронтация произошла в двух случаях: в 1905 году в Танжере и в 1911 году в Агадире. Говоря о последнем, то только после долгих переговоров, конфликта удалось избежать, подписав франко-германское соглашение, по которому Германия безоговорочно признавала Марокко находящимся под протекторатом Франции, а в обмен она получала лишь часть Французского Конго.

Одним из важнейших последствий Агадира была целая серия мероприятий по усилению вооружений, проведенных всеми великими державами с начала 1912 года по лето 1914 года. В 1913 году Германия решает увеличить численность своих войск. Франция была очень обеспокоена этим решением. Для восстановления равновесия, в августе 1913 года правительство приняло закон, продлевающий срок службы от двух до трех лет, что позволило увеличить численность войск на 800 000 тыс., а не на 600 000, как планировалось.

Лидер французских социалистов Жан Жорес говорил: «Я все еще надеюсь, что нам не придется содрогаться от ужаса при одной только мысли о великом человеческом бедствии, к которому привела бы сегодня война в Европе»[1]. Но к его словам не прислушивались. Только после вступления Франции в войну и огромных потерь, которые понесла страна, понимание его правоты стало очевидно, но пути назад уже не было. Сам Жорес был убежденным антимиитаристом. 31 июля 1914 года он был застрелен французским националистом Вилленом, став, «первой жертвой еще не начавшейся войны».

Лето 1914 года не предвещало беды. Во Франции первые недели июля были довольно спокойны. Общественное мнение не ощущало позывов к надвигающейся войне. В сельской местности, в основном, занимались уборкой урожая. В городе дело Кайо заняло главные полосы газет - единственного источника информации в то время. Ходившие слухи о надвигающейся войне не воспринимались французским обществом всерьез и очень часто были предметом шуток.

Ждать войну долго не пришлось. 1 августа в войну вступила Российская империя, союзник Франции по Антанте. Через два дня, 3 августа Германия объявила Республике войну.

То, что эта война, будет важнейшим звеном французского исторического сознания, стало ясно уже в первые дни.

«Священная война цивилизаций против варварства» - именно под таким заголовком вышла французская газета «Le Matin» за 4 августа 1914 года. Добавилось ощущение трагедии не только национального, но и глобального масштаба [2].

В том же выпуске «Le Matin» писала: «Смерть тысяч и, может быть, сотен тысяч человек, кровь, которая прольется на землю, нищета, голод среди народов...»[2].

С первых дней, когда никто еще не мог подумать о предстоящих кровопролитных сражениях на Сомме и «Верденской мясорубке», стало ясно, что эта война для Франции станет.

Одна из французских газет печатает обращение к народу президента Раймона Пуанкаре, который провозгласил «священное единение» [3]. Его смысл весьма прост: все противоборствующие политические силы объединили свои усилия в борьбе с неприятелем и поддержке французского правительства.

По словам «Le Matin» от 5 августа 1914 года: «как и столетие с четвертью назад (имеются в виду революционные события 1789 года — РП), все партии, все классы, все лики Франции объединились для того, чтобы принести жертву и выразить надежду (на победу)»[3].

Первая Мировая война 1914-1918 гг. позволила определить контуры дальнейшего европейского и мирового устройства, но устранить все противоречия, которые возникли среди европейских государств, она не смогла. Созданная Версальская система не соответствовала интересам всех государств, культ колониализма, возникновение тоталитарных режимов, технократический и политический милитаризм привели мир к самому кровавому конфликту в истории человечества — Второй мировой войне.

Библиографический список

1. La commémoration de 14-18, une affaire française. La Grande Guerre qui venait de loin// La Croix. Paris. 2013
2. La guerre sainte de la civilization contre la barbarie// Le Matin. Paris. 1914
3. Le Parlement francais a donne hier un magnifique spectacle au monde// Le Matin. Paris. 1914

Сведения об авторе:

Гончаров Евгений Владимирович – аспирант первого года обучения факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, e-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

УДК 94(4)"1914/19"

Н.И. Гришин

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация : статья посвящена анализу структуры и нормативно-правовой базы военной цензуры России в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова : Первая мировая война, военная цензура, цензоры, «Временное положение о военной цензуре», военно-цензурные комиссии.

Grishin N.I. Formation of the regulatory and legal framework for wartime censorship of Russia during the Great War
Annotation: The article is devoted to the analysis of the structure regulatory and legal framework of military censorship of Russia during the Great War.

Keywords: Great War , wartime censorship, censors, "Provisional position of wartime censorship", military censorship committee.

В отечественной историографии проблемам, связанным с военной цензурой периода Первой мировой войны отведено значительное внимание. Наиболее значимым трудами в историографии советского периода являются работы историка журналистики А. Ф. Бережного [1], а также журналиста и историка М. К. Лемке [2].

Современная российская литература представлена трудом профессора Волковского «История информационных войн», где одна из глав полностью посвящена военной периодической печати в период Мировой войны [2]. Значительную ценность представляют публикации А. Г. Гужвы [3; 4]. Наиболее современной по времени является статья Г.А. Салтык и А.А. Строевой, опубликованная в «Учёных записках Курского государственного университета» [5] посвящённая военной цензуре в Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Война крайне осложнила ситуацию с внутренней безопасностью России. Среди них следует отметить рост активности вражеских разведок, диверсантов, и внутренних предателей. Кроме того, общественные, политические организации России и других стран, а также оппозиционно настроенные подданные распространяли пропагандистские сведения различного, в большинстве «нежелательного» для правительства, содержания. Тем самым они негативно влияли на умонастроения фронта и тыла в условиях тяжёлой военной обстановки. Создалась необходимость в учреждении, которое бы вместе наряду с полицией и Отдельным корпусом жандармов пресекал разведывательную деятельность, отслеживал положение населения и войск, пресекал пути передачи «вредной» информации в Империи. Для реализации этих задач была создана военная цензура, которая стоявшая на защите интересов государства, прежде всего, от вражеского шпионажа. Одним из важнейших источников сведений, откуда военная цензура получала необходимую информацию, могло пытаться её изменять в собственную пользу, была пресса.

Временное положение о военной цензуре» было утверждено Николаем II уже на следующий день после вступления России в войну. Согласно данному документу, главнокомандующему или командующему отдельной армией разрешалось в случае необходимости для успешного ведения боевых действий запрещать собственным распоряжением в подчиненной им прифронтовой зоне выход газет и журналов.

«Временное положение о военной цензуре» состояло из девяти глав. В первой главе излагались общие положения о военной цензуре. Прежде всего объяснялось, что военная цензура есть мера исключительная и имеет назначение не допускать при объявлении мобилизации армии, а также во время войны разглашения и распространения сведений, наносящих

вред военным тайнам страны. Военная цензура могла устанавливаться в полном объёме или частично. В полном объёме военная цензура действовала в местах ведения военных действий, а частичная – в тыловых районах. В первом случае действовала предварительная цензура. Вторым вариантом подразумевалось распространение цензуры на международную почтовую и телеграфную переписку, а на внутреннюю – по распоряжению начальников военных округов [2; с. 40].

Вторая глава определяла организацию органов военной цензуры. В действующей армии её осуществляли штабы командующих армиями, фронтами и военными округами. За пределами фронтовых районов эта задача возлагалась на Главную военно-цензурную комиссию, находившуюся при Главном управлении Генерального штаба, и местные военно-цензурные комиссии, состоявшие при штабах военных округов.

Третья глава определяла обязанности учреждений военной цензуры. Права и обязанности военных цензоров были изложены в следующих трёх главах «Положения». Четвёртая глава разъясняла порядок цензуры произведений печати непосредственно на фронте. Её первая статья гласила, что должностные обязанности военных цензоров предусматривают следующие меры; не допускать к публикации сведений, даже если они были и не предусмотрены подробными правилами, издаваемыми военным министром по применению настоящего временного положения, которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства [2; с. 41].

Несомненно, данная глава серьёзно расширила права военного цензора и дала ему возможность запрета до разрешения в вышестоящей инстанции любой корреспонденции, если он считал, что она представляет собой угрозу разглашения военной тайны.

Пятая глава определяла порядок взаимоотношений военного цензора и типографий, литографий, а также заведений, которые изготавливали и продавали типографские шрифты, краски и осуществлявших книжную торговлю на фронте. Шестая глава установила военную цензуру телеграмм и почты. Седьмая глава предоставила военной цензуре право проверки докладов и публичных речей. Восьмая глава устанавливала дисциплинарную ответственность за нарушения военной цензуры. Согласно ей положениям, ответственность за содержание публикуемых в периодических изданиях изображений и сведений лежала на редакторе, и его вина считалась автоматической, если требования цензуры были нарушены его журналом или газетой. Дела о нарушении требований военной цензуры открывались при штабах армии, фронта или военных округов, а также учреждениями и должностными лицами. Когда в выпущенных в тираж изданиях были найдены нарушения, они подлежали аресту. В девятой главе расписывалась штаты Главной военно-цензурной комиссии и местной военно-цензурной комиссии [2; с. 45-48].

Вместе с «Временным положением» был расширен принятый ещё в 1912 году «Перечень сведений, касающийся внешней безопасности России или ее Вооруженных Сил и сооружений, предназначенных для военной обороны страны, сообщение коих в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещалось», включавший 18 ограничительных статей, он был подписан 2 августа 1914 года министром внутренних дел Н. А. Маклаковым. Вскоре был введён в действие ещё более полный «Перечень», состоявший из 25 пунктов. 31 июля 1915 года был издан финальный за годы войны «Перечень», состоявший из 30 запретительных положений. Тем не менее, запретительные меры данного перечня касались только печатных изданий, а не публичных высказываний [6; с. 29].

Под тотальным надзором оказалась в первую очередь периодическая печать. Так, в 31 статье прямо указывалось на то, что контроль над печатью вверялся военным цензорам, получившим право «не допускать к опубликованию путём печати всякого рода сведений

...которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства». «Временное положение о военной цензуре» учитывало опыт «чрезвычайной охраны».

20 июля 1914 года по распоряжению начальника генерального штаба в Петрограде была учреждена военно-цензурная комиссия, хотя здесь, как в столичном городе, уже существовала военная цензура. В марте 1915 года военная цензура была введена и в Москве, несмотря на то, что вторжение врага ей не угрожало. Военная цензура пыталась стать абсолютной, включая в себя и политическую цензуру.

В секретном письме от 14 декабря 1915 года на имя начальника Главного штаба председатель Совета министров И. Л. Горемыкин подчеркивал: «Военная цензура, просматривая предназначенный к выпуску в свет газетный материал, должна оценивать последний не с одной лишь узко военной точки зрения, а и с общеполитической» [6; с. 30].

Таким образом, введение в России военной цензуры в 1914 году было обусловлено положением военного времени. Правительство самостоятельно определило поле цензурных запретов – под них попадали любые сведения, которые могли представлять интерес для разведок враждебных государств, и касающиеся охраны государственного порядка. Нормативно-правовая база цензурных запретов менялась с течением военного времени, конкретизировались и дополнялась в сторону большего ужесточения цензурного режима. От вопросов непосредственно военного характера, военные цензоры перешли к общегосударственным публикациям и стремились поставить под свой контроль любые публикации в периодической печати.

Библиографический список

1. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. 150 с.
2. Волковский Н. Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2.Спб. 2003. 735 с.
3. Гужва Д. Г. Русская военная печать в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – М. 2007. № 12. С. 37-41.
4. Гужва Д.Г. Правовая основа деятельности российской военной периодической печати // Военно-исторический журнал. – М. 2009. № 10. С. 66-68.
5. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. 859 с
6. Салтык Г. А., Строева А. А. Первая мировая война : к истории военной цензуры // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск. 2011. С. 29-33.

Сведения об авторе:

Гришин Никита Игоревич, магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: sheensilver777@gmail.com

**БАРОНЕССА М.Д. ВРАНГЕЛЬ
О ТРУДОУСТРОЙСТВЕ И ОБРАЗОВАНИИ «БЫВШИХ»
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)**

Аннотация: статья посвящена трудоустройству и образованию дворян в первые годы советской власти. Раскрывает проблему занятости «бывших», а также описывает изменения в работе учебных заведений на примере воспоминаний М. Д. Врангель.

Ключевые слова: Советская власть, «бывшие», М.Д. Врангель, трудоустройство, образование.

Zhuravskaya A.V. Employment and education "former" in the first years of the Soviet power on the example of memoirs M.D. Wrangel

Abstract: Article is devoted to employment and education of noblemen in the first years of the Soviet power. Opens a problem of employment "former" and also M.D. Wrangel describes changes in work of educational institutions on the example of memoirs.

Keywords: the tragedy of "former", M.D. Wrangel, employment, education.

Российская революция, 100-летие которой отмечается в этом году, явилась огромным потрясением для страны. Приход большевиков к власти резко изменил жизнь каждого человека того времени. Представители дворянского сословия столкнулись с наибольшими проблемами во всех сферах жизни.

М.Д. Врангель ярко описывала в своих воспоминаниях под названием «Моя жизнь в коммунистическом раю» [1] и «Люди – Звери» [2] особенности трудоустройства людей своего круга, а так же получения ими образования в первые годы советской власти. Трагические последствия революции в виде Гражданской войны, во время которой Мария Дмитриевна находилась в Петрограде, не могли не сказаться на ее жизни. Ее воспоминания ранее не вводились в научный оборот. Можно также отметить, что проблема жизненного уклада дворянского сословия после революции вообще мало изучалась в российской историографии. В годы советской власти интерес к судьбе «бывших» не поощрялся, поэтому они оказывались «забыты» историками. Воспоминания матери Белого генерала, баронессы и просто пожилой женщины, вынужденной каждый день бороться за существование, помогают реконструировать особенности повседневности бывших представителей привилегированного строя, тем самым заполнив определенные лакуны в отечественной истории.

Представители привилегированного сословия с приходом большевиков к власти были отнесены к «буржуазному классу», в который входили, так называемые, «бывшие» или «бывшие люди». Сюда же были отнесены представители других социальных групп и сословий: офицеры царской и белой армий, чиновники, купцы, помещики, священники. Все они были подвержены разного рода притеснениям, гонениям и лишениям [4, с. 43].

Советская власть стремилась контролировать «бывших» во всех сферах жизни, и трудовая деятельность не была исключением. Постановление 1918 г. гласило, что трудящийся не является «буржуем»: «Под понятие буржуа входят все лица, живущие или доходами от капитала, или торговыми, промышленными предприятиями с наемным трудом. Служащие и вообще труженики под это понятие не подходят» [4, с. 51]. Исходя из этого постановления,

работающие представители «бывших» должны были быть избавлены от притеснений, но на деле все обстояло иначе.

М.Д. Врангель вспоминала о своей трудовой жизни в условиях Гражданской войны: «Оклады получали тысячные, я менее 3-х тысяч в месяц не знаю, а все бродили голодные и раздетые. Так как право на существование, или верите, на прозябание в Петрограде имеет только тот, кто служит, так и на трудовой карточке, по которой выдают хлеб и селедки, напечатано: «Кто трудится, тот и есть», а потому на службу бросились все, кого только ноги держат, и кто еще не совсем впал в идиотизм» [1, с. 202].

Трудовая книжка с 1918 г. была главным документом, удостоверявшим личность. При этом существовали особые трудовые книжки для работающих на негосударственных предприятиях – «для буржуазии». Естественно, такой документ был менее ценным и выдавал дворянское происхождение владельца [4, с. 54].

В годы Гражданской войны и в последующий период пренебрежительное отношение к представителям дворянского сословия и явная дискриминация приобрели официальный характер. Школы, высшие учебные заведения и всевозможные трудовые организации продолжали выбранную властью политику ущемления прав отдельных категорий населения.

В 1918 г. СНК передал в ведение Наркомпроса учебные и образовательные учреждения всех ведомств. Вскоре вышло Положение о единой трудовой школе РСФСР. Школьный совет, руководивший деятельностью учреждения, включал в себя всех работников школы, представителей трудящихся района, местного отдела народного образования и учащихся с 12-летнего возраста.

Единая трудовая школа отличалась бесплатностью, совместным обучением мальчиков и девочек, ликвидацией старых учебников, системой оценок и домашних заданий, наличием вступительных, переходных и выпускных экзаменов, отказом от наказаний [3, с. 98]. Воспоминания М.Д. Врангель отражают увиденную ею реальность этих перемен: «Ни учебников, ни научных пособий нет, журналы не издаются, заграничные не получают, школы значатся более на бумаге, в действительности же сокращены до минимума, так как нет помещений, топлива, учителей, пособий и т. д. Благодаря совместному обучению девочек с мальчиками, при современной недисциплинированности и распущенности – один разврат. В классах приказано убрать иконы, запрещено носить кресты» [1, с. 210].

Действительно, отсутствие необходимых условий труда, слабая профессиональная подготовка учителей, а иногда и вовсе ее отсутствие, не лучшим образом сказывались на образовании. Учителями могли именоваться почти все, кто мыслил в рамках господствующей идеологии. В 1918 г. был создан Всероссийский союз работников просвещения и если в первый год количество членов составляло 70 тыс. человек, то в 1920 г. уже 300 тыс., учитывая то, что в этом году только 34 тыс. человек прошли педагогическую подготовку. Такая ситуация сохранялась довольно долго. В 1925 г. только 22% учителей обладало специальным образованием [3, с. 104].

До середины 1920-х годов проявлялась заметная дискриминация по отношению к детям «бывших» дворян. Образование для них не было бесплатным, а также при недостатке мест в школе, преимущество поступления в учебное заведение всегда было на стороне детей рабочих и крестьян.

В сфере высшего образования главной целью советской власти была подготовка новых специалистов на замену специалистам дореволюционной школы. Интеллигенция рассматривалась большевиками, как носитель буржуазного сознания. Пренебрежительным было отношение некоторых коммунистов к выдающимся людям. Например, большевик Рахья заявлял,

по словам М.Д. Врангель, что талантливых людей надо резать, потому что «ни у одного человека не должно быть преимуществ перед людьми. Талант нарушает равенство» [3, с. 67].

Подобное отношение к интеллигенции стало причиной того, что в первые годы Гражданской войны многие представители интеллектуальной элиты были расстреляны без суда, в качестве заложников. Продовольственная карточка, второй или даже третьей категории, доводила людей творческих профессий до голодной смерти. В своих воспоминаниях М.Д. Врангель отмечала жестокость и несправедливость новой власти по отношению к деятелям науки и искусства: «Масса выдающихся научных деятелей погибало от расстрелов и голода. <...> Знаю, что умерли от истощения академики Лаппо-Данилевский и А.А. Шахматов и другие, целый список имен. Можно составить обширный мартиролог погибших во цвете лет, сил, дарований от руки большевиков» [1, с. 211].

В 1918 г. был принят декрет Совнаркома, отменявший ученые степени и звания, была введена выборность профессуры и коллегиальность руководства. Государство контролировало теперь финансовую и административную деятельность университетов, не касаясь учебной сферы [3, с. 109].

В августе 1918 г. был принят декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения». Новый закон отменял все существовавшие ограничения на поступление в университет. Таким образом, для получения высшего образования не было необходимости иметь диплом о среднем образовании, сдавать вступительные экзамены и оплачивать обучение.

Большинство студентов теперь являлись представителями рабочих и крестьян. Естественно, что их знания были далеки от требований, предъявляемых высшими учебными заведениями. Это сподвигло новую власть к созданию факультетов, которые готовили рабочую молодежь к учебе. В 1919 г. в Москве насчитывалось 59 таких курсов. Названные причины привели к заметному снижению уровня образования в первые годы советской власти, резко упала грамотность населения [3, с. 106].

Таким образом, дворянское происхождение лишало возможности получить необходимую защиту и помощь от государства в самых различных областях жизни. В полной мере ограничение прав этой части населения коснулось и сферы образования

«Если бы каждый из нас, очевидцев эпохи большевизма, хоть бы один факт им пережитый, или ему достоверно известный, об изуверствах большевиков, – занес бы на страницы печати, – какой бы грандиозно-чудовищный памятник современным героям, исчадиям ада, был бы оставлен потомству» [2, с. 11]. Эти слова с невероятной силой передают ту боль и страдания увиденные и пережитые М.Д. Врангель. Она, как и многие другие, оказавшись в числе отверженных новым строем, сохранив чувство собственного достоинства, стойко переносила все лишения. На мой взгляд, накануне 100-летия революции необходимо вспомнить не только о ее значимости, но и о неоправданных жертвах, исчисляемых миллионами сломанных судеб представителей дворянского сословия.

Библиографический список

1. Врангель М.Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. – 1922. – Т. 4.
2. Врангель М.Д. Люди – Звери // Русская летопись. – 1924. – Т. 6.
3. Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997.
4. Чуйкина С.А. Дворянская память. – СПб., 2006.

Сведения об авторе:

Журавская Анастасия, магистрант кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036, Брянск, Российская Федерация, e-mail: nastyazhuravskaya.95@mail.ru

УДК 942.080.1

Сагимбаев А.В.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ИМПЕРАТИВОВ КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье анализируются отдельные аспекты участия Великобритании в формировании основ версальско-вашингтонской системы мироустройства. Особое внимание при этом уделяется анализу попыток представителей британской политической соотнести вильсонские принципы международных отношений с базовыми целями своей колониальной политики.

Ключевые слова: Первая мировая война, Лига Наций, мандатная система, Британская империя, колониализм.

Sagimbayev A.V. The problem of forming a new world order in the context of the evolution of the imperatives of the colonial strategy of the Great Britain after the First world war.

Abstract: the article analyses certain aspects of the participation of Britain in the formation of the Versailles-Washington world order. Special attention is paid to the analysis of the attempts of the representatives of the British political correlate wilsonian principles of international relations with the basic goals of their colonial policy.

Key words: First world war, the League of Nations, mandate system, the British Empire, colonialism.

Исследование исторического феномена имперских образований остаётся одним из наиболее актуальных направлений научного исследования. Закономерности эволюции британской имперской системы, являвшейся крупнейшим и одним из наиболее сложных в мировой истории государственных образований представляют важным объектом изучения, требующим всестороннего анализа с учётом всего многообразия обуславливавших её факторов.

Несмотря на масштабный территориальный рост Британской империи на рубеже XIX-XX вв., предметом научной дискуссии до настоящего момента является вопрос о системном характере её организации¹. Взгляды политической элиты Великобритании относительно целей и характера имперской экспансии претерпели к этому времени существенную трансформацию. Вплоть до 1870-х гг. в британских общественно-политических кругах весьма распространённым являлся скептический взгляд в отношении масштабных колониальных захватов. Индия, а также африканские колонии рассматривались как чрезмерное бремя для Великобритании, поскольку, как полагали скептики, в силу традиционного менталитета их населения, несмотря на все усилия метрополии, «будут тяготеть к рабству, деспотизму и экономическому истощению»[Darwin J. 2009: 319]. Специфика британского колониализма, как отмечает российская исследовательница С. В. Лурье, в течение долгого времени заключалась в том, что «английское правительство, в противоположность испанскому и португальскому, на деле не принимало участия в основании колоний; вмешательство метрополии в их внутреннюю организацию по праву всегда было ограничено, а на деле равнялось нулю» [Лурье С. В. 2012: 158].

---

¹ Активная дискуссия в британской историографии относительно характера политико-правового и административного характера устройства империи началась ещё в межвоенный период. См. например: Dunlot F. England after the War. N.Y., 1920. Egerton H. E. British Colonial Policy in the XXth century. London, 1922. Elliott W.Y. The New British Empire. N.Y. - L. 1932.

Первая мировая война, ставшая, по мнению многих современников, тяжелейшим испытанием для британского государства за длительный исторический период, обусловила ряд принципиально новых тенденций в экономическом и политическом развитии Великобритании, напрямую повлиявших на дальнейшую эволюцию её имперской организации и колониальной стратегии.

Одной из важных проблем для Уайтхолла являлось максимально эффективное встраивание Британской империи в новую систему международных отношений. Вместе с тем, изменения, произошедшие на международной арене по итогам Первой мировой войны, явились важным фактором трансформации британского колониального механизма.

В период войны в Великобритании начались дискуссии об ограничении национального суверенитета и создании некоей структуры, подобной мировому правительству. Данная идея, впервые появившись в британских антиимпериалистических кругах в конце XIX в., отражала утопическую надежду части интеллектуального сообщества на «гуманизацию и гармонизацию международных отношений»[Clayes G. 2010: 356]. Антиимпериалистическая идея, в данном контексте, оказалась связана и с заметным усилением позиций различного рода националистических идеологий, распространявшихся в различных регионах мира, в том числе, и в пределах Британской империи.

Как отмечает в своих исследованиях американский историк У.Р.Льюис, основные британские политические силы «очень активно восприняли идею формирования нового мирового порядка и постарались принять деятельное участие в оформлении его концепции»[Wenkler H.R. 1952: 205]. В особенности значимой в данном контексте оказалась деятельность Лейбористской партии, «сыгравшей важную роль в утверждении универсального принципа международной системы»[Louis W. R. 2006: 35]. В одной из публикаций, в июле 1920 г. подчёркивалось, что «Британская нация готова участвовать в разработке общей политики по защите мира и закона...» [«The Daily Telegraph» 16th Jul: 2]. В то же время, среди британской политической элиты превалировала точка зрения о том, что вильсонский принцип права народов на самоопределение применим лишь к «цивилизованным», европейским народам. Колонии же рассматривались преимущественно как необходимый экономический ресурс для послевоенного восстановления страны. Популярная в британских политических кругах идея ответственности «развитых» и «состоявшихся» наций за развитие «остальных» народов, в особенности в тех регионах мира, где национальное строительство находилось на ранней стадии, либо не было интегрировано в мировую систему, во многом восходила к трудам философов-просветителей XVIII в. В условиях поиска новых императивов международных отношений она продолжала оставаться важным аргументом, основываясь на котором, Великобритания обосновывала сохранение собственного контроля над обширными колониальными владениями.

Одной из ключевых проблем, обсуждавшихся представителями британской политической элиты на завершающем этапе Первой мировой войны, явилась предложенная президентом США идея создания Лиги Наций. Многие из них связывали данную идею со своим давним проектом создания «мирового правительства». В частности, представители объединения «Круглого стола», оказывавшие немалое влияние на формирование официальной позиции кабинета Д. Ллойд-Джорджа в ходе послевоенных переговоров, попытались реализовать как в концепции самой Лиги Наций, так и в оформившейся вскоре схеме мандатной системы, собственные имперские взгляды и представления. В рамках возникшей вокруг данных проблем дискуссии в обществе произошёл заметный идейный раскол между приверженцами традиционной империалистической идеологии и сторонниками реализации проекта «мирового правительства»[Marlowe J. A. 1954: 336].

Всю сложность интеллектуального поиска, происходившего в тот момент, попытался выразить в своей, получившей широкий резонанс статье под названием «Окна свободы» Л. Кёртис. Его публикация вышла в свет в журнале «Круглый стол» 21 декабря 1918 г., накануне начала работы Парижской мирной конференции. По мнению Л. Кёртиса проект Лиги Наций мог оказаться успешным лишь в случае выполнения трёх необходимых требований. Первым из них должна была стать как можно более тесная кооперация между Великобританией и США. «Война,- подчёркивал Кёртис,- показала Америке, что мир един, и ей невозможно сохранять прежнюю политику изоляции»[Curtis L. 1918: 5]. Ещё одним существенным требованием, без которого Лига Наций не могла стать реальным центром мировой власти, являлась выборность представителей и наделение их функциями налогообложения государств-участников. До тех пор, пока «не сформируется структура мирового правительства, беспомощность Лиги будет представлять величайшую угрозу для человечества... Мир надеется увидеть в ней Правительство, говорящее и действующее от имени всего человечества», - отмечалось в статье[Curtis L. 1918: 18]. Третьим важным условием, предложенным Л. Кёртисом, явилась так называемая «система доверия», с помощью которой Лига «будет направлять некоторые страны к миру, порядку и эффективному управлению». Данная «система» должна была применяться в отношении «рас, которые ещё не могут надеяться на самоуправление в Африке и на Тихом океане» [Curtis L. 1918: 25].

По сути, Л. Кёртис одним из первых озвучил идеи, ставшие в последующем основой для мандатной системы Лиги Наций. После публикации статьи, лорд Сесил, являвшийся британским представителем в комитете, готовившем базовые документы будущей международной организации, пригласил Кёртиса подробнее изложить свои взгляды на заседании секции Лиги Наций. В ходе этой встречи Кёртис, в числе прочих познакомился с будущим автором итогового проекта мандатной системы, главой делегации ЮАС Я. Смэтсом.

В то же время, позиция Л. Кёртиса разделялась далеко не всеми представителями британского истеблишмента. Внутри него существовала влиятельная группа, выражавшая скепсис в отношении идеи Лиги Наций. В её состав входили А. Милнер, Л. Эмери и Ф. Керр. Наиболее значимой, с точки зрения официальной позиции британского правительства, являлась позиция Ф. Керра, занимавшего в период с 1916 по 1921 г. должности личного секретаря и советника по внешнеполитическим делам премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа. По мнению некоторых исследователей, именно под влиянием Керра, Д. Ллойд-Джордж в январе 1919 г. заставил лорда Сесила внести существенные коррективы в первоначальный проект Устава Лиги Наций [MacMillan M. 2001: 49].

Ещё в декабре 1917 г. советник премьер-министра заявил о том, что, по его мнению, после окончания войны на базе Верховного Военного Совета Антанты, действовавшего в Версале, необходимо учредить «Лигу Союзных Наций», которая призвана стать «центральным пунктом послевоенного мироустройства», объединяющим союзные державы «в утверждении мирового устройства»[Egerton W. 1990: 25-26]. В декабре 1918 г. на одном из заседаний Военного кабинета Ф. Керр подчеркнул, что Лига Наций «не должна строиться как орган, обладающий исполнительной властью... и не может стоять выше национальных суверенитетов»[Egerton W. 1990:37].

31 января 1919 г. Д.Ллойд-Джордж выступил категорически против проекта Устава Лиги Наций, предложенного лордом Сесилем и А. Милнером, потребовав внести в него ряд принципиальных изменений. Перечень данных изменений был подготовлен в меморандуме, составленном Ф.Керром. В документе, в частности категорически отвергалась идея В. Вильсона о системе коллективной безопасности и территориальных гарантиях, а также подчёркивалось, что в случае, «если Лига наложит на участников обязательства воевать при любых не

совсем ясных обстоятельствах, это способно привести лишь к её саморазрушению» [Egerton W. 1990:37]. Реальной альтернативой проекту В. Вильсона, по мнению Керра, должна была стать система «постоянных консультаций» между государствами, по итогам которых решения принимались бы в зависимости от конкретной ситуации. «Фиксированные обязательства» участников Лиги Наций должны были быть при этом сведены к минимуму [Knock T. J. 1992: 215]. Тем не менее, лорд Сесил фактически проигнорировал указания премьер-министра, и при поддержке В. Вильсона добился включения в итоговый проект Устава Лиги Наций всех его базовых идей, изложенных ещё в августе 1918 г.

Окончательное утверждение базового документа будущей международной организации означало временное поражение сторонников «империалистического» тренда среди британской политической элиты. Однако уже в марте 1920 г. ратификация Устава Лиги Наций была заблокирована в Сенате США. Известие об этом было позитивно воспринято многими британскими политиками. Ф. Керр в письме, адресованном членам общества «Круглого стола» подчеркнул, что «утрата Лигой Наций поддержки со стороны одного из своих основных членов, со всей очевидностью доказывает, что общественные настроения ... в настоящий момент склоняются в пользу права наций на суверенитет, а не верховенства международных законов ...» [Knock T. J. 1992: 215] В связи с отказом США от участия в Лиге Наций, он считал необходимым «пересмотр подходов Великобритании к данной проблеме» [Kerr Ph. 1920: 225]. Британское участие в деятельности международной организации должно быть обусловлено, по его мнению, тремя базовыми принципами. Во-первых, Великобритания должна была отказаться от «любых военных обязательств» [Kerr Ph. 1920: 225]. Во-вторых, «британское правительство должно воздерживаться от принятия любых обязательств, не соответствующих его реальным возможностям» [Kerr Ph. 1920: 226]. Наконец, Великобритания должна была продемонстрировать категорическое неприятие любого «военного или экономического давления», которое Лига Наций могла оказывать на «непокорные государства» [Kerr Ph. 1920: 226]. Альтернативы данному подходу, по мнению Керра не было, так как «влияние Лиги Наций на британские имперские отношения в настоящий момент становится опасным и дезориентирующим» [Kerr Ph. 1920: 232].

Принципы нового мироустройства, оформленные по итогам Версальской и Вашингтонской конференций, вызывали неоднозначную реакцию среди британской интеллектуальной элиты. Уже в 1919 г. один из наиболее известных экономистов и сторонников социального реформизма Дж. М. Кейнс в работе «Экономические последствия мира» указал на глубокие противоречия новой международной системы, обуславливающие потенциальную возможность возникновения новых масштабных конфликтов [Кейнс Дж. М. 1922: 147]. В статье «Окна свободы» Л. Кёртис подчёркивал, что «Союзники в Европе не могут быть ответственными перед Лигой Наций за весь регион за пределами Европы, отделенный ныне от Германии и Турецкой империи. Будущее системы зависит от того, примет ли Америка свою справедливую часть бремени, особенно на Ближнем Востоке... и в Германской Восточной Африке» [Curtis L. 1918: 25].

Наряду с проблемой определения базовых принципов деятельности новой международной организации, в политических дискуссиях уделялось существенное внимание формулированию концепции мандатной системы. В статье «Окна свободы» Л. Кёртис, в числе прочего, предложил ввести в международно-правовую практику понятие «брошенных территорий», пояснив, что единственной надеждой народов, которые не могут управлять собой сами или даже учиться этому, является опека со стороны великих демократических наций» [Curtis L. 1918: 35-36]. В данном случае, представители британского политического руководства проявили принципиальное единодушие. В частности, Ф. Керр в ходе одного из предвари-

тельных обсуждений будущей судьбы германских и османских владений, заявил о необходимости установления «цивилизованного контроля над политически отсталыми людьми, ... которые не в состоянии управлять собой сами. Только европейские державы могут вмешаться и защитить их от деморализующих влияний» [Grayson R.S. 2001: 154]. В реализации планов «Круглого стола», касавшихся концепции мандатной системы, важную роль сыграл один из «учеников» Л. Кёртиса Дж. Л. Бир, занимавший должность эксперта по колониальным вопросам в делегации США на мирной конференции. В декабре 1918 г. он организовал встречу Кёртиса с полковником Хаузом и генералом Т. Блиссом, которые оказывали существенное влияние на формирование официальной линии США в ходе переговоров. В организации этого неформального диалога с ведома главы британского правительства участвовал и Ф. Керр. Задача Л. Кёртиса сводилась к тому, чтобы в проекте мандатной системы был достигнут максимальный компромисс между принципами, провозглашёнными В. Вильсоном, и имперскими интересами Великобритании. В ходе этих неофициальных дискуссий Дж. Л. Бир допустил участие США в распределении будущих мандатов, и, в частности, предложил возможность установления американского управления над бывшей германской Восточной Африкой [Louis Wm. R. 2006: 251]. К числу фигур, оказывавших ключевое влияние на переговорный процесс по данной проблеме, относился и А. Милнер, назначенный председателем комиссии по подготовке проекта мандатной системы. Поддерживая, в целом, предложения о выделении США подмандатных территорий, в целях установления «тесного союза между США и Великобританией» [Grayson R.S. 2001: 159], он выступал категорически против каких-либо уступок в Африке, которые могли бы нарушить стратегические позиции Великобритании. В конечном итоге, после отказа США от участия в Лиге Наций, распределение мандатов окончательно превратилось, по словам лорда Бальфура, в «распределение наград» [Grayson R.S. 2001: 159], основанное на традиционных стереотипах колониальной политики ведущих держав-победительниц.

В контексте будущего учреждения Лиги Наций, организация «Круглого стола», Имперская Федеративная Лига, а также некоторые другие объединения сторонников укрепления единства империи, прорабатывали идею создания имперского правительства, а также имперского федеративного парламента, состоящего из избранных представителей Великобритании и доминионов, в сферу компетенции которого планировалось передать вопросы общей внешней и колониальной политики, обороны, а также руководства вооружёнными силами. Индия, Египет, а также колониальные территории должны были быть исключены из предполагаемой «тесной федерации», в силу «незрелости политических институтов» [Curtis L. 1917: 564]. В 1917 г. по итогам имперской конференции было принято важное решение относительно установления «нового формата конституционных отношений между составными частями империи» [Hearnshaw F. J. C. 1920: 162], а созданный в марте 1917 г. Британский Военный кабинет, состоявший из пяти ключевых политических фигур, представлявших метрополию и доминионы, рассматривался, как прообраз будущего имперского федеративного правительства.

В то же время, по инициативе лорда Милнера из положения о мандатах было исключено положение о «флаге Лиги Наций для подмандатных территорий». В конечном счете, было принято решение оставить для них национальные флаги мандатариев. Таким образом, британская сторона признала, что намерена ассоциировать с мандатной системой собственный суверенитет, а не юрисдикцию Лиги Наций. Как отмечал лорд Милнер, «население подмандатных территорий должно иметь разделённый суверенитет» [Cambell L. 1954: 251].

В 1922 г. лорд Лугард, характеризуя мандатную систему, отмечал, что «британский мандат имеет двойное значение. Во-первых, это ответственность перед подчинёнными, во-

вторых – перед всем человеческим сообществом. По отношению к колониальным подданным – это ответственность за прогресс в развитии их морали и образования. По отношению к человеческому сообществу – право эксплуатировать их изобильные богатства»[Lugard F. 1922: 457]. Данная точка зрения не совпадала с концепцией Л. Эмери, следующим образом, описывавшего в 1919 г. своё видение целей колониальной политики применительно к африканским владениям: «главной целью, конечно, является развитие и благополучие обитателей этого региона. Но я уверен, что мы не сможем развивать их и помогать им без чрезмерного расходования богатств, которые могут оказать помощь стране в будущие сложные времена»[Porter V. 2013: 268]. Кроме того, по мнению Л. Эмери, реализация программ развития колоний должна была «обеспечить развитие как их собственного населения, так и Британской империи в целом...»[Эмери Л. 1960: 424]

Межвоенный период явился важным переходным этапом в истории британской колониальной системы, связанным с отказом от многих постулатов сложившейся в поздневикторианский период модели империализма. Социально-экономические и политические изменения в развитии метрополии и колоний, морально-психологическое воздействие событий Первой мировой войны, существенное изменение международного фона, стали теми важными факторами, которые побуждали британскую политическую элиту к поиску новых решений в сфере колониальной стратегии и выработке новых концепций в области колониальной идеологии.

Библиографический список

1. Кейнс Дж. М. Экономические последствия мира. М.: ГИЗ, 1922. 156 с.
2. Лурье С. В. IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО – XXI, 2012. 272 с.
3. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М. Изд-во иностранной литературы, 1960. 686 с.
4. Cambell L. Empire by Mandate: Mandates, Dependencies and the Permanent Mandates Commission of the League of Nations. N.Y.: Bookman Associates, 1954. 239 p.
5. Curtis L. The Commonwealth of Nations. L.: Macmillan and Co, 1917. 786 p.
6. Curtis L. The Commonwealth of Nations. L.: Macmillan and Co, 1918.
7. Curtis L. The Windows of Freedom. // The Round Table, December 1918.
8. Darwin J. Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge University Press, 2009. 811 p.
9. Dunlot F. England after the War. N.Y.: Doubleday, Page & Company 1920. 348 p.
10. Egerton H. E. British Colonial Policy in the XXth century. L.: Mathuen & Co Ltd., 1922. 280 p.
11. Egerton W. Ideology, Diplomacy and International Organization: Wilsonism and the League of Nations in Anglo-American Relations, 1918-1920. // Anglo-American Relations in 1920s: the Struggle for Supremacy. Ed. by B.J.C. McKercher. Edmonton, 1990.
12. Elliott Y. The New British Empire. L., N.Y., 1932. 553 p.
13. Claves G. Imperial Skeptics: British Critics of Empire. 1850-1920. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 356 p.
14. Grayson R.S. Liberals International Relations and Appeasement. The Liberal Party, 1919-1939. London and Portland: Frank Cass, 2001. 202 p.
15. Hearnshaw F. J. C. Democracy and the British Empire. L.: Constable and Company Ltd., 1920. 230 p.
16. Kerr Ph. The British Empire, the League of Nations and the United States // The Round Table, March 1920.
17. Knock T. J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest of New World Order. Oxford: Oxford University Press, 1992. 424 p.
18. Louis Wm. R. Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. L., N.Y.: I.B. Tauris, 2006. 1082 p.

19. Lugard F. The Dual Mandate. L.: Routledge, 1922. 696 p.
20. MacMillan M. Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and its Attempt to End War. L.: John Murray Publishers, 2001. 574 p.
21. Marlowe J. A. Anglo-Egyptian Relations 1800-1953. L.: The Cresset Press, 1954. 444 p.
22. Porter B. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y.: Longman, 2013. 496 p.
23. «The Daily Telegraph» 16th Jul.
24. Wenkler H.R. The League of Nations. Movement in Great Britain, 1914-1919. New Brunswick, N.J., 1952. 301 p.

Сведения об авторе:

Сагимбаев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: sagimbaev@yandex.ru

УДК 94(100)"1914/19"

Д. М. Селиверстов

ГЕРМАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация: В статье рассматривается возникновение Бюро военной пропаганды Великобритании, под руководством Ч. Мастермана. Освещаются основные цели и направления работы Бюро на начальном этапе Первой мировой войны, и его дальнейшая судьба.

Ключевые слова: Ч. Мастерман, Веллингтон Хаус, Бюро военной пропаганды, Нортклифф.

Silverstov D.M. Germany as object of propaganda in the years of the Great war

Abstract: The article discusses the emergence of the British War Propaganda Bureau, under the leadership of Charles Masterman took. Highlights the main objectives and areas of work of the Bureau at the initial stage of the First world war, and his fate.

Key words: C. Masterman, Wellington House, British War Propaganda Bureau, Northcliffe.

Данная работа публикуется на средства гранта **РГНФ - 15-01-00399** «Формирование образа героя на страницах российской и немецкой печати в период Первой мировой войны. Сравнительный аспект. К проблеме формирования культурной памяти».

До войны в Великобритании просто не существовало сколь-нибудь развитой системы пропаганды, равно как и служб по надзору за общественным мнением. Военные, политические, экономические конфликты прошлого не требовали вовлечения огромного количества масс, поскольку кампании по влиянию на общественное мнение ограничивались эпизодическими соглашениями правительства и средств массовой информации. В тоже время к началу войны британцы имели все возможности для создания и освоения искусства пропаганды: они обладали одной из лучших в мире систем сбора и распространения информации благодаря развитой национальной «независимой» прессе и обширному опыту в области международных коммуникаций по техническим и финансовым вопросам [1, p.122].

Институты английской пропаганды начали действовать не сразу сначала войны. Потребовалось определенное время на осознание необходимости «запуска механизма» пропаганды для контроля над общественным мнением в нейтральных странах и внутри Британии, но и на то, чтобы механизм начал работать на полную мощность. Английские исследователи М.Л. Сандерс и Ф.М. Тэйлор отмечали: «Точные причины участия британского правительства в военной пропаганде скрыты облаком неопределенности. В результате перед нами предстает картина быстрой импровизации, размытой ответственности и метод проб и ошибок. Британские чиновники, не знакомые с управлением общественным мнением, неожиданно оказались привлечены к работе, делать которую они мало хотели и еще меньше умели. До 1914 г. предпочтение отдавалось скорее секретности, чем публичности. Даже после начала войны правительство почти не озаботилось иным объяснением причин или оправданием британского участия в войне, кроме подготовки к публикации «Синей книги». Рост антагонистических настроений перед войной и волна патриотического энтузиазма поначалу избавили правительство от этой заботы» [2, p.15].

Через несколько дней после начала войны Г. Асквит получил тревожные сведения из Соединенных Штатов. Ему докладывали, что немецкие агенты, действуя в тайне до объявления войны, создали местное пропагандистское агентство – «Германское информационное бюро» (German Foreign Office). Его целью была публикация благоприятных для имиджа Германии историй непосредственно в газетах США и других нейтральных стран. Кроме то-

го, немецкий МИД создал и финансировал «Центральное бюро иностранных служб» (Zentral Stelle für Auslandsdienst) под руководством Маттиаса Эрцбергера, члена католической партии Центр и депутата рейхстага. Эти пропагандистские организации были созданы при непосредственном и содействии канцлера Германии Т. Бетмана-Гольвега [3, p.2].

По данным полученным из США, немецкое бюро занималось сбором и изучением зарубежных печатных работ. В действительности его главной задачей было распространять печатные немецкие пропагандистские материалы по всему миру. Среди них – брошюры, книги, официальные документы, речи, сборники поэзии, военные, фантастические и детские книги. Было также несколько немецких газет и журналов, распространяемых за рубежом, особенно «*The Continental Times*», которая имела тираж в 15000 экземпляров в 1916 году; ежемесячник «*Kriegs-Chronik*» (Военная хроника), 12000 экземпляров, которого издавались на английском языке; «*Der große Krieg in Bildern*» (Великая война в фотографиях), переведенная на шесть языков, включая английский еженедельник «*Illustrierter Kriegs-Kurier*» (Иллюстрированный военный курьер) [4, p.23]. Бюро было особенно заинтересовано в распространении фотографий, потому что наглядная агитация не нуждалась в переводе и фотографии могли влиять на эмоции людей напрямую. Позже, во время войны стали распространяться пропагандистские фильмы, демонстрируемые в кинотеатрах по всей стране, некоторые из которых тайно принадлежали бюро [3, p.3]. В ноябре 1914 г. немцы провели опрос 367 американских редакторов газет и журналов. Оказалось, что союзников поддерживали 105 редакторов, а немцев лишь 20, остальные заняли нейтральную позицию [5, p.25]. Стоит отметить, что успехи немецкого бюро пропаганды были минимальны и вряд ли можно говорить о том, что система немецкой пропаганды за рубежом были развита в той же мере, как британская.

Такая огромная, хорошо финансируемая и организованная работа организации застала британцев врасплох, показав им степень их неподготовленности. Английскому правительству в короткие сроки нужно было составить конкуренцию германской пропаганде в США.

Для стабилизации ситуации с британской пропагандой в США премьер-министр Г. Асквит обратился к молодому, разбирающемуся в медиа вопросах, канцлеру казначейства Дэвиду Ллойд Джорджу. Ллойд Джордж был одним из первых политиков, который понял, что средства массовой информации играют важную роль, и он активно пользовался ими в своих политических целях. Г. Асквит оценил тот успех, которого недавно достиг Д. Ллойд Джордж, манипулируя общественным мнением при помощи средств массовой информации. В 1911 г. он продемонстрировал возможное использование государственных финансовых средств для создания организации, способной влиять на общественное мнение [4, p. 25].

Д. Ллойд Джордж вновь вспомнил о Ч. Мастермане в 1914 г., когда ему было необходимо создать новую правительственную структуру в обстановке полной секретности. Эта структура должна была бороться с немецкой пропагандистской угрозой. Штаб-квартирой новой организации «Бюро военной пропаганды» (British War Propaganda Bureau) был выбран Веллингтон Хаус (Wellington House) в Лондоне, надлежащим образом замаскированный под национальное бюро страхования. Вскоре он стал известен тем немногим, кто знал о его существовании под именем «Веллингтон Хаус» [6, p.119].

Работа в Бюро распределялась по национальному - лингвистическому принципу: одна секция занималась со Скандинавскими странами, другая с Голландией, третья с Италией и Швейцарией, четвертая с Испанией, Португалией и Южной Америкой. Для работы с США была создана специальная национальная секция, в которую входили: литературный агент, литературный советник, офицера связи с разведывательными отделами Адмиралтейства и военного ведомства, чья особая задача заключалась в исследовании немецкой прессы в США.

Система работы была установлена для каждой из национальных секций. Во-первых, каждая должна была изучать иностранную прессу и анализировать тенденции развития общественного мнения в стране, с которой она имела дело. Во-вторых, каждая секция должна быть компетентна по любому вопросу; своевременно отвечать на запросы населения, используя при составлении информации уже имеющиеся материалы: речи политических деятелей и официальные документы. В-третьих, каждая секция должна была иметь дело непосредственно с физическими лицами (корреспондентами и агентами), отправляя им информацию или получая ответы, особенно в случае с США, поощрять их [6, p.120].

Методы работы Бюро так же были определены из классификации материалов, которую проводил сам Ч. Мастерман. Небольшая часть из того материала, который выдавало Бюро, была «чёрная» пропаганда (прямая дезинформация и ложь), большая часть – «белой» (официально подтвержденные новости и информация из проверенных источников) и еще одним видом была – «серая» пропаганда – такую информацию Бюро распространяло, не афишируя свою причастность к ним.

Однако, помимо Веллингтон Хаус, за годы войны была сформирована целая система британской военной пропаганды. Пропагандистская работа велась правительством, прессой и частными патриотическими организациями по трем основным «секторам»: пропаганда в Великобритании, пропаганда за границей (в некоторых случаях она делилась на иностранные государства и доминионы) и работа в области цензуры.

В государственном аппарате за первый «сектор», «домашнюю» пропаганду, отвечал Парламентский Вербовочный комитет, созданный в конце августа 1914 г. Это был координационный орган в составе правительства, организованный для управления как правительственными, так и бесчисленными частными организациями, действовавшими по всей стране. Комитет поощрял местные собрания, выступления членов партий, к марту 1915 г. он выпустил 2 миллиона плакатов и 20 миллионов листовок [7, p.120]. Правительство старалось воздействовать на различные слои населения. Второй «сектор» фактически был полностью правительственным. За пропаганду на территории противника отвечали организации, созданные на базе министерств, подотчетных правительству. В сентябре 1914 г. Ч. Мастерман был назначен директором Бюро военной пропаганды – Веллингтон Хаус. Веллингтон Хаус состоял из подразделений, основанных по языковому принципу. Пропаганда в США была очень важна, так как именно от её решения, чью сторону поддержать в конфликте, фактически зависел исход войны. Пропагандой занималось специальное отделение, которым управлял писатель и член парламента сэр Гильберт Паркер [2, p.40].

С «заграницей» работали еще две организации: Комитет прессы нейтральных государств и Департамент новостей. Задача Комитета прессы нейтральных государств, заключалась в предоставлении информации, касающейся войны за рубеж. Г. Х. Маир, который ушел в отставку в качестве помощника редактора «The Daily Chronicle», был назначен руководителем нового комитета 23 сентября 1914. Он создал офис в Уайтхолле, будучи подотчетным министру внутренних дел. Г. Маир вскоре разделил офис на четыре части для эффективной работы: обмен новостями между Великобританией и иностранными газетами; продвижение и продажа британских газет за рубежом; распространение новостных статей в нейтральных странах; передача новостей по телеграфу [8, p.877].

Департамент новостей имел функции, аналогичные функциям комитета Г. Маира. Он предоставлял зарубежной прессе все заявления, касающиеся внешней политики Великобритании. Поэтому иностранные журналисты, работавшие в департаменте, были подконтрольны Форин офис. Министерство иностранных дел направило ежедневные сообщения в зарубежные столицы, с указанием повторять полученную информацию в других городах. Сообщения

содержали разного рода информацию, в том числе велась активная антигерманская пропаганда среди населения нейтральных стран. Общие телеграммы отправлялись каждый вечер по беспроводной связи и кабелям. Департамент имел контракт с новостным агентством «Рейтер», с помощью которого транслировал нужную информацию во многие страны мира¹. В 1916 г. комитет был включен в состав Департамента, при этом Бюро военной пропаганды перешло в ведение Министерства иностранных дел. В начале 1917 года на основе этих организаций, под эгидой Министерства Иностранных Дел, был создан Департамент информации [9, р.23]. Он имел более разветвленную структуру, включавшую в себя отделы по работе с литературой, прессой, кино, национальные подсекции.

За третий «сектор», связанный с работой цензуры, почти с самого начала войны отвечало Пресс Бюро во главе с Ф.Е. Смитом. Необходимость в цензуре была осознана раньше всего, поэтому бюро было образовано уже 7 августа 1914 г [2, р.20]. 30 сентября 1914 года Ф.Е. Смита сменил Стенли Бакместер. Его помощниками были Фрэнк Суиттенхэм и Эдвард Кук, который, что примечательно, был журналистом. В мае 1915 г. они стали содиректорами ведомства [2, р.23].

На завершающем этапе войны появилась новая пропагандистская структура, занимавшаяся пропагандой во враждебных странах, так называемый Дом Крю (Crew House), руководителем которого стал уже упоминавшийся лорд Нортклифф. Однако, это учреждение возникло не спонтанно. В начале 1918 г. британское правительство решило, что высокопоставленный правительственный деятель должен взять на себя ответственность за пропаганду. Под руководством лорда Нортклиффа были такие известные люди того времени, как Г. Уэллс, Р. Сетон-Уотсон, Г. Уикхем [8, р.879]. Все пропагандистские учреждения, несмотря на протесты, были ликвидированы в конце 1918-1919 гг. В связи с завершением войны.

Некоторые пропагандистские организации отвечали за деятельность несколько «секторов». В начале 1915 года под эгидой Министерства иностранных дел было образовано подразделение M07 (с 1916 г. - MI7) под командованием подполковника В. Дейвиса до декабря 1916 г., а впоследствии майора Д. Фишера. Оно работало по четырем основным направлениям: 1) цензура всех военных материалов в прессе и фильмах, что предполагало тесное сотрудничество с Пресс Бюро; 2): общая пропаганда в прессе; сбор и публикация технической военной информации; военная пропаганда на территории доминионов; распространение пропагандистских материалов с помощью воздухоплавательных средств; проводная и беспроводная военная пропаганда, это направление было наиболее важным 3) организация визитов на фронт; 4) краткая информация о содержании иностранной прессы [6, р.127-128]. При этом, обязанности многих организаций пересекались, взаимодействие было недостаточно четким, их часто критиковали за неэффективность и неслаженность работы. Создание Департамента информации стало попыткой решить проблему координации, однако он не снял многие вопросы, и централизация ведомств продолжилась. 21 августа 1917 года для «надзора над пропагандой» был назначен сэр Эдвард Карсон [6, р.128].

Уже на конечном этапе войны в марте 1918 года было создано Министерство информации. Оно должно было «управлять мыслями большей части мира» [2, р.78]. Его руководителем стал лорд Бивербрук. Деятельность министерства была сконцентрирована на трех направлениях: 1) пропаганда в Великобритании и за границей, которая была поделена географически: Соединенное королевство, иностранные государства и зона военных действий; 2)

---

¹ Официально агентство «Рейтер» соблюдало нейтралитет, но уже с началом войны были установлены соглашения с Форин офис о сотрудничестве.

второе подразделение отвечало за связи с общественностью; 3) третье работало над «личной» пропагандой и приглашением заинтересованных лиц. Однако Национальный комитет постановки военных целей (National War Aims Committee - NWAC), до этого фактически единолично заведовавший пропагандой на территории Великобритании, выступал против наделения этого органа столь широкими полномочиями и рекомендовал не принимать участия в пропагандистской деятельности в тылу [2, p.78]. В Великобритании NWAC также должен был вести конкурентную борьбу против различных пацифистских организаций.

Именно так выглядела структура институтов британской пропаганды в годы войны. Ч. Мастерман возглавил Веллингтон Хаус и начал работать с присущей ему энергией. Он нашел людей, которых завербовал еще три года назад, и в течение нескольких недель многие из молодых политтехнологов, которые до этого сидели за пишущими машинками и на телефонах в Национальной комиссии по страхованию, оказались в Веллингтон Хаус и стали размышлять над тем, каким способом повлиять на зарубежную прессу, особенно в Соединенных Штатах [10, p.35-36]. Поддержка Антанты или Тройственного, союза со стороны Америки, могла изменить расклад сил, и предоставить решающий перевес одной из сторон.

Однако вскоре Ч. Мастерман понял, что для активной и успешной пропаганды ему необходимо привлечь людей публичных, известных, а именно писателей, чьи имена общественность уже знала и кому доверяла. 2 сентября 1914 г., менее чем через месяц после вступления Великобритании в войну, Ч. Мастерман пригласил выдающихся литераторов Великобритании на встречу в Веллингтон Хаус, чтобы обсудить темы, представлявшие интерес для Британии и, что более важно, получить возможность заручиться их согласием принять участие в работе Бюро. Среди 25 известных людей, приглашенных на встречу, были Артур Конан Дойл, Джеймс Барри, Арнольд Беннетт, Джон Бакен, Джон Мейсфилд, Форд Мадокс Форд, Г.К. Честертон, сэр Генри Ньюболт, Джон Голсуорси, Томас Харди, Редьярд Киплинг, Г.М. Тревельян и Герберт Уэллс. Это походило на встречу оксфордских коллег, специалистов по английской литературе [2, p.39].

В результате сентябрьского заседания ряд авторов согласились выпускать книги, статьи и брошюры, отражающие британские интересы и цели войны. Еще более важно было то, что они передавали свои работы в бюро для редактирования и цензуры.

Через неделю после встречи с литературными звездами, 11 сентября, Ч. Мастерман провел второе заседание, с редакторами ведущих газет, среди которых были «Pall Mall Gazette» и «The Standard». Одним из результатов этой встречи стало формирование нейтрального комитета прессы под руководством Г. Маира, ранее занимавшего должность заместителя редактора «The Daily Chronicle». Работа Г. Маира состояла в том, чтобы организовать обмен новостями между британскими и иностранными газетами; содействовать продаже британских газет за рубежом; распространять новостные статьи среди дружественных зарубежных газет и журналов; и передавать новости за рубежом с помощью телеграмм и беспроводного вещания – радио [2, p.33]. По итогам встречи с прессой было высказано следующее: «Очень важно, чтобы были устранены все ненужные препятствия для быстрой передачи новостей, и чтобы все мнения, которые появились или будут появляться в английских газетах передавались на телеграф без дальнейшей цензуры или задержек в Лондоне» [2, p.33]. Последняя конференция выпустила 4 резолюции, согласно которым:

«1. Важно устранить все препятствия, мешающие быстрой и свободной передаче новостей; важно передавать все срочные извещения при помощи телеграфа и телефонной связи без цензуры или задержек со стороны Лондона.

2. Правительство должно приложить все усилия, чтобы предоставить специальные средства обмена новостями посредством телеграфа и радиопередачи из Англии в нейтраль-

ные страны, особенно в те страны, которые беспрепятственно распространяют немецкие новости.

3. Рекомендуются назначить чиновника из Министерства иностранных дел, чтобы он принимал лондонских корреспондентов и представителей газеты в доминионах и нейтральных странах и давал им такую информацию какая, по мнению Министерства иностранных дел, желательна....

4. Необходимо обеспечить послов и министров профессиональной помощью со стороны журналистов, чтобы они могли отличить истинные факты от фальсифицированных, если они использованы в заявлениях, сделанных на территории нейтральных стран» [11].

Военный Пропагандистский Совет был официальной организацией, ответственной за британскую репутацию и сенсационность её пропаганды. Несмотря на эти соглашения, обстановка в Бюро оставалась нервной, ибо доверять прессе и на первых порах было достаточно проблематично.

Пропагандистские машины Великобритании и Германии имели три основные стратегические цели. Во-первых, они были направлены на деморализацию противника, его вооруженных сил и гражданского населения, сбой в работе прессы, и сбрасывание листовок с воздуха, хотя, как будет описано ниже, Великобритания в конце войны разработала более хитроумные методы.

Во-вторых, они были направлены на свое собственное гражданское население для достижения целого ряда целей, которые множились в силу затягивания войны. К ним относятся пропагандистская обработка гражданского населения, дабы заручиться их поддержкой и иметь возможность бороться, получая моральное одобрение гражданских лиц, не участвующих в войне; развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, и убеждение людей покупать военные облигации для финансирования войны.

В-третьих, они были направлены на получение поддержки от нейтральных стран. В этом отношении, как у Великобритании, так и у Германии, имелась одна основная пропагандистская цель – Соединенные Штаты Америки. Если Германия должна была убедить США оставаться нейтральным, так как для немцев это был хороший шанс заставить Британию и Францию прекратить войну и достичь выгодного для себя мира путем переговоров. Великобритания, в свою очередь, должна была убедить США вступить в войну на стороне союзников, тогда была велика вероятность того, что Германия смогла бы быть уничтожена в военном отношении.

Следует согласиться с оценкой деятельности Бюро военной пропаганды, которую дает историк Р. Милтон: «В течение последующих четырех лет сотрудники Веллингтон Хаус действовали как «цензурное сито», через которое проходили все заявления для прессы и все новости для внешнего мира. За небольшим исключением было предпринято незначительное число попыток фальсифицировать новости, но цензура при тщательном анализе представляла их с благоприятной для союзников стороны. Плохие новости не печатались или помещались на последних страницах, а любые немецкие успехи принижались. Справедливости ради стоит добавить, что поступая так, редакторы газет просто вели бизнес, как обычно, давая своим читателям новости, которые они хотели бы услышать» [4, p.34].

В 1915 г. Ч. Мастерман выбрал пять журналистов, которые стали официальными военными корреспондентами британской армии. Они должны были представлять все свои доклады цензору, С.Е. Монтегю, бывшему журналисту «The Manchester Guardian». Одним из этих пяти был Филипп Гиббс, журналист, связанный с прессой лорда Нортклиффа, он получил разрешение работать самостоятельно на Западном фронте в начале 1914 года. Однако военное ведомство решило, что будет контролировать все военные отчеты при помощи цензуры,

и приказало Гиббсу вернуться обратно в Англию. Ф. Гиббс отказался, был арестован и отправлен домой [12, p.189-190].

К февралю 1917 г. Д. Ллойд Джордж уже занял пост премьер-министра, во многом благодаря атакам на Г. Асквита со стороны газет лорда Нортклиффа, владельца «The Times» и «The Daily Mail», который считал, что генералам должна быть предоставлена свобода действий, чтобы победить в войне. Правительство Д. Ллойда Джорджа решило перейти к тотальной пропаганде и создало новый институт военной пропаганды - Департамент информации (Department of Information) для наблюдения и контроля за всей пропагандистской деятельностью [2, p.159]. Д. Бакен был поставлен во главе отдела и повышен до звания подполковника. Новый отдел был разделен на три секции. Первая размещалась в Министерстве иностранных дел, вторая находилась где-то между Форин офис и Флит-Стрит, а третья, располагаясь в Веллингтон Хаус. Первая секция состояла из одиннадцати национальных разделов, которые ранее трудились в Бюро военной пропаганды, а также отдел пропаганды, который должен заниматься сбором информации по разведанным. Вторая секция, фактическое местонахождение которой до сих пор не установлено, была ответственной за беспроводную передачу данных, за кинопропаганду, и за статьи в прессе. Третья секция продолжала работу по составлению, переводу и распространению книг, брошюр и других документов. Кроме того, там был художественный отдел, который занимался изобразительной (визуальной) пропагандой, включавшей в себя как фотографический материал, так и картины художников, созданные во время боевых действий.

Хотя Великобритания в начале войны отставала от Германии в создании организованной системы пропаганды, в конечном счете, британская пропагандистская кампания оказалась гораздо более успешной при выполнении своих целей, как дома, так и за рубежом.

Как и английская, германская пропаганда подготовила много визуального материала и для внутреннего потребления и для влияния на общественное мнение за рубежом. Художественные творения варьировались от сложных стендовых картин кайзера, одетого в сияющие доспехи подобно тевтонскому рыцарю, возвышающегося над всеми и защищая ангелов, до издевательских комиксов. Казалось, была особая немецкая одержимость в изображении Томми, сидящим на ночном горшке, в то время как Великий Флот управлялся со всеми проблемами и выигрывал борьбу. И хотя материал был визуально привлекателен и определенно забавен, было трудно сказать, на кого были нацелены эти сообщения и что именно они должны были передать [13, p.42].

Главная проблема германской пропаганды состояла в том, что, хотя Берлин и оценивал потенциальную важность завоевания умов и сердец, на практике германская машина просто не разбиралась в основных принципах пропаганды. Немцы так же признали важность завоевания американского мнения. Однако германская пропаганда была зажата в тиски неспособностью лидеров понять пропагандистские методы.

Британская пропаганда дома и за рубежом имела более сложную структуру, чем в Германии, и в другом важном отношении. Ч. Мастерман и его команда заботились о том, чтобы поддерживать высокий моральный дух с самого начала и придавали нотку морализаторства в большинстве вопросов, даже на простых юмористических открытках и плакатах [13, p.51]. В то время как немецкие открытки высмеивали британского солдата, изображая его, например, забинтованным и с окровавленным носом, получившим ранения от рук великой немецкой армии. Английские открытки содержали в себе сообщения различного рода. Кайзера высмеивали, изображая в виде мухи, которую должны прихлопнуть солдаты многих народов, но он, в то же время, его представляли в виде международной угрозы. Плакаты намекали, что цивилизованные народы должны собраться вместе, чтобы искоренить зло. Точно так же

предмет, выбранный для официальных британских плакатов, часто показывал, что его авторы управляли чувствами союзников, направляя их против Германии.

Итоги Первой мировой войны показали, что создание английской пропагандистской машины было совершенно не напрасным. Государственная пропаганда в Великобритании, которая накануне войны находилась в зачаточном состоянии, была развернута в чрезвычайно эффективную машину для формирования общественного мнения, мобилизации населения и борьбы с противниками государства.

Великобритания обладала одной из лучших в мире системой сбора и распространения информации благодаря развитой национальной «независимой» прессе и большому опыту в области международных коммуникаций по техническим и финансовым вопросам, в том числе при помощи собственных радиопередач и телеграфа [1, p.122]. Успех британской пропаганды на начальном этапе войны в большей степени зависел от немецких действий на территории Бельгии и Франции. К счастью для британцев, Германия предоставила много скандальных историй, на которые впоследствии смогла опереться английская пропаганда. Британской пропагандистской машине удалось преувеличить размер германских злодеяний до такой степени, что любой мало-мальски грамотный человек поверил бы в те ужасы, которые английская пропаганда открыла широкой публике, в первую очередь, при помощи печатных изданий.

Библиографический список:

1. Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. L., 1986.
2. Sanders M.L., Taylor Ph.M. British Propaganda in the First World War. L., 1982.
3. Epstein J. German and English propaganda in World War I. // New York Military Affairs Symposium. CUNY Graduate Center/ NYMAS. December 1. 2000.
4. Milton R. Best of enemies Britain and Germany: 100 years of truth and lies. Cambridge, 2007.
5. Kunczik M. "British and German Propaganda in the United States from 1914-1917. N.Y., 1998.
6. Sanders M.L. Wellington House and British propaganda during the First World War // History Journal 1975, № 18.
7. Beckett Ian Frederick William A Nation in Arms: A Social Study of the British Army in the First World War. Manchester, 1985.
8. Taylor Ph. The Foreign Office and British propaganda during the First World War // History Journal 23, 1980.
9. Clark F. The Central office of information. L., 1970.
10. Taylor A.J.P. English History 1914-1945. L., 1970.
11. Foreign Office: Political Departments: General Correspondence from 1906-1966 // Conference with representatives of the London press, summoned by C.F.G. Masterman, held at Wellington House, Buckingham Gate on 7 September 1914, FO 371/2209. [Электронный ресурс]. URL:: <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения: 25.05.2015).
12. Wintour B. Britain and the Great War, 1914-1918: A Subject Bibliography of Some Selected Aspects. L., 2014.
13. Marlin R. Media and Propaganda: The Northcliffe Press and the Corpse Factory Story of World War I // Global Media Journal. Canadian Edition. Vol.3. Issue 2. 2010.

Сведения об авторе:

Селиверстов Дмитрий Михайлович – ассистент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: dmseliverstov@mail.ru

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БРЯНСКИЙ КРАЙ. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Статья посвящена военному аспекту жизни Брянского края в годы Первой мировой войны (1914-1918). В частности, освещена судьба частей Императорской Русской Армии, квартировавших до 1914 г. на территории современной Брянской области или сформированных на этой территории в 1914 – 1917 гг., а также судьба некоторых военных из состава этих частей. Далее речь идет о военной промышленности в Брянске и его окрестностях. В заключение говорится о благотворительности военного времени в Брянском крае.

Ключевые слова: Брянск. Брянская область. Первая мировая война. Императорская Русская Армия. Военная промышленность. Благотворительность.

Solovev Yu.P. The first world war and the Bryansk region. The military-historical aspect.

Abstract: The article is devoted to the military aspect of life in the Bryansk region during the First world war (1914-1918). In particular, it covers the fate of parts of the Imperial Russian Army, quartered before 1914 on the territory of present Bryansk region or formed on this territory in 1914 – 1917 and the fate of some of the military from the composition of these parts. Then we are talking about the military industry in the Bryansk and the surrounding area. In conclusion philanthropy in wartime in the Bryansk region.

Keywords: Bryansk. Bryansk oblast. The first world war. The Imperial Russian Army. The military industry Philanthropy.

Ряд положений настоящей статьи ранее излагался автором в популярной форме в следующих публикациях: «Военный Брянск в 1914 – 1917 годах» (Брянская тема. 2014. №9 (83). С.86-99) и «Брянское духовенство и православные миряне в годы Первой мировой войны» (Преображение. (Бежица.) 2014. №1-12 (36). С.34-39).

* * *

К началу Первой мировой войны Брянский гарнизон включал в себя несколько частей, подразделений и учреждений. Это были 2-я бригада 36-й пехотной дивизии, состоявшая из 143-го Дорогобужского и 144-го Каширского пехотных полков, 4-й батальон 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка (три первых батальона полка находились в Рославле Смоленской губернии), 5-й тяжелый артиллерийский дивизион, а также два военных предприятия: Брянский местный арсенал и Военно-сухарный завод, на котором располагалось еще и Управление Брянского продовольственного интендантского заведения. Кроме того, к брянским учреждениям военного ведомства относились Управление уездного воинского начальника (функции которого в наши дни исполняет военкомат), Местный военный лазарет, конвойная команда и охранная сотня, расквартированная в Дятькове[80, с.161-168;81, с.322-324]. В Карачеве (ныне район Брянской области) располагалась 36-я артиллерийская бригада в составе двух дивизионов и шести батарей[80, с.249-250]. Как видно из номера бригады, она должна была действовать совместно с 36-й пехотной дивизией.

С мая по август Дорогобужский и Каширский пехотные полки находились в летних лагерях в районе Кромской железнодорожной платформы под Орлом[105, с.113-114; 32, л.64; 33, л.62]. Здесь полки застало объявление мобилизации и начало войны. В Брянск, судя по всему, полки в полном составе из лагерей не возвращались. 36-я (карачевская) артиллерийская бригада и 5-й (брянский) тяжелый артиллерийский дивизион лето 1914 г. проводили на

Клементьевском стрельбище в Ярославской губернии, у Ростова Великого[69;42] . Для 5-го дивизиона это были первые стрельбы «на выезде» – до того он стрелял в Синезерках под Брянском[32, л.90,101,103] . После объявления мобилизации 5-й дивизион под началом 47-летнего полковника Петра Михайловича Конопчанского походным порядком пошел в Брянск. 36-я артиллерийская бригада под началом назначенного ей в командеры 16 июня 1914 г. генерал-майора Александра Александровича фон Дена[23, с.272; 112, с.78, 559] , ровесника Конопчанского, проследовала с Клементьевского стрельбища через Карачев в район Белостока.

После объявления мобилизации части следовало доукомплектовать по штатам военного времени. Если в мирное время русский пехотный полк имел в своем составе 2 275 чинов, то в военное наращивал численность до 4 334 человек[68, с.21-22; 21, с.502-503] . Доукомплектовывались Дорогобужский и Каширский полки, насколько можно выяснить из архивных документов, за счет запасных Брянского уезда. Например, летом 1914 г. в Дорогобужский полк были призваны 30-летний рядовой Федор Иванович Алешин из Супонева, его ровесник из д. Слободка Елисеевской волости Брянского уезда ефрейтор Тихон Федорович Мишин, 34-летний рядовой Иван Афанасьевич Никулин из с. Полпино; в Каширский полк 18 июля 1914 г. был мобилизован 36-летний рядовой из с. Городища (ныне в черте Брянска) Максим Платонович Стёпин, 20 июля - 31-летний ефрейтор Алексей Петрович Ионин из с. Речица Овстугской волости, 39-летний ефрейтор Тимофей Васильевич Рекунов из пригородной деревни Тимоновки[40, л.229-229об, 236-236об, 207-207об, 490-490об, 778-778об, 180об] и т.д. В 36-ю артиллерийскую бригаду 18 июля 1914 г. мобилизовали и назначили бомбардиром-лаборантом в 4-ю батарею жившего в Брянске по Московской (Калинина) улице Николая Осипова, в ту же бригаду отправились призванный 17 июля 34-летний бомбардир из брянского с. Городища Василий Януарьевич Ивкин и 32-летний рядовой из Добруни Кузьма Федорович Исаев[40, л.628-628об, 182об] ... Также 17 июля был по мобилизации призван и зачислен младшим офицером в 10-ю роту 1-го пехотного Невского полка 35-летний штабс-капитан граф Георгий Павлович Беннигсен, кандидат Карачевского уездного дворянского собрания, гласный Карачевского уездного земства, заступающий место председателя Орловской губернской земской управы и т.п. [104, с.141-142]

Дорогобужский и Каширский полки в составе 36-й пехотной (орловской) дивизии и Невский пехотный полк в составе 1-й пехотной (смоленской) дивизии (в каждой русской дивизии было тогда по четыре полка), а также 1-я и 36-я (карачевская) артиллерийские бригады образовывали XIII корпус, который, в свою очередь, входил во 2-ю армию генерала от кавалерии Александра Васильевича Самсонова[68, с.156] . 1-я и 2-я русские армии предназначались для вторжения в Восточную Пруссию, ближайшую к России область Германской империи (после 1945 г. Восточная Пруссия была разделена между СССР и Польшей, часть Восточной Пруссии теперь – Калининградская область РФ). Вторжение русских войск в Пруссию произошло раньше намеченного срока, поскольку германцы всей мощью своей армии навалились на союзную России Францию – и та просила ударить по Германии со стороны русской границы в надежде, что немцы перебросят часть войск с парижского направления на восток, а с ослабленным агрессором французы справятся.

* * *

К 1 (14) августа части XIII корпуса выгрузились из вагонов в Белостоке, 8 августа пересекли границу Восточной Пруссии. 14 (27) августа 1-я бригада 1-й пехотной дивизии и 36-я пехотная дивизия без боя заняли г. Алленштейн – нынешний польский Ольштын. Комендантом Алленштейна стал командир 2-й бригады 36-й пехотной дивизии генерал-майор Андрей

Андреевич Калюжный, недавно еще бывший начальником Брянского гарнизона (представлен гг. офицерам и классным чинам Брянского гарнизона в качестве командира бригады и начальника гарнизона 21 декабря 1913 г. в Бригадном офицерском собрании) [32, л.143, 144] . Однако уже утром 15 августа XIII корпус тронулся по шоссе на Грислинен, где с немцами сражался XV корпус. Соседний русский VI корпус под напором немцев начал отступление к границе и оставил XIII корпус без поддержки[21, с.570, 573, 574] .

В Алленштейне командир XIII корпуса генерал-лейтенант Николай Алексеевич Ключев оставил для прикрытия батальон 143-го Дорогобужского пехотного полка. Этот батальон должен был проводить корпусные обозы и следовать за основными частями корпуса. Но как только обоз ушел, и батальон стал собираться в походную колонну, как с востока и севера показались немецкие части: «Батальон энергично пробивался, но, отрезанный от колонны, расстреляв все патроны, частью погиб, частью окруженный попал в плен...»[120, с.137] Вскоре немцы настигли обоз штаба XIII корпуса, прикрывая который погибла 13-я рота Невского полка, которой командовал 45-летний капитан Владимир Александрович Тейшер и которая стояла до войны в Брянской Привокзальной слободе[9, с.8; 80, с.166; 111, с.356] .

Немцы бросились вдогонку за XIII корпусом, но им пришлось у Дарефена (у деревень Томсдорф и Доротово), в 10 верстах к югу от Алленштена, столкнуться с оставшимися прикрывать отход корпуса двумя батальонами Дорогобужского полка во главе с полковым командиром 53-летним полковником Владимиром Васильевичем Кабановым (Кобановым). «Дорогобужский полк, во главе с доблестным командиром полка, полк. Кабановым, имел славный бой с немецкой бригадой на опушке леса... Целый день сдерживал он атаки немцев, три раза отбрасывая их штыками. Командир полка был убит, и остатки полка присоединились к корпусу лишь в ночи. На месте боя было похоронено 600 (по германским данным – 496[120, с.147] . – Ю.С.) немцев, как значится на надгробном памятнике», - писал командир XIII-го корпуса генерал-лейтенант Н.А.Ключев[14, с.189] . До вечера дорогобужцы, у которых в некоторых ротах до 92% чинов было убито или ранено, удерживали свою позицию. Ночью они отошли к югу, следуя вдоль берега озера Гросс Плауцигер. Уходя с поля боя, дорогобужцы уносили с собой полковое знамя и тело командира полка. На другой день у Куркена они присоединились к своей дивизии[21, с.576] .

Вечером 15 (28) августа командиру XIII корпуса стало известно, что XV-й русский корпус, к которому XIII-й шел на подмогу, отступил со своих позиций. Это делало положение XIII корпуса критическим. Вместе с тем, командование 2-й армии приказывало XIII корпусу отойти к Куркену. В темноте на незнакомой местности, по бездорожью, среди болот и озер русским удалось вывести из боевого и перестроить в походный порядок, повернув при этом на 90 градусов фронт пяти пехотных полков и одиннадцати батарей. Теперь следовало пропустить через узкую – не шире двух сажений – плотину на перешейке между двумя озерами (Кляйн Плауцигер и Ставс) севернее деревни Мёркен части корпуса. Прикрывать отход должен был брянский 144-й пехотный Каширский полк с двумя карачевскими батареями, к которым примкнули части 1-го пехотного Невского полка[21, с.577] . Вместе с командиром каширцев Георгиевским кавалером и ветераном Русско-японской войны 43-летним полковником Борисом Всеволодовичем Каховским (Коховским) принять смертный бой с германцами остался и командир 2-й бригады 36-й пехотной дивизии, недавний начальник Брянского гарнизона генерал-майор А.А.Калюжный.

Наступил день 16 (29) августа. Остаток ночи спокойным порядком озерную плотину перешли 2-й Софийский, 141-й Можайский и 142-й Звенигородский пехотные полки. Но вот между 5 и 6 часами утра из лесу показалась колонна наступавшей от Гогенштейна немецкой 37-й пехотной дивизии. Когда голова немецкой колонны была в 800-600 шагах от русских

позиций, каширцы и их товарищи открыли по неприятелю ураганный огонь, «доведенный до стрельбы почти в упор». «Немцы, - вспоминал участник этого боя, - не выдержали и обратились в бегство, оставив на поле груды убитых и раненых» [124, с.58] . Через час с северо-запада снова из лесу от Грислинена к позициям каширцев вышла еще одна 1-я немецкая резервная дивизия – и была встречена так же, как и 37-я дивизия. После этого до 11 часов все вокруг затихло. За это время из Алленштейна подошла вместе с артиллерией третья немецкая дивизия. Трем вражеским дивизиям противостоял теперь Каширский полк.

Очевидец рассказывает: «За это время немцами был подготовлен артиллерийский огонь по Каширскому полку со всех сторон из легких и тяжелых пушек. Огонь был чрезвычайно сильный, стреляло не менее 100-150 орудий. Издали казалось, что каширцы вместе с землей приподняты в воздух» [124, с.58] . Под огнем половина Невского полка смогла отойти за озерную плотину, половина вместе с Каширским полком была окружена. Боеприпасы у русских кончались, число раненых росло. Прикомандированный к штабу 2-й армии капитан Генерального штаба (позже полковник) Павел Николаевич Богданович вспоминал: «Зловещий перелом начал определяться. [Командир Каширского полка полковник] Каховский приказал играть и бить «атаку», развернул знамя и с ним в руках первый бросился вперед. Каширцы с громовым «ура» пошли в атаку за своим командиром. В короткой но жестокой схватке Каховский был убит в первой линии; фланги Каширцев были охвачены ружейным и пулеметным огнем, в их тыл входили густые цепи. Каширский полк кончил свое существование... В сосновом бору, на высоком бугре, отражающемся в Плаутцигерском озере, расположены могилы, в которых покоятся 613 Каширцев. Никто не знает, что случилось с их знаменем; в руки врага не попало ни полотнище, ни древко» [11, с.216] . Знамя Каширского полка нашли на месте последнего боя полковника Каховского и его солдат польские любители археологии в ноябре 2004 г. [74]

В том же последнем бою каширцев погиб и генерал-майор А.А.Калюжный[14, с.189; 120, с.148] . Но Каширский полк, разбившись на небольшие отряды, еще сопротивлялся врагу. Так, прослуживший в Каширском полку 18 лет сверхсрочный подпрапорщик 7-й роты Сергей Григорьевич Гапанович вел на прорыв отряд в сто человек. Их окружили в лесу. Но Гапанович с четырьмя нижними чинами сумел все же прорваться через немецкую цепь и по незнакомой местности, без еды и какой-либо помощи вообще, добрался до русской границы[31, л.1об-2; 94, л.432; 93, л.156об-157] . Похожая судьба была и у подпрапорщика-каширца Федора Астахова. Оба сверхсрочника были награждены за свое мужество в Восточной Пруссии георгиевскими крестами, позже получили офицерские чины[94, л.431, 422; 27, с.951] . С.Г.Гапанович вернулся к своей семье в Брянск в 1918 г. штабс-капитаном[39, л.319об] . Ночами, ориентируя свой путь по звездам, выбрался к своим в конце августа 1914 г. раненный в левую ногу и правую руку 22-летний фейерверкер (сержант) 36-й (карачевской) артиллерийской бригады Михаил Лукьянович Главатских[42] .

Сам же XIII-й русский корпус как сплоченная боевая единица не смог выйти из немецкого окружения. Когда командир корпуса объявил о сдаче германцам в плен, командир 36-й пехотной дивизии, в которую входили и брянские полки, генерал-лейтенант Александр Богданович Преженцов (Преженцовы владели селом Стипков Княвической волости Брянского уезда – ныне деревня Стибково Жуковского района Брянской области), находившийся в голове корпусной колонны, отказался выполнить позорный приказ. Силами своей дивизии Преженцов попытался прорвать вражеское кольцо. Но атака русских захлебнулась, генерал Преженцов пропал без вести[21, с.578-580] .

Как сообщается в докладе правительственной комиссии, расследовавшей гибель корпусов армии генерала Самсонова: «Ни один из числа генералов и начальников отдельных час-

тей, бывших в составе 13-го корпуса, в Россию не возвратился. Из числа штаб-офицеров вернулись из пределов Пруссии лишь начальник штаба 36-й пех. дивизии полковник Вихирев, подполковник 143-го пех. Дорогобужского полка Климов и бывшие при обозах два подполковника 2-го пехотного Софийского полка» [21, с.580] . Вышедший из окружения 54-летний подполковник Дорогобужского полка Константин Николаевич Климов жил в Брянске на Успенской (ныне Урицкого) улице в доме Ветрова[80, с.162] .

Упомянутая правительственная комиссия также констатировала: «Вся артиллерия и все обозы 13-го корпуса погибли» [21, с.580] . Следует сказать, что последней частью корпуса, которая, невзирая на приказ о сдаче, вела с немцами бой до последнего снаряда, была 1-я батарея 36-й (карачевской) артиллерийской бригады. Батареей командовал к тому времени старший её офицер капитан Михаил Дмитриевич Брылкин[14, с.190] . В Карачеве он жил на Большой Дворянской улице, в доме Богатищева[80, с.249] .

Остатки 1-го батальона Дорогобужского полка со знаменем и телом полкового командира продвигались к русской границе. В ночи дорогобужцы напоролась на немецкую засаду. «В буйном огне пулеметов 36-й немецкой резервной дивизии, - вспоминал через полвека полковник П.Н.Богданович, - кончила свое существование знаменная рота Дорогобужцев, а тело их командира получило новые, посмертные раны. Древко знамени было найдено немцами на шоссе под трупами; что случилось с полотнищем знамени – по сей день неизвестно». И ниже старый полковник добавляет: «Как будто из глубины веков вошел в этот день чуждого мистики XX столетия забытый доисторический ритуал, когда воины шли в заключительный смертный бой, неся труп своего убитого вождя. Полковник КАБАНОВ был мертв телом, принимавшим еще новые и новые посмертные раны, но неукротимый грозный дух его был жив, как никогда, в его соратниках. После его физической, материальной смерти тела бесмертный дух командира целиком охватил Дорогобужцев» [11, с.213-214] .

После Первой мировой войны древко знамени Дорогобужского полка хранилось в Берлинском Цейхгаузе. В 1935 г. его там видел генерал-майор русской службы А.А. фон Лампе, который сделал запись о происхождении реликвии: «Древко, копьё и скоба найдено 29 (16) августа среди убитых у дер. Доротово» [119, с.245] . Знаток русской военной истории и бригадный генерал французского иностранного легиона С.И.Андоленко писал в 1965 г., что, якобы, «в 1945 г. по занятии Берлина советскими войсками, все хранившиеся в “Цейхгаузе” обломки русских знамен были оттуда изъяты и отправлены в Россию. В Москве они были приняты войсками, отдавшими им воинские почести» [5, с.44] . Советских источников, подтверждающих это сообщение, нам найти не удалось.

История самого знаменного полотнища дорогобужцев крайне запутана. П.Н. Богданович пишет, что перед последним боем «офицеры срезали с древка полотнище знамени» [11, с.213] . Тот же С.И.Андоленко рассказывал: Дорогобужское «знамя было сорвано с древка и спешно зарыто вместе с лентами» [5, с.42] . С.И.Андоленко поспешил ответить некто В.Годелюк, рассказавший, что группа солдат-дорогобужцев, выносившая из немецкого окружения своего раненого в ногу поручика С.Офросимова (поручик Офросимов не значится в довоенных списках Дорогобужского полка, тем не менее, свой рассказ Годелюк основывает именно на воспоминаниях Офросимова), встретила в лесу группу однополчан во главе с унтер-офицером, у которого под одеждой на груди хранилось полковое знамя. Знамя было передано поручику Офросимову, который вышел из окружения и передал полковую святыню «по начальству» [84] . При этом в докладе правительственной комиссии, расследовавшей обстоятельства гибели корпусов армии генерала Самсонова, определенно сказано, что в наличии из знамен частей XIII корпуса имелись лишь знамена 1-го Невского, 4-го Копорского и

141-го Можайского пехотных полков. «О судьбе же знамен остальных частей корпуса точных сведений не имеется», - заключила комиссия[21, с.580-581] .

В августовском номере журнала «Родина» за 2014 г. кандидат исторических наук К.Дроздов сообщил: «В конце 2013 года в сейфе одного из хранилищ Научного архива Института российской истории РАН была найдена подлинная ”Императорская грамота на вновь Высочайше пожалованное знамя 143-му пехотному Дорогобужскому полку в день 100-летнего юбилея полка”...»[47, с.38] Вместе с грамотой 1906 г. и сопутствующими ей документами в названном сейфе хранились и переводы этих бумаг на немецкий язык, выполненные человеком, которого К.Дроздов идентифицировал с Райнхольдом Йоханом фон дер Остен-Сакеном, автором ряда пособий по русскому языку для немцев, служившим в 1903 – 1904 гг. доцентом Военной академии в Берлине, а в 1935 г. – доцентом русского языка в берлинской же Высшей технической школе[47, с.39] . Знаменная грамота Дорогобужского полка поступила в архив Института истории СССР после 1948 г. от жившего в Москве с 1939 г. чехословацкого ученого Зденека Неедлы[47, с.41] . Возможно, К.Дроздов нашел тот самый «рескрипт Государя Императора Николая II» о пожаловании новым знаменем 143-го пехотного Дорогобужского полка, фотокопия которого была опубликована в 1936 или 1937 г. в ежемесячнике Общества призрения немецких инвалидов войны (Deutsche Kriegsoferversorgung). Этот журнал не продавался в рознице, а рассылался только членам названного общества. Видимо, грамота дорогобужцев стала в 1914 г. еще одним немецким трофеем, доставшимся после 1945 г. советским победителям Рейха. Между прочим, при правлении Гитлера о мужестве, героизме и воинском мастерстве своих недавних русских противников немцы писали в названном издании с большим почтением. Подвиг знаменного взвода Дорогобужского полка здесь тоже не был обойден вниманием. В одном из номеров ежемесячника опубликовали «оригинальный рисунок с натуры, одного русского офицера, зарисовавшего остатки 1-го бат[альона] 143-го Дорогобужского п[ехотного] п[олка], несущие свое знамя и убитого командира, в сумерках на берегу Вульпингского озера...»[107, с.17]

* * *

С конца 1914 г. части, погибшие в Восточной Пруссии, начали восстанавливать[118, с.20-21] . 23 декабря 1914 г. был образован 3-й батальон так называемого Можайского технического полка, названный Дорогобужским[95, л.Юб] . С 30 августа 1916 г. 143-м пехотным Дорогобужским полком командовал полковник Артур Августович Зальф[52] . 31 декабря 1915 г. 73-й маршевый запасный батальон был переименован в 144-й пехотный Каширский полк[96, л.Юб] . Существовал подобный же 72-й запасный батальон, приписанный к Дорогобужскому полку, упоминаемый в приказах по Брянскому гарнизону примерно с 12 августа по 3 октября 1914 г. [34, л.33, 101, 103, 103об, 117, 118, 162, 291, 319] Но этот батальон в начале августа 1915 г. был частично выбит, частично пленен немцами[40, с.323-323об] . С 18 января 1916 г. Каширским полком командовал 57-летний полковник Валериан Александрович Стефанский[113, с.119] . С марта 1916 г. начали вновь вести журнал военных действий 36-й артиллерийской бригады[100] .

Воевали в 1916-1917 гг. восстановленные «брянские» части в составе 5-й армии Северного фронта, на территории Прибалтики, под Двинском (современный Даугавпилс) . В Интернете можно найти сведения о братских захоронениях воинов 143-го пехотного Дорогобужского полка в Огрском районе Латвии: в поселке Мадлиена (Madliena), волость Мадлиенас (Madlienas) - на территории кладбища Мадлиенас (Madlienas), а также в поселке Юмправа (Jumprava), волость Юмправас (Jumpravas)[110] .

Что касается качества служивых в новых «брянских» полках, то в Дорогобужском лишь числившийся в полку выдающийся русский летчик штабс-капитан Тимофей Яковлевич Заболоцкий был награжден в 1916 г. Георгиевским оружием, а в марте 1918 г. – орденом Св. Георгия 4 степени[3, с.111-112] . В Брянске Тимофей Яковлевич жил на Петропавловской улице (ныне проспект Ленина), в доме Заленской[79, с.147] . В Каширском полку 12 августа 1917 г. трое офицеров нового состава – поручики Антон Афанасьевич Каминский и Василий Михайлович Хахалев, а также подпоручик Федор Павлович Калмыков – были награждены Георгиевским оружием[16, с.546, 813, 545] . А еще 12 января 1917 г. такой же награды был удостоен штабс-капитан Иван Тимофеевич Савельев из кадрового, брянского состава каширцев[16, с.736] . В Брянске еще поручиком Савельев жил на Авилонской (ныне Горького) улице, в доме Яковлевой[80, с.165] .

* * *

Мобилизационные мероприятия лета 1914 г. предполагали формирование частей второй очереди. Таким образом, 18 июля на основании телеграммы, поступившей из штаба округа, в Брянске начали формироваться 291-й Трубчевский и 292-й Малоархангельский пехотные полки, составившие 2-ю бригаду 73-й пехотной дивизии. Ядром Трубчевского полка стали около сотни офицеров и солдат Дорогобужского полка, ядром Малоархангельского – кадровые чины Каширского полка. Основную же массу полковых чинов составили в новых полках запасные, прибывшие от Брянского уездного воинского начальника полковника Александра Михайловича Тимофеева[97, л. II; 99, л. 1] . Так в рядах Трубчевского полка оказались 36-летний рядовой из д. Тимоновки Иван Матвеевич Зюзин, братья Дарымовы из д. Крыловки Супоневской волости – 39-летний старший унтер-офицер Тимофей Петрович и ефрейтор Василий Петрович, рядовой Федор Максимович Москвичев из д. Козинки Вороновской волости, 27-летний рядовой Константин Алексеевич Башкиров из с. Белоголовль Овстугской волости Брянского уезда[40, л.232-232об, 281-281об, 146, 675-675об, 683-683об] и т.п. В Малоархангельский полк был призван тогда Стефан Савельевич Фидюшин (так!), крестьянин деревни Литовники Вороновской волости Брянского уезда[40, л.132] .

Тогда же в Малоархангельский полк был переведен из Каширского полка 24-летний унтер-офицер Григорий Козьмич Попов Григорий Козьмич, который 25 октября 1914 г. за службу чин подпрапорщика, а вскоре за героизм в боях с германцами удостоился Георгиевских крестов всех четырех степеней и Георгиевской медали 4-й степени[66, с.199] . А в Трубчевский полк призвали 31-летнего старшего унтер-офицера Федора Ильича Шашкина из крестьян Орловской губернии, Карачевского уезда, Дроновской волости, с. Вельяминова. К 1916 г. Федор Ильич также стал полным Георгиевским кавалером[66, с.197, 376] .

Первоначально Трубчевский полк использовал Георгиевское знамя образца 1857 г., некогда доставшееся 3-му батальону 143-го пехотного Дорогобужского полка в наследство от 4-го батальона 43-го пехотного Охотского полка. Малоархангельский полк получил такое же знамя, унаследованное 3-м батальоном 144-го пехотного Каширского полка от 4-го батальона 44-го пехотного Камчатского полка. 29 мая 1915 г. полкам были пожалованы знамена образца 1900 г. с изображением нерукотворного образа Христа Спасителя[55] .

Первым командиром 291-го пехотного Трубчевского полка стал 53-летний полковник Дорогобужского полка Константин Александрович Афанасьев, гласный Брянской городской думы, глава большого (8 человек детей, старшие сыновья – офицеры) семейства[40, л.39-39об, 40; 80, с.162, 143] . Дом полковника Афанасьева стоял на Старо-Соборной (ныне Луначарского) улице, напротив бывшего ресторана «Дубрава»[91] .

Формирование Трубчевского и Малоархангельского полков в Брянске было закончено 30 августа 1914 г. На театр военных действий они выступили полностью укомплектованными четырехбатальонными полками в составе 73-й пехотной дивизии[97, л.П] . Дивизией командовал генерал-лейтенант Георгий (Юрий) Александрович Левицкий, который ровно два года – с 5 августа 1911 г. по 20 августа 1913 г. – был командиром 2-й бригады 36-й пехотной дивизии, а, следовательно, и начальником Брянского гарнизона[51, с.853; 108, с.481; 79, с.146] .

73-я пехотная дивизия вошла в состав III корпуса, и вместе с 56-й дивизией составила гарнизон крепости Ковно (нынешний литовский город Каунас). Однако долго частям указанных дивизий не пришлось сидеть за крепостными стенами. 24 октября Трубчевский полк у местечка Эйдкунен (ныне пос. Чернышевское Нестеровского района Калининградской области РФ) пересек границу Восточной Пруссии, на территории которой находился до февраля 1915 г. Во время боев в Августовских лесах, три (по другим сведениям два) батальона Трубчевского полка вместе с полковым командиром 27 января (9 февраля) 1915 г. были направлены установить связь с оборонявшимся у шоссе на г. Гумбинен 108-м пехотным Саратовским полком XX корпуса[97, л.П, III, IV; 57, с.65, 69; 8, с.14, 16; 122, с.65] . 28 января в вечернем бою при деревне Ионасталь под городом Шталюпененом трубчевцы были окружены и разбиты немцами. Многие, в том числе командир полка полковник Афанасьев, попали в плен (в Брянск полковник вернулся лишь 7 ноября 1918 г.) [40, л.39об] .

При таком печальном исходе дела участвовавший в тех боях русский генерал-лейтенант Иван Алексеевич Хольмсен, тем не менее, отметил: «Большинство частей... сражались доблестно при крайне тяжелых условиях, с превосходными силами противника и при обстановке крайне сложной и неблагоприятной. Все полки, в том числе и Трубчевский, окруженный немцами на Гумбиненской позиции, спасли знамена... Войска были в непрерывном бою в течение 15 суток» [122, с.73] .

Но все же уцелел оставленный в резерве 3-й батальон Трубчевского полка, сохранилось, как нам уже известно, полковое знамя – и часть быстро восстановилась[98, л.1-3] . Трубчевцы сражались до конца Первой мировой на Северо-Западном и Западном фронтах, в составе 10-й, 5-й, 4-й и 3-й русских армий[97, л.П] . 5 офицеров полка: поручик Юрий Федорович Акинфиев, подпоручик Алексей Петрович Воронцов, прапорщики Владимир Яковлевич Пашин, Григорий Митрофанович Нейман и Эдуард Тевлович Пере, а также два полковых командира – полковники Александр Алексеевич Балтийский и Иван Васильевич Бабирев – были награждены орденом Св. Георгия 4 степени[16, с.375, 452, 685, 659, 687, 395, 392] . Четверо офицеров-трубчевцев: подполковник Михаил Алексеевич Расторгуев (141-го пехотного Можайского полка, временно командовал Трубчевским полком в начале 1915 г., за что и награжден), капитаны Борис Александрович Иванов (до 1914 г. – в 143-м пехотном Дорогобужском полку) и Кузьма Игнатьевич Тимофеюк, а также поручик Виктор Александрович Коровиченко, заслужили в боях Георгиевское оружие[16, с.719, 530, 787, 576] . Как минимум пять нижних чинов Трубчевского полка стали полными Георгиевскими кавалерами, то есть заработали все четыре степени Георгиевского креста[66, с.193-197] .

Вероятно, дисциплина в Трубчевском полку была необыкновенно крепка, солдаты не поддавались разлагающей большевистской пропаганде. Почти до середины 1918 г. полк существовал как слаженная боевая единица в составе гарнизонов Орши и Ельца и лишь 20 мая 1918 г. был расформирован большевиками[97, л.ХI] . То, что полк, несмотря ни на что, оставался верен присяге, было, скорее всего, следствием прекрасной выучки и воспитания солдат, организованной командовавшим полком с 20 мая 1916 г. полковником Иваном Васильевичем Бабиревым[113, с.354] , кадровым офицером «брянского» 144-го пехотного Кашир-

ского полка. В Каширском полку капитан Бабирев командовал 13-й ротой, жил в Брянске на ул. Московской (ныне Калинина), д. 25[80, с.165]. Сын капитана Николай учился в Брянской частной мужской гимназии[37, л.5] (современный адрес – Калинина, 84), в которой в 1908 г. учился будущий писатель К.Г.Паустовский.

Иван Васильевич Бабирев в июле 1914 г. оказался в составе сформированного в Брянске 292-го пехотного Малоархангельского полка. За отличие в боях был награжден орденом Св. Георгия 4 ст., Георгиевским оружием, английским орденом «За храбрость», чинами подполковника и полковника. В Высочайшем приказе от 25 марта 1916 г. сказано, что Бабирев Иван Васильевич, полковник 292-го пехотного Малоархангельского полка, награжден орденом Св. Георгия 4 степени «за то, что, временно командуя 292-м пехотным Малоархангельским полком, получив приказание овладеть укрепленной позицией противника у деревни Пурвинка, вечером 23-го октября 1915 г. искусно развернул свой полк и, умело руководя действиями своих батальонов, несмотря на упорное сопротивление противника, преодолел ряд проволочных заграждений противника, ворвался в немецкие окопы и овладел самой дер. Пурвинка, чем и выполнил поставленную ему задачу. Трофеями этой атаки были: 1 действующий пулемет и 128 пленных германцев»[6]. Портрет полковника Бабирева, как одного из самых выдающихся русских офицеров Первой мировой войны, был напечатан 22 октября (4 ноября) 1916 г. на страницах иллюстрированного приложения к газете «Новое время» [72, с.9 (357)].

* * *

На базе карачевской 36-й артиллерийской бригады после приказа о мобилизации в июле 1914 г. была сформирована 73-я артиллерийская бригада, которая должна была взаимодействовать с 73-й пехотной дивизией и в том числе с входившими во 2-ю бригаду этой дивизии сформированными в Брянске Трубчевским и Малоархангельским полками. Жителей Брянского уезда также призывали по мобилизации в 73-ю артбригаду – там оказался, например, 31-летний бомбардир (ефрейтор) из д. Тимоновки Алексей Матвеевич Зюзин[40, л.172-172об].

С 25 июля 1914 г. 73-й артиллерийской бригадой командовал 54-летний полковник Ипатий Иванович Клоченко[109, с.168]. С 14 декабря 1911 г. Ипатий Иванович был командиром 1-го дивизиона 36-й артиллерийской бригады, в Карачеве жил на Тургеневской улице, в доме Писковитиной[112, с.1097; 80, с.249]. Наши места были полковнику Клоченко не чужими – в 1877 г. он первым по успеваемости в своем выпуске окончил Орловскую Бахтина военную гимназию[64, с.81]. Блестящий офицер, Ипатий Иванович к началу Первой мировой войны был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3 и 2 степени, Св. Владимира 4 степени. Чин полковника также был присвоен Клоченко за отличие. В годы мировой войны Ипатий Иванович был на виду, как минимум дважды его портреты печатались в журналах[71, с.10; 67, с.1182]. 25 марта 1916 г. Клоченко был присвоен чин генерал-майора[109, с.168].

Среди других офицеров вновь сформированной 73-й артиллерийской бригады следует отметить командира батареи Михаила Николаевича Ползикова (1875-1938). Михаил Николаевич родился в Орле. Так же, как и И.И.Клоченко, закончил Орловский Бахтина кадетский корпус и Павловское военное училище. Был выпущен в 1895 г. подпоручиком в 36-ю артиллерийскую бригаду[70а, с.23]. С тех пор 19 лет жизни и военной службы М.Н.Ползикова прошли в Карачеве, где у офицера был собственный дом на Введенской улице[80, с.250], где у Михаила Николаевича и его жены Эмилии Карловны родился 24 февраля 1909 г. сын

Алексей, в дальнейшем – химик, выпускник Лувенского университета и активный участник антикоммунистического Народно-трудового союза[70, с.538] ...

В канун Первой мировой – 13 мая 1914 г. – двум офицерам «карачевской» 36-й артиллерийской бригады были Высочайше пожалованы ордена Св. Станислава 2 степени: капитанам Михаилу Ползикову – и Михаилу Брылкину[22, с.220] , который, напомним, со своей батареей последним из воинов XIII корпуса бил по немцам в Восточной Пруссии, даже оказавшись в окружении. Капитан же Ползиков в годы Первой мировой за боевые отличия был произведен в подполковники и полковники, в тяжелые для Императорской Русской Армии дни ноября 1915 г. награжден Георгиевским оружием[16, с.701] , позже – орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В 1917 г. полковник Ползиков был назначен командиром артиллерийского дивизиона, предназначенного к отправке в Сербию.

В годы Гражданской войны генерал-майоры Клоченко и Ползиков стали легендами Белого движения. В августе 1918 г., когда против большевиков восстала Самара, генерал Клоченко возглавил армию восставших и вступил в должность инспектора Народной армии Комуча. В армии адмирала Александра Васильевича Колчака был инспектором артиллерии корпуса, начальником артиллерийского управления Курганского военного, а позже тылового округов Восточного фронта[18, с.113] . Генерал Ползиков в Вооруженных Силах Юга России командовал Дроздовской артиллерийской бригадой[19, с.433; 116, с.73; 121; 87] .

Но вернемся в лето 1914 г. 73-я артиллерийская бригада была сформирована несколько быстрее, чем 73-я пехотная дивизия – и включена в состав войск 1-й армии генерал-адъютанта генерала от кавалерии Павла Карловича фон Ренненкампа. Эта армия вторглась на территорию Восточной Пруссии немного раньше 2-й армии генерала Самсонова. Как раз в составе 1-й армии 73-я артиллерийская бригада участвовала 7 (20) августа 1914 г. в первой победоносной для русских битве мировой войны – Гумбинен-Гольдапском сражении[60, с.408] . Именно победа русских под Гумбиненом заставила немцев перебросить в Восточную Пруссию ряд частей, атаковавших Париж – и французская столица была спасена как минимум от немецкого штурма. До конца Восточно-Прусского похода 73-я артиллерийская бригада находилась в составе XX армейского корпуса. Позже она присоединилась к частям 73-й пехотной дивизии, вместе с которой сражалась, например, в Августовских лесах[57, с.176] .

* * *

После объявления мобилизации 5-й тяжелый артиллерийский дивизион вернулся в свои брянские (так называемые «чуксинские», по домовладельцу Чуксину[79, с.150]) казармы. Эти казармы до мая 2012 г. находились на территории брянского центрального рынка, по ул. Красноармейской (прежде Трубчевской). В мае же 2012-го казармы снесли.

По мобилизационному плану 5-й дивизион следовало развернуть в бригаду трехдивизионного состава и направить вместе со стоявшими в Брянске полками во 2-ю армию генерала Самсонова. Задержка в формировании[69] – скажем, командир 5-го дивизиона полковник Петр Михайлович Конопчанский (1867-1937) лишь с 17 августа 1914 г. значится командиром 5-й тяжелой артиллерийской бригады[109, с.135] , – резко изменила судьбу воинской части.

По мобилизации в 5-ю тяжелую артиллерийскую бригаду в Брянск был направлен прапорщик запаса, известный в свое время искусствовед и писатель, автор знаменитых «Образов Италии» Павел Павлович Муратов (1881-1950). Муратов напечатал в 1929 г. в парижской газете «Возрождение» серию мемуарных очерков, в которых отражен боевой путь брянской тяжелой бригады до конца 1914 г. Прапорщика Муратова, одним из первых прибывшего в Брянск, где у него тогда жили сестра и племянник, назначили старшим офицером 4-й батареи[103, с.18] .

5-й бригаде было суждено участвовать в победоносной для Императорской Русской Армии первой Галицийской битве. Бои против австро-венгерских армейских частей длились тогда с 5 (18) августа по 8 (21) сентября 1914 г. 5-я тяжелая бригада, приписанная к XXV корпусу, проследовала из Брянска в Брест, оттуда – в Холм, далее на Красновосток, Ярослав, Ивангород, Грабов и, наконец, под Ченстохов. Марши перемежались боями. В ноябре 1914 г. 5-я тяжелая артиллерийская бригада оказалась в подчинении III кавказского корпуса. Участвовала в бомбардировках австрийской крепости Перемышль. Крепость пала 22 марта 1915 г. после шестимесячной блокады.

Именно русской артиллерии принадлежала главная слава в первой Галицийской битве. «С первых же дней боевых действий выяснилось, что артиллерия начинала бой, вела его и решала исход. Противник называл русскую артиллерию “волшебной”. Своя пехота боготворила её, именуя “спасительницей”», - писал о тех боях историк Н.Н.Яковлев[124, с.67] . В подтверждение этих слов можно привести фрагменты из послужного списка командира 5-й тяжелой артиллерийской бригады полковника Петра Михайловича Конопчанского (в Брянске до войны он жил на Смоленской ул. - ныне бульвар Гагарина - в доме Григорьевой, №23[80, с.167]). «За отличия в делах против неприятеля» Петру Михайловичу 6 апреля 1915 г. Высочайше пожалованы мечи и бант к имеющемуся ордену Св. Равноапостольного Князя Владимира 4 степени[24, с.483] , 18 мая того же года – мечи к имеющемуся ордену Св. Анны 2 степени[25, с.767] . И, наконец, Высочайшим приказом от 24 мая 1915 г. снова «за отличия в делах против неприятеля» полковник Конопчанский был произведен в генерал-майоры[26, с.817] .

Среди офицеров 5-й тяжелой артиллерийской бригады обращает на себя внимание подполковник Павел Моисеевич Пильский. Сын бывшего офицера 144-го пехотного Каширского полка Моисея (Мося) Николаевича Пильского и Неонилы Михайловны, урожденной графини Девиер (Дивиер), Павел Моисеевич 10 августа 1903 г. закончил Константиновское артиллерийское училище (последним по успеваемости в выпуске) и был распределен во 2-й осадный артиллерийский парк. К 1 января 1909 г. поручик П.М.Пильский служил в 1-м Восточно-Сибирском осадном артиллерийском полке, располагавшемся в селе Антипиха под Читой[56, с.124; 89, с.720; 73, стб.739; 2, с.600] . Перевод в Брянск, в 5-й тяжелый артиллерийский дивизион, для этого офицера, писавшего стихи и занимавшегося журналистикой, был, вероятно, значительным жизненным успехом. В 1913 г. уже штабс-капитан П.М.Пильский жил в Брянске на Старо-Соборной (ныне Луначарского) улице, д.44[80, с.167] , откуда и ушел на войну. Подполковник Павел Пильский умер от ран 22 декабря 1915 г. и посмертно был награжден Георгиевским оружием[16, с.693] . Старший брат героя Петр, сам прошедший фронты Первой мировой, в эмиграции стал одним из первых публицистов и литературных критиков Русского Зарубежья[2, 602] .

5 июля 1916 г. 5-я тяжелая артиллерийская бригада была расформирована. Ее три дивизиона переименованы соответственно в 32, 33 и 34 отдельные полевые тяжелые артиллерийские дивизионы[1] . К январю 1917 г. прежний командир 5-й бригады генерал-майор П.М.Конопчанский командовал сформированной в Карачеве 73-й артиллерийской бригадой. 27 января 1917 г. Петр Михайлович награжден орденом Св. Георгия 4-й степени[16, с.572] . С 1 февраля по 24 июня 1917 г. генерал Конопчанский был инспектором артиллерии XLVIII армейского корпуса, потом переведен на ту же должность в восстановленный после Восточно-Прусской операции XIII корпус[51, с.826, 808] .

Документы Государственного архива Брянской области сообщают, что к июлю 1919 г. заслуженный генерал поселился в Брянске и трудился на местной электростанции старшим бухгалтером. П.М.Конопчанского несколько раз пытались призвать в красную армию – но,

видимо, безуспешно[39, л.709, 654, 789] . К началу 1929 г. Петр Михайлович Конопчанский служил бухгалтером уже брянского губздравотдела, а местная коммунистическая газета «Брянский рабочий» требовала его выгнать со службы за то, что генерал получал одновременно пенсию и жалование – вместе «целых» 167 руб. 60 коп. [114] Тогда же дочь Конопчанского уволили с брянской биржи труда, причем помянутая газета записала женщину в ряды «бывших людей» и «просто проходимцев» [49] .

Газетные доносы закончились тем, что генерала Конопчанского подвергли административной ссылке в Коми автономную область, где Петр Михайлович еще и в 1933 г. по-прежнему работал бухгалтером в поселке Новый Бор Усть-Цилемского района. Здесь П.М.Конопчанского 17 мая 1933 г. на три месяца арестовало ОГПУ по антисоветской 58-й статье (обвинялся КОО ОГПУ по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Постановлением КОО ОГПУ 10.08.1933 дело прекращено) [63] . Чтобы понять, в чем обвиняла коммунистическая тайная полиция старого русского генерала, раскроем содержание упомянутых статей из советского уголовного кодекса. Итак, статья 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений..., а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания... Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении...» Статья 58-11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой...»[92, с.496]

К 1937 г. Конопчанский вернулся в Брянск, привычно уже стал бухгалтером в 12-й школе[41, л.95] . Но начался «большой террор». 29 декабря 1937 г. «тройка» при УНКВД Орловской области (в состав этой области Брянск вошел накануне), своеобразное коммунистическое судилище, приговорила 70-летнего Георгиевского кавалера Петра Михайловича Конопчанского к расстрелу. Вместе с ним осудили на смерть еще нескольких героев Первой мировой: 69-летнего капитана Дорогобужского полка Тихона Ивановича Мерцалова, 62-летнего подполковника Каширского полка Алексея Ивановича Голохвастова, 48-летнего подпоручика-каширца Якова Ивановича Троицкого, поручика Невского пехотного полка 56-летнего Петра Михайловича Рыбакова и фельдфебеля-подпрапорщика того же полка 61-летнего Иосифа Ивановича Скребуху, прапорщика 36-й артиллерийской бригады 55-летнего Михаила Федоровича Смирнова (всего 13 человек) [41, л.102] . Ранее в Орле приговорили к смерти капитана-дорогобужца 64-летнего Алексея Абрамовича Гранаткина[41, л.97] .

Этих людей брянские чекисты обвиняли всё по тем же параграфам 58-й антисоветской статьи (58-10 и 58-11) и ставили им в вину, «что они, как бывшие офицеры царской и белой армии и являясь выходцами бывшего привилегированного сословия, будучи недовольны Советской властью, на основании общности антисоветских взглядов объединились в контрреволюционную фашистскую офицерскую организацию, которая существовала в г. Брянске с 1927 г. Указанная антисоветская организация ставила своей целью свержение существующего в СССР строя и восстановление капиталистического государства в России, путем создания повстанческих отрядов из бывших офицеров царской и белой армии, кулацкого элемента и других враждебно настроенных к Советской власти лиц. Участники этой организации систематически занимались среди своего окружения антисоветской агитацией, возводили клевету на мероприятия, проводимые партией и Советским правительством, восхваляли фашизм, ”предсказывали” неизбежную гибель Советской власти, ставили своей целью путем вредительства и диверсионных актов вывод из строя действующих важных предприятий города

(Брянска. – Ю.С.), а также некоторые из них имели письменную связь с родственниками, проживающими за границей» [41, л.96-97] . Чтобы добиться, по правилам тогдашнего дознания, личного признания обвиняемых в вине или попросту самооговора, брянские чекисты пытали стариков-офицеров. Это выяснил в 1958 г. Брянский областной суд, реабилитировавший казенных ветеранов: «На следствии применялись незаконные методы ведения следствия... О том, что в период 1937 – 1938 гг. к некоторым арестованным применялись незаконные методы ведения следствия видно из обзорной справки по делам бывшего начальника УНКВД Орловской области Симановского (Пинхуса Шоломовича. Расстрелян коллегами 22 февраля 1940 г., не реабилитирован[62, с.688] . – Ю.С.), начальника 4 отдела того же управления Попова и других» [41, л.98] .

Лишь два человека, проходивших по одному с генералом П.М.Конопчанским делу, получили вместо расстрела 10 лет лагерей: 59-летний Гавриил Иванович Александров и 45-летний Евгений Иванович Васильевский[41, л.96] . Евгений Иванович к концу Первой мировой войны в чине поручика командовал ротой 8-го пехотного Эстляндского полка Императорской Русской Армии[39, л.679об] .

* * *

Посмотрим теперь, что происходило в Брянске после ухода из него первоочередных и второочередных частей. Из приказа по войскам Брянского гарнизона за №12 от 24 августа (старого стиля) 1914 г. можно узнать, что на момент издания этого приказа в Брянске в сараях 5-го тяжелого артиллерийского дивизиона и артиллерийского парка размещались пешие дружины государственного ополчения: 99-я – подполковника Соколова, 100-я - подполковника Мартынова, 101-я – подполковника Труш, 102-я - подполковника Игнатовича[34, л.116] , составлявшие 17-ю бригаду государственного ополчения. 100-я дружина ополчения была сформирована в Брянске, остальные – в Орле[54] . Там же, в сараях 5-го тяжелого артиллерийского дивизиона, была размещены 16 и 22-я легкие ополченческие батареи. 9 и 19-я легкие ополченческие батареи расположились «по вольным квартирам», предоставленным брянскими городскими властями[34, л.116-116об, 119] .

Когда весной 1915 г. начали формировать полки и дивизии 3-й очереди, то из 100, 101 и 102 ополченческих дружин был сформирован 444-й пехотный Дмитровский полк – четвертый полк 111-й пехотной дивизии, а 99-я дружина вошла в состав 443-го пехотного Сосненского полка – третьего в той же 111-й дивизии[54] . 111-я вместе с 57-й дивизией, прославившейся при обороне крепости Осовец, составила XLIV армейский корпус. Корпус сначала участвовал в позиционных боях на Западном фронте, а затем был переброшен в Молдавские Карпаты[60, с.408, 413] .

Тогда же, 24 августа 1914 г., казармы 4-го батальона Невского пехотного полка в Брянской привокзальной слободе заняла сформированная в Орле 50-я пешая дружина государственного ополчения[34, л.116] . Весной 1915 г. орловские 50, 51, 52, 53 и 54 дружины вошли в состав 453 и 454 пехотных полков – первых двух полков 114-й пехотной дивизии, так и не успевших получить имена[54] .

Названные полки и дивизия связаны с трагичной историей гарнизона Новогеоргиевской крепости (современный польский город Модлин). Летом 1915 г. под натиском немецких и австро-венгерских войск русские оставляли Варшаву. При этом без внешней военной поддержки оказался и почти сотысячный гарнизон Новогеоргиевской крепости, получивший, тем не менее, приказ обороняться. В составе гарнизона находилась и 114-я дивизия с 453 и 454 полками[60, с.413] .

27 июля немцы осадили Новогеоргиевск. Огромная крепость честно оборонялась 10 дней. Потом 6 августа ее комендант генерал Бобырь перебежал к неприятелю и от немцев уже отдал гарнизону приказ о сдаче в плен. Странно, но гарнизон, в составе которого было 23 генерала и 2100 офицеров, а также 83000 солдат, не возражал – и сдался[51, с.70-71] . Лишь летчики крепостного авиаотряда собрали знамена всех частей гарнизона и перелетели в расположение основных русских войск[60, с.244; 3, с.184-185] .

Среди попавших тогда в плен был и рядовой Новогеоргиевской крепостной артиллерии Николай Иванович Белозоров из Брянской Привокзальной слободы, возвратившийся домой лишь 8 января 1919 г. [40, л.340-340об] Но были и такие, кому нельзя вменить в вину позорную капитуляцию. Так, брянский офицер капитан Михаил Михайлович Петров 3 августа 1915 г. во главе батальона как раз 454-го пехотного полка вел с немцами бой за Новогеоргиевск – и был тяжело ранен в шею и нижнюю челюсть. В плен капитан Петров попал вместе с госпиталем. Год и 8 месяцев скитался офицер по госпиталям и лагерям для военнопленных, пока немцы не выслали его, как инвалида, в нейтральную Данию, откуда капитан Петров вернулся в Брянск 6 сентября 1917 г. [40, л.62-62об]

Вернемся и мы опять в 24 августа 1914 г. Приказом по гарнизону, данным в этот день, все казармы, прежде занимавшиеся 144-м пехотным Каширским полком, были переданы вновь сформированному 187-му пехотному запасному батальону, которым командовал коренной офицер-каширец 68-летний Людвиг Христианович Тайхерт, незадолго перед тем получивший к отставке чин генерал-майора. Кроме того, в Брянске находился какое-то время упоминавшийся выше 72-й запасный батальон, сформированный из кадра Дорогобужского полка[34, л.116, 116об, 117] . 187-й запасный батальон квартировал в Брянске, видимо, до 1915 г. [101] , когда был сменен 23-й запасной пехотной бригадой. С 26 мая 1915 г. по март 1917 г. этой бригадой командовал генерал-майор и флигель-адъютант Государя Императора Петр Николаевич Сивицкий (1855 г.р.) [109, с.99; 108, л.772; 75, с.15] . В 1915 г. в городе находилась также 676-я пешая Орловская дружина ополчения[35, л.56, 58] . До 11 декабря 1917 г. на Брянском заводе в Бежице была расквартирована в качестве гарнизона 2-я рота 183-й пешей Смоленской дружины ополчения[12, с.123] .

К 1916 г. Брянский гарнизон входил в Минский военный округ и находился в оперативном подчинении Западного фронта. По словам брянского городского головы Василия Ивановича Сафонова, «количество воинских частей, расположенных в городе, увеличилось против мирного времени более чем в 7 раз» [45, с.144] . Гарнизон состоял из входивших в состав 23 запасной бригады 11, 83, 257 и 278 пехотных запасных полков[15, с.68] . Как говорилось вначале, к Брянскому гарнизону принадлежали Арсенал и Военно-сухарный завод, а в годы войны к ним присоединились эвакуированные в Брянск Двинские артиллерийские мастерские и Двинский артиллерийский склад, Минский вещевого интендантский склад, 5-й авиапарк (авиарота), авторота и т.п. [45, с.144] Из военно-медицинских учреждений в Брянске находились расширенный местный лазарет, сформированный в 1914 г. 103-й сводный эвакуационный госпиталь, два сводных Двинских запасных госпиталя, лазарет Земгора (Союза земств и городов), множество больших и малых частных лечебниц для раненных – и, наконец, тыловой 41-й эвакуационный пункт, в составе которого уже в 1918 г. начинала свой профессиональный путь выпускница Московских медицинских высших женских курсов, одна из первых пяти советских почетных граждан Брянска, известный врач-долгожитель Людмила Исидоровна Нацкая (1892-1994) [38, л.16] .

Общая численность Брянского гарнизона приближалась в 1917 г. к 50 тысячам человек[88, с.16] . Многочисленность тогдашнего Брянского гарнизона подтверждает такой случай: 26 ноября 1916 г. был издан приказ о формировании 2-й Уральской казачьей батареи и

управления Уральского казачьего артиллерийского дивизиона. Батарею предполагали сформировать в Брянске, но отказались от этих планов, «так как Брянск переполнен войсками и, соответственно, все казармы и конюшни заняты» [58] ... Эта масса вооруженных людей, превышавшая почти на 20 тысяч число коренных жителей Брянска, стала основной движущей силой февральско-мартовского и октябрьского государственных переворотов 1917 г. В июне 1917 г. командованию пришлось переместить наиболее распропагандированный большевиками 11-й запасный полк в Гжатск [15, с.349] .

Вместе с тем, в противовес разлагавшимся регулярным частям, решено было к лету 1917 г. формировать прежде всего «для защиты февральской революции» из добровольцев так называемые «ударные революционные батальоны». По штату от 21 августа 1917 г. такой батальон должен был состоять из 25 офицеров, 1199 солдат, священника и 4-х классных чинов. 22 июля 1917 г. среди пунктов сбора добровольцев для «ударных батальонов» были названы 101-й Западного фронта этап, переведенный в Брянск из Минска – и 11-й запасный пехотный полк, переведенный из Брянска в Гжатск. В связи с изменением линии фронта пункты сбора добровольцев к 23 сентября 1917 г. переместились. Для Западного фронта – окончательно в Брянск, в переведенные сюда 183-й и 287-й запасные пехотные полки. Именно здесь, в расположении 287-го запасного полка, к 18 сентября 1917 г. проходил под командованием полковника Боглачева переформирование 7-й ударный революционный батальон Западного фронта [61, с.36, 38] .

Вечером 29 октября 1917 г. команда от этого батальона – 150 человек и несколько пулеметов - прибыла под началом поручика Зотова в Москву, где в отряде полковника Лейб-гвардии Волынского полка Леонида Николаевича Трескина, состоявшем из московских студентов и юнкеров Александровского военного училища, принимала участие в боях против большевиков [115, с.186] .

* * *

Заводы Брянского края вносили заметный вклад в дело снабжения Императорской Русской Армии необходимыми ей вещами. По словам калужского историка И.Б.Беловой, Брянский рельсопрокатный железодельный и механический завод акционерного общества Брянского завода в с. Бежице производил в годы Первой мировой «снаряды (бронебойные, фугасные, гранаты, шрапнель), зарядные ящики, паровозы, вагоны, железнодорожные стрелки, подъёмные краны, проволоку, гвозди, огнеупорные материалы. Брянский Арсенал служил ремонтной базой Западного фронта, а также производил предметы артиллерии (лафеты, зарядные ящики, повозки и двуколки, пулемётные станки, различные колёса и запасные части). <...> Бытошевский чугунолитейный завод Мальцовского АО также изготовлял различные снаряды (мортирные, гранаты, мины), печи для землянок и котлы. На Радицком вагоностроительном заводе Мальцовского АО выпускали вагоны для армии, а также проводили работы по отделке литых оболочек снарядов. Стекло на государственную оборону (25 % от всего производства) изготовляли Чернятинская и Ивотская стекольные фабрики Мальцовского АО. Знеберская бутылочная фабрика Мальцовского АО с марта 1916 г. выполняла военный заказ по изготовлению телеграфных изоляторов» [7, с.53] .

Здесь следует, пожалуй, остановиться подробнее на Арсенале, который более 130 лет был нашим главным военным заводом. К 1911 г. на Брянском арсенале, подчиненном Главному артиллерийскому управлению, трудились около 600 мастеровых и рабочих, ежегодно выпускавших продукции на 600 тыс. рублей. Завод включал в себя несколько цехов, которые по старому обычаю назывались еще мастерскими: литейный, кузнечный, слесарный, оружейный, деревообделочный, механический. При заводской канцелярии действовала чертеж-

ная. В литейной мастерской Арсенала отливались бронзовые и латунные детали для лафетов артиллерийских орудий, для повозок и снарядных лотков. Отливали здесь также детали из чугуна. В оружейной мастерской исправляли части артиллерийских орудий, обтачивали и отделяли медные детали, изготавливали изделия малых размеров. В арсенальной кузнице, оборудованной паровыми молотами в две, одну и полтонны, кузнечными горнами и т.п., ковали стальные и железные заготовки для других мастерских, а еще - выпускали готовые кованые изделия (кольца, крюки и т.п.). В слесарной мастерской, оборудованной значительным количеством механических станков и гидравлической клепальной машиной, происходила окончательная отделка деталей, сборка лафетов и повозок. В столярной мастерской делали прежде всего колеса для повозок. В механической мастерской Арсенала находилось около 250 станков, снабженных электромоторами и приводимых в движение двумя паровыми электрогенераторами трехфазного тока, каждый в 300 сил. Для электрического освещения завода использовали две паровые турбины. Пар для динамо-машин, турбин и паровых молотов давали 4 паровых котла, отапливавшихся нефтью или дровами. Вполне официально Брянский арсенал по техническому оборудованию и количеству выпускаемых изделий занимал третье место среди арсеналов Российской Империи[13].

Небольшой офицерский состав Брянского арсенала был приписан, в основном, к Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде, штаб которой находился в Варшаве. Среди арсенальных офицеров находились выдающиеся инженеры и организаторы производства. Так, генерал-майор Анатолий Николаевич Лукашев (1857-1917) в 1900 г., пребывая еще в капитанском чине, был удостоен бронзовой медали всемирной парижской выставки «за производство опытов и за постановку работ по сгибу брусков для колес с гнутыми косяками» [108, с.564; 10, с.74]. Полковник (с 1917 г. генерал-майор) Николай Григорьевич Высочанский, дядя по материнской линии известного писателя К.Г.Паустовского, снискал известность своими трудами по изготовлению сталистого чугуна[30, с.14-15; 29]. Наконец, 29 марта 1914 г. на Арсенал прибыл назначенный сюда еще 31 декабря 1913 г. новый начальник – генерал-майор Семен Николаевич Ванков (1858-1937) [33, л.45; 108, л.705], болгарин по национальности, настолько образцово поставивший дело в Хабаровской артиллерийской мастерской во время Русско-японской войны, что мастерская была переименована в арсенал[123, с.50-63].

С началом Великой войны в 1914 г. Брянский арсенал перешел на круглосуточную работу при одном выходном в месяц. Количество вольнонаемных рабочих увеличилось до 3145 человек. Главной задачей завода стал ремонт артиллерийских орудий – обыкновенный и с «перестроением». Для этих целей на завод было доставлено новое оборудование: 170 новых станков втрое увеличили мощность механической мастерской, на Арсенале были установлены электрическая печь, прессы для снятия кожухов и надульников с орудий и прочее. Загруженный работой, Арсенал непрерывно модернизировался: с 1915 г. здесь возводятся электростанция, новые механическая и литейная мастерские, здание для термической обработки металлов, расширяются старые помещения[123, с.88-89; 10, с.85-86]. В итоге площадь производственных зданий Брянского арсенала выросла за годы Первой мировой войны вдвое. При этом еще и Брянский завод в Бежице отремонтировал в 1915-1917 гг. 6 % всех нуждавшихся в ремонте русских артиллерийских орудий. За тот же срок специализированный, казалось бы, военный Балтийский судостроительный завод починил орудий в 2 раза меньше[7, с.61].

Помимо ремонтных работ, производства артиллерийских лафетов, повозок и т.п., Брянский арсенал в годы Первой мировой со все возрастающим темпом изготавливал различные детали для пулеметов. Так, двуколки (конных повозок) пулеметных и патронных завод в 1914 г. произвел 487, в 1915 – 845, в 1916 – 890 и в 1917 – 770; пулеметных станков системы

Колесникова в 1916 – 340, в 1917 – 510; колес к пулеметным станкам Соколова (станок, без которого для нас теперь не представим пулемет «Максим») Арсенал произвел в 1914 г. 300 штук, в 1915 – 5 610, в 1916 – 17 340, в 1917 – 8 350. Наконец, патронных коробок для пулеметных лент Брянский арсенал в 1914 г. выпустил 10330 штук, в 1915 – 40 550, в 1916 – 92 327, в 1917 – 75 515 [117, с.111] .

Интересно также, что Брянский арсенал, сам не производивший боеприпасов, сыграл, тем не менее, значительную роль в преодолении «снарядного голода». Русская Императорская Армия, как и другие армии, участвовавшие в Первой мировой войне, очень быстро стала испытывать недостаток боеприпасов – и прежде всего снарядов. Довоенные расчеты расхода этих самых боеприпасов были войной отмечены сходу. Французы, союзники России, после боев на Марне, мобилизовали для производства патронов, гранат и снарядов частные предприятия. Россия решила сделать то же самое – и пригласила к себе в начале 1915 г. французских специалистов. В конце концов, группу по работе с французами и распространению их опыта и технологий на русские заводы возглавил уполномоченный Главного артиллерийского управления начальник Брянского арсенала генерал-майор С.Н.Ванков. Группа эта получила неофициальное название «Организация Ванкова». Среди почти 300 заводов, мобилизованных для производства боеприпасов, оказались и предприятия Брянского края: Мальцовские заводы и Брянский завод в Бежице [123, с.106] , где генерал Ванков в качестве начальника Брянского гарнизона встречал 20 апреля 1915 г. Государя Императора Николая Александровича [35, л.54; 86а] .

Помимо организации производства, генерал Ванков готовил для гражданских предприятий инженерные кадры, способные перевести заводы «на военные рельсы». Семен Николаевич отбирал в госпиталях раненных офицеров инженерной службы и отправлял их для переподготовки на опытный завод «Организации Ванкова». Здесь вели обучение офицеры Брянского арсенала. На самом же арсенале готовили прапорщиков – приемщиков снарядов и вольнонаемных браковщиков [123, с.104] .

Итогом работы «Организации Ванкова» к 1 января 1918 г. только в деле производства гранат французской конструкции стал выпуск 13 683 334 корпусов 76-миллиметровых гранат, 104 956 корпусов 122-мм и 488 487 – 152-мм гранат; 12 250 863 76-мм запальных стаканов, 730 294 - 152-мм запальных стаканов, 646 512 запальных стаканов УС; 3 512 260 снаряженных и 4 096 975 неснаряженных детонаторных трубок. Из этого числа заводами Мальцовского акционерного общества было выпущено к ноябрю 1916 г. 61 740 корпусов и 43 390 запальных стаканов для 76-мм гранат французского образца, 84 000 мин к минометам Дюмезиля и 20 419 корпусов 122-мм гаубичных бомб. Для сравнения с трудами Ванкова - вся прочая промышленность Российской Империи выпустила за время войны 28 млн. 76-мм гранат [123, 107] .

В «Организации Ванкова» с июня 1915 г. оказался и полковник Брянского арсенала Николай Григорьевич Высочанский, который получил должность помощника по технической части уполномоченного Главного артиллерийского управления по производству снарядов по французскому образцу, т.е. самого Ванкова [30, с.15] . Высочанскому пришлось переехать в Москву. Здесь 22 января 1916 г. Николай Григорьевич провел экскурсию по частному снарядному заводу Н.А.Второва на Хамовнической набережной для Великого Князя Михаила Александровича, брата Государя [46, с.223] . Великий Князь, имение которого Брасово («милое Брасово», как частенько писал Михаил Александрович в своем дневнике) находится на Брянской земле, так же может считаться нашим земляком в числе героев Великой войны. В Брасове, к слову, местные мастерские также к декабрю 1915 г. изготавливали по 200 бомб для бомбометов (пробораз современных минометов) в день.

С 23 августа 1914 г. Великий Князь Михаил Александрович командовал сформированной из добровольцев-горцев Кавказской туземной конной (она же легендарная «Дикая») дивизией, с 4 февраля 1916 г. — 2-м кавалерийским корпусом, с 19 января 1917 г. занимал должность генерал-инспектора кавалерии[51, с.413-414] . Высочайшим приказом от 5 марта 1915 г. Свиты Его Величества генерал-майору Великому Князю Михаилу Александровичу был пожалован орден св. Георгия 4-й степени: «За то, что командуя отрядом в период январских боев — за обладание проходами в Карпатах, подвергая свою жизнь явной опасности и, будучи под шрапнельным огнем противника, примером личной храбрости и мужества, воодушевлял и ободрял войска своего отряда, при чём выдержал, с 14-го по 25-е января, натиск превосходных сил противника, прикрыв весьма важное направление на Ломна-Старое место, а затем, при переходе в наступление, активными действиями содействовал успешному его развитию» [90] . Высочайшим приказом от 27 июня 1915 г. Великий Князь Михаил Александрович был также награжден Георгиевским оружием[16, с.644] .

Но кроме военных подвигов, Михаил Александрович в годы Первой мировой войны немало занимался благотворительностью. В столичном петроградском особняке Великого Князя был устроен госпиталь для 25 офицеров и 100 нижних чинов, в загородном гатчинском доме Михаила Александровича - госпиталь на 30 нижних чинов. На средства Великого Князя был к 21 ноября 1914 г. сформирован санитарный поезд № 157. На 1 августа 1916 г. этот поезд совершил 84 рейса, во время которых покрыл расстояние в 57 119 верст, перевез 662 раненых офицера и 35 709 нижних чинов[82] . Конечно, обустройство и снабжение этих госпиталей легло, главным образом, на плечи супруги Михаила Александровича - Наталии Сергеевны Брасовой, получившей в 1915 г. графский титул.

В брянских владениях Михаила Александровича раненных лечили в лазарете для легкораненых и выздоравливающих нижних чинов на 100 коек, часть которых размещалась в конторе имения села Брасово, часть – в так называемом «доме архитектора», часть - в Локте, в помещении молельной при главной конторе имения, а также в локотской больнице. Еще один госпиталь был устроен в Дерюгинском имении Великого Князя. На закупку всего необходимого для брасовского лазарета: медицинского оборудования, лекарств, инвентаря было потрачено 42 465 рублей[48, с.167] . К слову, больница в Локте, где трудились врач и фельдшер, а также фельдшерские пункты в слободе Алтуховой и на хуторе Александринском и в мирное время содержались за счет Великого Князя. На Рождество, которое в конце 1915 г. Михаил Александрович встречал в Брасове, он навещал пациентов своих госпиталей. Когда в середине 1915 г. начался отток беженцев из западных губерний Российской Империи в Центральную Россию, Великий Князь Михаил Александрович открыл в Брасове приют для 60 осиротевших беженцев-детей[7, с.135, 143; 65, с.596, 598] .

Ну, а Николаю Григорьевичу Высочанскому пришлось в июне 1917 г. вернуться в Брянск и примерно на год возглавить Арсенал. Коммунисты убили Великого Князя Михаила Александровича в ночь с 11 на 12 июня 1918 г. [20] , а Н.Г.Высочанского – 21 октября 1929 г. [28]

***

Еще один город Брянского края стал в годы Первой мировой войны центром формирования и пополнения русских войск. Это, как нетрудно догадаться, Карачев, в котором оставалась от 36-й артиллерийской бригады серьезная материально-техническая база. По подсчетам карачевского краеведа Л.Д.Передельского в 1914-1917 гг. в городе в разное время находились: 12-й пехотный запасный полк (около 10 тыс. человек), 6, 7 и 8 отдельные батареи «А» действующей армии, 2-й отдельный позиционный дивизион тяжелых орудий системы

«Кан»), артиллерийский склад тяжелой артиллерии особого назначения действующей армии, 55-й сводный эвакуационный госпиталь, школа шоферов автомобильного транспорта, Могилевский базисный вещевого склад и при нем починочная подвижная армейская мастерская, 183-я пешая Смоленская дружина ополчения, отдельный Карачевский конный запас, 1-я рота 88-го рабочего батальона, 6-я рота 34-го рабочего батальона действующей армии, 704-й сводный госпиталь – и другие части[83, с.103, 133] .

К весне 1916 г. в Карачеве была сформирована 123-я пехотная дивизия в составе 489 Рыбинского, 490 Ржевского, 491 Варнавинского и 492 Барнаульского пехотный полков[54] . С 25 февраля 1916 г. дивизией командовал известный русский военачальник и один из создателей независимого Польского государства генерал-майор Иосиф (Юзеф) Романович Довбор-Мусницкий (1867-1937) [51, с.216-217] . «Орловские епархиальные ведомости» сообщали 13 марта 1916 г.: «6 марта, в воскресенье, Преосвященнейший Григорий (епископ Орловский и Севский – Ю.С.) совершил литургию в Карачевском соборном храме... За литургиею в соборе присутствовали, кроме многочисленных богомольцев, начальник дивизии генерал-майор И.Р.Довбор-Мусницкий и два бригадных генерала местной вновь формирующейся дивизии, городской голова Сытин и местный исправник П.С.Никаноров. По окончании литургии Владыка преподавал долгое время всем предстоящим Архипастырское благословение» [77, с.323-324] .

Сформированная в Карачеве 123-я пехотная дивизия была отправлена сражаться против турок на Кавказском фронте (Турция вступила в войну на стороне Германии 17 (30) октября 1914 г.). 13 июня 1916 г. 3-я турецкая армия перешла в решительное наступление на русских, направив главный удар по долине Лиман-Су в трапезондском направлении на Оф. Турки вклинились, было, между нашими V Кавказским и II Туркестанским корпусами, но русские остановили неприятеля сначала двухдневной стальной обороной, а потом ударом 123-й (карачевской) пехотной дивизии в левый фланг неприятеля и 3-й пластунской бригады в правый его фланг. В последовавших боях 8 – 21 июля 1916 г. у Дачанос 490-й пехотный Ржевский полк из состава 123-й дивизии (конкретно – прапорщик Евгений Иванович Егин) захватил знамя Ташкелакского пехотного турецкого полка[60, с.413, 373; 4, с.41; 17; 16, с.507] .

***

Патриотический подъем времен Первой мировой войны в полной мере коснулся жителей Брянского края. И проявлялось это не только в служении на поле брани, но и в самой широкой и разнообразной благотворительной деятельности.

Отличилось на этой ниве, например, духовенство Брянского края. Уже 17 августа 1914 г. «Орловские епархиальные ведомости» писали: «Монастыри Орловской епархии мужские и женские откликнулись на нужды военного времени устройством лазаретов при двух мужских и двух женских монастырях на 60 кроватей, с таким распределением: 5 кроватей при Введенском Орловском женском монастыре, 20 кроватей при Петропавловском Брянском женском монастыре, 20 кроватей при Белобережской мужской пустыни и 15 кроватей при Троицком Елецком мужском монастыре. На содержание этих лазаретов монастыри назначили ежемесячный взнос в размере 950 рублей. В случае же недостачи этих средств, монастыри обязались вносить (так!) добавочные ассигнования. Кроме этого братия Троицкого Елецкого монастыря, с настоятелем во главе, Преосвященнейшим Митрофаном, обязалась на усиление средств на лазареты вносить 2% с кружечных доходов, в Брянский Свенский Успенский монастырь отводит под военный госпиталь свой большой в г. Брянске дом, который прежде снимался под офицерское собрание. Служащие в Орловской духовной консистории

постановили отчислять 2% ежемесячно из получаемого ими жалования на усиление средств по содержанию лазаретов при монастырях» [78, с.839] .

Действительно, уже к 14 августа 1914 г. Брянский Свенский Успенский монастырь отвел в своих стенах место для лазарета на 30 воинов, а в «доме Успенского Свенского монастыря» (на месте этого дома по современной брянской улице Калинина в 1960-х был выстроен корпус фабрики РТИ, ныне заброшенный) для раненых и больных солдат оборудовали доста кроватей. И как раз к 14 августа в монастырскую больницу прибыли первые боевые пациенты: «Больные и раненые в ноги донцы-казаки и пехотинцы в руки – 22 человека» [76, с.877] . К 20 декабря 1914 г. на территории Брянского Петропавловского монастыря действовало уже два лазарета: тот самый, что упоминался выше, на 20 коек - он содержался за счет обители, и лазарет Красного Креста на 26 коек [86, с.24] . Если у благотворителей не было средств на лазарет – они брали на свое содержание лазаретную койку. Когда, например, в 1-м Орловском духовном училище был организован «Лазарет духовенства», учителя Фошнянской и Ивотской второклассной и образцовой школ содержали там за свой счет койку, выделяя на нее ежемесячно по 25 рублей [43, с.135] .

От духовных лиц не отставали и миряне. В Брянске к февралю 1915 г. действовали 24 общественных лазарета на 2103 места, в Брянском уезде работали лазареты Радицкого вагоностроительного завода, лесничих Орловской губернии, жителей поселка Людинка, частные лазареты брянского уездного предводителя дворянства князя Вячеслава Вячеславовича Тенишева, крестьянина Морозова и т.д. [7, с.132, 134] В прежнем имении поэта графа Алексея Константиновича Толстого также открылся лазарет. Владелец же имения, Георгий Михайлович Буда-Жемчужников, сражался с германцами в рядах Лейб-гвардии Конного полка [53, с.34; 106] . Когда 20 апреля 1915 г. промышленное местечко Бежицу Брянского уезда посетил Император Николай II, то ему показали в прекрасно оборудованной больнице расположенного в Бежице Брянского механического, железоделательного и рельсопрокатного завода отделение, где лечились раненые в боях русские солдаты и офицеры. А чуть позже Государь осмотрел еще и заводской госпиталь на 1000 коек, устроенный для раненных воинов всероссийским земским союзом [50, с.162] .

Супруга орловского губернатора В.Н.Андреевская 23 июля 1914 г. организовала Дамский комитет, который уже к 1 ноября собрал более 21 тыс. руб. пожертвований в пользу больных и раненых, а также в пользу семей, кормилицы которых были призваны в армию, организовал пошив белья для орловских госпиталей и т.п. По образцу губернского города в уездном Брянске появился Дамский кружок, который к октябрю 1914 г. открыл в городе два госпиталя [7, с.141, 143] . Подобная активность тронула до глубины души Вдовствующую Императрицу Марию Феодоровну, приславшую тогда в Брянск телеграмму следующего содержания: «Сердечно обрадована открытием второго лазарета Дамского кружка. Искренне благодарю всех жертвователей и трудящихся за усердие в святом деле помощи нашим раненым и больным воинам» [7, с.163-164] .

Социальный состав Дамских кружков был широк. Очень много работали в них, например, учительницы церковно-приходских и начальных школ. Учительницы организовывали среди брянских жителей сбор денег и вещей. В пользу раненых Дамский кружок брянской Привокзальной слободы устроил в октябре 1914 г. лотерею. В мае 1915 г. такую же двухдневную лотерею организовал Севский (Севск теперь райцентр Брянской области) Дамский комитет [7, с.143] . Учительницы двухклассной школы Полесских железных дорог (теперешний Брянск-1), состоявшие членами Дамского кружка, отчисляли в месяц на раненых где-то по рублю, а также процент в Благотворительный комитет при управлении Полесских железных дорог [43, с.136] .

В ту пору вообще широко практиковались отчисления от денежного жалования «на дело помощи раненым». Отчисления зависели от размера этого жалования. Если годовой доход не превышал 600 руб., отчислялось 2 %, 1800 руб. - 3 %, свыше 1800 - 4%. Подобные отчисления делали служащие Брянской уездной земской управы, персонал Карачевских мужской и женской гимназий все военные годы ежемесячно направлял 3 % от своей заработной платы на нужды общества Красного Креста и семей призванных. Рабочие Брянского завода в Бежице с начала войны отчисляли 2 % с каждого заработанного рубля в помощь семьям призванных, а также больным и раненым воинам [7, с.141, 200]. Общество потребителей при том же Брянском заводе постановило ежемесячно до окончания войны отпускать по 15 руб. на приобретение чулок для раненых. Когда 20 апреля 1915 г. на Брянский завод в Бежицу прибыл Император Николай II, ему передали на деревянных блюдах пожертвования в пользу раненых воинов: 5 тыс. рублей от Брянского уездного земства и 2 тыс. – от самого города Брянска [50, с.157].

«Орловские епархиальные ведомости» опубликовали 1 февраля 1915 г. отчет о благотворительной деятельности церковно-приходских школ Брянского уезда, составленный «уездным наблюдателем» священником М.Говоровым. Из отчета мы узнаем множество интересных вещей. Скажем, на станции Брянск Риго-Орловской железной дороги (также теперешний Брянск-I) регулярно останавливались санитарные поезда. Так вот, учителя церковно-приходских школ Привокзальной слободы «на своих руках выносили тяжелораненых воинов на перевязочный пункт и помогали врачам при перевязках. Кроме того, приносили разного рода питательные продукты и в поездах раздавали их раненым страдальцам, которые не могли выходить из вагонов для получения пищи и нередко поэтому были голодны» [43, с.134].

Если же вблизи школы находился лазарет, то учительницы в свободное от занятий время несли там дежурства, помогали врачам, а одна так просто уволилась из школы и стала сестрой милосердия. Вообще же к 14 сентября 1914 г. на шестинедельных курсах в Брянске было подготовлено 100 сестер милосердия [7, с.136].

Продолжались и всякого рода пожертвования. Учителя Сергиево-Радицкой школы одновременно пожертвовали 16 руб. 63 коп. и постановили ежемесячно собирать по 4 руб. 50 коп. Учительница школы Брянского Петропавловского монастыря ежемесячно жертвовала из своего жалования по 50 копеек на содержание именной койки в Орловском «лазарете духовенства», учительница школы при Горне-Николаевской церкви ежемесячно на то же самое жертвовала 4% от жалования. Свой процент жертвовали учителя Николаевской двухклассной и Николаевской мужской школ при станции Брянск.

Служивший в брянских Успенском и Рождество-Богородицком приходах священник, заведующий приходскими школами, был духовником трех брянских лазаретов, еженедельно раздавал раненым листки и брошюры религиозно-нравственного содержания, состоял действительным членом Общества Красного Креста, ежемесячно жертвовал на епархиальный госпиталь по полтора рубля, а учительницы этих приходов посещали раненых, снабжали их молоком, хлебом, фруктами, табаком, собирали для солдат деньги и вещи. Молочные артели Брянского уезда передавали сливочное масло, хлеб и полотенца Людинковскому кружку по оказанию помощи больным и раненым [7, с.143].

Что же касается учеников церковных школ, то, по словам священника Говорова, они с «охотой и усердием несли... холст, полотно, шерсть, нитки, иглы, ложки, табак, мыло, чай и сахар» в подарок русским воинам. Для солдат школьники прямо в школах шили белье и вязали теплые вещи, а потом собирали «пакеты с рождественскими подарками для армии». В Фошне ученики собрали для воинов 92 аршина холста, 31 полотенце, 8 рубашек, 6 кальсон, 3 пары чулок, 2 пары портянок, 2 мотка ниток, 2 наволочки. Ученицы Николаевской двух-

классной школы при Полесских железных дорогах ежедневно изготавливали по 50 бинтов для местного перевязочного пункта и сшили за полгода более 200 пар белья для армии[43, с.134-138] ... В декабре 1914 г. 50 учеников Севского духовного училища, живших при училище, отказались в пользу раненых от булок к вечернему чаю[7, с.143] . А вот в Брянской мужской частной гимназии в 1915-1917 гг. организовывали «трудовые дружины учащихся для оказания помощи семьям запасных солдат Брянского уезда» [36] - своеобразные предшественницы «тимуровских команд» советского времени.

Учителя сельско-деревенских одноклассных школ также жертвовали на нужды армии: Голубеевская школа к началу 1915 г. – 17 пар нижнего белья, 28 теплых рубашек, 10 пар шерстяных чулок, 20 полотенец, 10 фунтов (около 4 кг) сахару, 2 фунта (около 800 г.) чаю, 2 фунта конфет и 50 кисетов с табаком, бумагой и спичками; в Рябчичевской школе отцами законоучителями и учителями собрано 11 рублей, а учениками – 34 пакета с подарками; Супоневская школа пожертвовала 20 пар теплых чулок; учительницы из Стари ежемесячно стали отчислять из своего жалования по 2 р. 50 к. на содержание в лазарете именных коек, а ученицы собрали 11 р. 65 к., шили белье, кисеты, вязали чулки; в Хотылевской школе приготовили 12 пар белья, 8 пар носков, 13 пар портянок, 5 носовых платков, 2 полотенца и около двух рублей для покупки махорки... Ну, а крестьяне Елисеевичской волости Брянского уезда собрали в пользу раненых 500 руб. и 2 тыс. аршин холста[43, с.134-138] . Как видим, главными благотворителями на Брянской земле в годы Первой мировой войны были наши простые люди.

Между тем, деньги на благотворительность в ту пору привыкли не столько просить, сколько зарабатывать. Скажем, в октябре 1914 г. крестьяне д. Столбы Княвичской волости Брянского уезда устроили благотворительный спектакль, сборы от которого составили около 35 руб. В марте 1915 г. этому примеру последовало Брасовское общество помощи пострадавшим от войны, чей спектакль собрал 210 руб. на нужды местного лазарета[7, с.143] . Наконец, 2 марта 1916 г. в «Художественном театре» Брянска (так стали тогда называть летний театр сада общества трезвости, на месте которого теперь располагается центральная станция скорой помощи) по личной инициативе полковника А.И. Кальнинга был устроен в пользу инвалидов Русской Армии «грандиозный благотворительный концерт». «Прекрасные декорации, как нельзя, кстати, отражали патриотическую направленность концерта», - писала в те дни брянская пресса. По словам современного историка И.Б.Беловой: «Сцену украшали флаги и гербы союзных держав, посередине возвышался «исполинский Георгиевский крест на орденской ленте», опоясывающей всю сцену, много зелени. В программу концерта вошло исполнение русского гимна («Боже, Царя храни!»), троекратно повторенного по требованию публики, и восьми гимнов союзных держав. Пение хора (200 чел.) сопровождалось игрой объединенного оркестра войск местного гарнизона. Полковник А.А. Грешнер прочел собственное стихотворение, посвященное памяти погибших» [7, с.162-163] ...

В канун Рождества (25 декабря старого стиля 1914 г.) ученики 1-го класса Бежицкой при Брянском заводе мужской гимназии собрали подарки для воинов действующей армии. Кроме подарков малыши-гимназисты вложили в посылки на фронт свои поздравительные письма с просьбой к солдатам ответить на поздравление. Детские письма глубоко растрогали русских бойцов – настолько, что несколько ответных солдатских писем напечатали душевно впечатленные ими издатели «Орловских епархиальных ведомостей». Вот строки из письма бежицкому гимназисту от унтер-офицера (сержанта) Д.И.Агешина: «Многоуважаемый Николай! Мы Ваши подарки получили и остаемся очень Вам благодарны за них. Получили мы все, что Вы послали. Когда Ваши подарки принесли в роту, то мы все чуть не заплакали от сознания, что наши отцы, матери и братья не забывают нас. Дорогие наши братья! Мы видим

Ваши жертвы и сознаем, что Вы за нас болите, а мы здесь на войне трудимся, проливаем кровь за Царя и отечество, за свою родную сторону, чтобы враг наш не посмеялся русскому солдату, чтобы знал, что значит русский солдат. Русский солдат есть воин, защитник родины, не боится ни огня, ни пули, ни меча: дерется за свою родину и Царя храбро и дружно» [85, с.357-358] ...

* * *

Немало героев Первой мировой войны дала Брянская земля. Немало могил тех героев, похороненных частным образом, находится на городских и сельских кладбищах нашего края. Известно, кроме того, что умиравших от ран в госпиталях Брянска и Бежицы воинов или умиравших в пути, в санитарных поездах, хоронили на Воинском гарнизонном брянском кладбище (у современного автовокзала) [102], кладбище на Почтовой улице и кладбище Привокзальной слободы (вместо него построили в 1950-х дом культуры). Кроме того, в 1914 г. черниговские губернские власти отвели участки для мемориальных кладбищ героев Второй Отечественной войны в городе Стародубе и посаде Клиницы, ныне райцентрах Брянской области [59, с.22]. Какова судьба этих некрополей?

Но какой бы эта судьба не была – вечная память и вечная слава воинам, которые честно, не нарушив присяги, сражались в 1914-1917 гг. за Веру, Царя и Отечество!

Библиографический список

- 32, 33, 34-й Отдельные полевые Тяжелые артиллерийские дивизионы // <http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istTgoad.htm#p38>;
<http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istTgoad.htm#p39>;
<http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istTgoad.htm#p40>
- Абызов Ю.И., Исмагулова Т.Д. Пильский Петр Моисеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 4. М., 1999. С.600-604.
- Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914-1918 годов. Биографический справочник / Сост. М.С.Нешкин, В.М.Шабанов. М., 2006.
- Андоленко С.И. Неприятельские знамена, взятые Русской Армией в войну 1914 – 1917 гг. // Военная быль. (Париж.) 1966. №77. С.38-41.
- Андоленко С.П. Судьба знамен армии генерала Самсонова // Военная быль. (Париж.) 1965. №72. С.41-44.
- Бабирев Иван Васильевич // <http://www.regiment.ru/bio/B/395.jpg>
- Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 - февраль 1917 г. М., 2011.
- Белолипецкий В. Е. Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 год. М., 1940.
- Беннигсен Г. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году (продолжение) // Военная быль. (Париж.) 1959. №37. С.8-10.
- Бобков В.А., Поляков Г.П. Брянский Арсенал (1783-2008 гг.). Исторические очерки. Брянск, 2008.
- Богданович П.Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба Армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964.
- Брянску – 1000 лет. Тула, 1986.
- Брянский арсенал // Военная энциклопедия в 18 томах, изданная И.Д.Сытиным. СПб., 1911-1915. [Электронный ресурс] – М.: ИДДК; ООО «Бизнессофт», 2007.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
- Вацетис И.И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч.1. Восточно-Прусская операция. М.-Л., 1929.
- Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. П.А.Голуба, Ю.И.Кораблева, М.И.Кузнецова, Ю.Ю.Фигатнера / 3-е изд., доп. М., 1987.
- Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Биобиблиографический справочник / Отв.сост. В.М.Шабанов. Федеральное архивное агентство. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). М.,2004.

17. Волков А. Письмо в редакцию // Военная быль. (Париж.) 1967. №84. С.47.
18. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2003.
19. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб. – М., 2003.
20. Воспоминания участников [убийства Великого Князя Михаила Александровича] // <http://ldn-knigi.lib.ru>
21. Восточно-Прусская операция. Сборник документов Мировой империалистической войны на Русском фронте (1914 – 1917 гг.). М., 1939.
22. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1914. №1231. 3 июня.
23. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1914. №1235. 1 июля.
24. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1281. 26 мая.
25. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1290. 28 июля.
26. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1291. 4 августа.
27. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1295. 1 сентября.
28. Высочанский Николай Григорьевич // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
29. Высочанский Николай Григорьевич // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта // <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?PHPSESSID=1444a73b4ddc4288666f659fc1961c71>
30. Высочанский С. Наша семья. Её прошлое // Мир Паустовского. 2000. №15-16. С.14-22.
31. Государственный архив Брянской области (ГАБО). ОДФ. Ф.48. Оп.1. Д.2.
32. ГАБО. ОДФ. Ф.334. Оп.1. Д.204.
33. ГАБО. ОДФ. Ф.334. Оп.1. Д.225.
34. ГАБО. ОДФ. Ф.334. Оп.1. Д.226.
35. ГАБО. ОДФ. Ф. 334. Оп.1. Д.227.
36. ГАБО. ОДФ. Ф.509. Оп.1. Д.53.
37. ГАБО. ОДФ. Ф.509. Оп.1. Д.70.
38. ГАБО. Ф. Р-436. Оп.1. Д.9.
39. ГАБО. Ф. Р-483. Оп.1. Д.46.
40. ГАБО. Ф.Р-483. Оп.1. Д.74.
41. ГАБО. Ф.Р-2213. Оп.8. Д.131.
42. [Главатских М.Л.] «Пишу свою биографию...» // Инфо-Панорама. (Ижевск.) 2006. №0467. 18января // <http://www.inforanorama.ru/index.php?issue=256&article=1223>
43. Говоров М., священник. Церковные школы Брянского уезда в текущую войну // Орловские епархиальные ведомости. 1915. №5. 1 февраля. Отдел неофициальный. С.134-138.
44. Денисенко В.С. Солдаты пятой // Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967. С.87-102.
45. Деханов В.Г. Страницы из жизни старого Брянска / Издание 2-е, исправленное и дополненное. Брянск, 2016.
46. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича: 1915 – 1918 / Отв. ред. и сост. В.М.Хрусталева. М., 2012.
47. Дроздов К. Знамя окруженного полка. Куда ведут следы архивной находки // Родина. 2014. №8. С.38-41.
48. Дьякова А. В. Великий князь Михаил Александрович. Жизнь и любовь. Орел, 2010.
49. Евгенийев. Накипь грязных дел. Крупные безобразия в правлении трудколлективов // Брянский рабочий. 1929. №271. 21 ноября. С.4.
50. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. [Вып.3.] Январь-июнь 1915 г. / Сост. Д.Н.Дубенский. [Пг., 1915.]
51. Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. М., 2003.
52. Зальф Артур Августович // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта // <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?letter=%C7&PHPSESSID=1444a73b4ddc4288666f659fc1961c71>

53. Захарова В.Д. Краснорогская усадьба Алексея Константиновича Толстого. Брянск, 2005.
54. Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г. Подробная дислокация. Формирования 1914-1917 гг. Регалии и отличия // www.grwar.ru
55. Знамена и штандарты полков, батальонов Российской армии. Пехотные полки №291-310 и далее // <http://www.vexillographia.ru/russia/index.htm>
56. История «дворян» и «константиновцев». 1807 – 1907. Б.м., б.г.[СПб., 1907.] Алфавитный список.
57. Каменский М. П. Гибель XX корпуса 8/21 февраля 1915 года. Пг., 1921.
58. Картагузов С.В. Уральская казачья артиллерия в годы Первой Мировой Войны - http://www.yaik.ru/rus/forces/history/index.php?SECTION_ID=2195&ELEMENT_ID=2195&spphrase_id=370
59. Катагощина М. Памятники Великой войны (Окончание) // Военная быль. (Москва.)1993. №4 (133). С.21-23.
60. Керсновский А.А. История Русской Армии: 1881-1916. Смоленск, 2004.
61. Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. №2 (8). С.34-40.
62. Колпакиди А., Север А. КГБ. Энциклопедия спецслужб. М., 2010.
63. Конопчанский Петр Михайлович // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?PHPSESSID=1444a73b4ddc4288666f659fc1961c71> со ссылкой на: www.pokayanie-komi.ru/content/133/spiski_tom7_part2.doc
64. Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса с приложением списка бывших воспитанников этого корпуса, окончивших курс за время первого пятидесятилетия со дня его открытия. (1843-1893 гг.). Орел, 1893.
65. Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест / Изд. 2-е, дополненное и уточненное. Т.1. Брянск, 2013.
66. Лазарев С.А. Герои Великой войны. Известные и неизвестные. СПб., 2007.
67. Летопись войны 1914-15-1916 гг. 1916. №74. 16 января.
68. Марков О.Д. Русская армия 1914-1917 гг. СПб., 2001.
69. Муратов П. От Холма к Ярославлю // Возрождение. (Париж.) 1929. №1561. 10 сентября.
70. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999 в шести томах / Составитель В.Н.Чуваков. Т.5. М., 2004.
- 70а. Незабываемые могилы. Генерал М.Н.Ползиков // Часовой. (Бюссель.) 1938. №221. С.23-24.
71. Новое время. Иллюстрированное приложение. 1915. №14205. 26 сентября (9 октября).
72. Новое время. Иллюстрированное приложение. 1916. №14595. 22 октября (4 ноября).
73. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909.
74. Odkrywca. Wszystko o skarbach I przygodzie. 2005. №1 (72) // Судьба потерянного штандарта 144 Каширского пехотного полка / Перевод с польского // Великая война 1914-1917. Форум истории и реконструкции // <http://1914/fastbb.ru/>
75. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянск, 1957.
76. Орловские епархиальные ведомости. 1914. №34. 24 августа. Отдел неофициальный.
77. Орловские епархиальные ведомости. 1916. №11. 13 марта. Отдел неофициальный.
78. Отклики войны // Орловские епархиальные ведомости. 1914. №33. 17 августа. Отдел неофициальный. С.838-840.
79. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1913 год. Орел, 1912. Отдел II.
80. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 год. Орел, 1913. Отдел II.
81. Памятная книжка Смоленской губернии на 1914 год. Смоленск, 1913.
82. Первая мировая. Во главе «Дикой дивизии». Записки Великого князя Михаила Романова // http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1033009/Hrustalev_-_Pervaya_mirovaya.html#n477. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 105. Л. 3.
83. Передельский Л.Д. Карачев. Историко-краеведческий очерк. Брянск, 1995.
84. Письма в редакцию // Военная быль. (Париж.) 1965. №74. С.47.

85. Письма из действующей армии ученикам Бежицкой при Брянском заводе мужской гимназии // Орловские епархиальные ведомости. 1915. №14. 5 апреля. Отдел неофициальный. С.355-358.
86. Праздников В., Черняков Д. «Город-госпиталь»: функционирование медицинских учреждений г. Брянска в годы Первой мировой войны // Брянский край в годы Первой мировой войны. Материалы научно-практической конференции. Брянск, 2014. С.23-27.
- 86а. Пребывание Государя в Бежице // Орловские ведомости. 1915. №28. 22 апреля. С.2.
87. Приветствие дроздовцам генерала Ползикова // Галлиполийский вестник. (София.) 1938. №57. 10 марта. С.45-46.
88. Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть советов. Воронеж, 1978.
89. Разведчик. 1903. №669. 19 августа.
90. Разведчик. 1915. №1275. 14 апреля. С.1.
91. Разумов В.П. Дерево моей жизни (хроники двадцатого века). 2. Гимназия. Брянск, 1982 // Семейный архив Разумовых-Высоцких.
92. Росси Ж. Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / Пер. с франц. London, 1987.
93. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.400. Оп.12. Д.26759.
94. РГВИА. Ф.2048. Оп.2. Д.111.
95. РГВИА. Ф.2757. Оп.1-2. Опись фонда 143 пехотного Дорогобужского полка. 1871 – 1917 гг.
96. РГВИА. Ф.2758. Оп.1-2. Опись фонда 144 пехотного Каширского полка. 1885 – 1917 гг.
97. РГВИА. Ф.2900. Оп. I-III. 291-й пехотный Трубчевский полк. (Яковлев В. Предисловие).
98. РГВИА. Ф.2900. Оп.2. Д.63.
99. РГВИА. Ф.2900. Оп.2. Д.285.
100. РГВИА. Ф.3712. Оп.1. Д.14.
101. РГВИА. Ф. 15947. 187-й пехотный запасный полк. 1915-1916 гг.
102. Соловьев Ю.П. Брянское братское военное гарнизонное кладбище // IV-е Тихановские чтения. Материалы краеведческой научно-практической конференции 22 ноября 2011 г. / Брян. обл. на-уч. универс. б-ка им. Ф.И.Тютчева. Брянск, 2015. С.75-90.
103. Соловьев Ю.П. Очерк жизни и творчества Павла Павловича Муратова // Муратов П.П. Ночные мысли. Эссе, очерки, статьи 1923 – 1934 / Сост. Ю.П.Соловьев. М., 2000. С.4-46.
104. Соловьев Ю.П. Память об Отечественной войне 1812 года в Брянском крае // Проблемы сохранения культурного наследия: материалы II международного семинара (29 ноября 2012 года) / Филиал НОУ ВПО «МПСУ» в г. Брянске. Брянск, 2013. С.121-149.
105. Соловьев Ю.П. Религиозная жизнь Брянского гарнизона на рубеже XIX—XX вв. // Вопросы истории. 2012. №6. С.105-117.
106. Соловьев Ю.П. Судьба наследников Красного Рога в Гражданскую войну и после нее // А.К.Толстой и русская культура. Материалы межгосударственной научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения поэта. Брянск, 2008. С.149-159.
107. Солодков Н. Германцы и Русская Имп. Армия // Часовой. (Париж.) 1938. №206. 15 февраля. С.17-18.
108. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг., 1914.
109. Список генералам по старшинству. Составлен по 10-е июля 1916 г. СПб., 1916.
110. Список захоронений воинов Российской армии, погибших во Вторую Отечественную войну (1.8.1914-3.3.1918) на территории Курляндской, Лифляндской и Витебской губерний Российской империи (с 1.9.1917 Российской республики) /Страница создана Русским Обществом в Латвии (РовЛ) // russkie.org.lv
111. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1913 г. СПб., 1914.
112. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. СПб., 1914.
113. Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1-е августа 1916 г. Пг., 1916.

114. Стенкор. Бывшие лезут в настоящие. «Шагом марш!» // Брянский рабочий. 1929. №24. 30 января. С.2.
115. Трескин Л. Московское выступление большевиков в 1917 году // Сопротивление большевизму. 1917 – 1918 гг. / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии С.В.Волкова. М., 2001. С.182-190.
116. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Живые рассказы и материалы обработал И.Лукаш. Белград, 1937.
117. Федосеев С. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009.
118. Флуг В. Из воспоминаний о первой Великой войне // Военная быль. (Париж.) 1957. №26. С.20-21.
119. Фон Лампе А.А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960.
120. Фукс В. Краткий очерк операции Наревской армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. // Военный сборник Общества ревнителее военных знаний. Кн.IV. Белград, 1923. С.120-153.
121. Харжевский [В.Г.] Генерал-майор Михаил Николаевич Ползиков // Галлиполийский вестник. 1938. №61. 1 июля. С.28-30.
122. Хольмсен [И.А.] Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935.
123. Черняк А. Я. Семен Николаевич Ванков, 1858—1937. М., 1984.
124. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 / 2-е изд. М., 1974.

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, доцент Московского психолого-социального университета, филиал в г. Брянске, ur.solovjev@yandex.ru

**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ТЫЛОВЫХ РАЙОНАХ
МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

***Аннотация:** В статье анализируется влияние Первой мировой войны на снабжение продовольствием населения и армии в Орловской губернии. Дополнительно уделено внимание мерам по восполнению дефицита рабочих рук на этой территории. На материалах Государственного архива Брянской области (ГАБО) показана динамика роста цен на продукты первой необходимости.*

***Ключевые слова:** Первая мировая война, продовольственный вопрос, сельское хозяйство, военнопленные, рост спекуляции.*

Fisher E.S. General problems of providing the population in back areas of the Minsk war district in the period of the World war I (based on the materials of Orel province)

***Abstract:** The article analyzes the influence of the World war I on the supply of food to the population and the army in Orel province. In addition, attention is paid to measures to fill the shortage of workers in this territory. The materials of the State Archives of the Bryansk Region (GABO) are shown the dynamics of the growth of prices for essential products.*

***Key words:** World War I, food issue, agriculture, prisoners of war, speculation growth.*

Первая мировая война, в сравнении с другими военными конфликтами, в которых приходилось до этого принимать участие России, наиболее тяжело отразилась на продовольственном состоянии страны. Призывы мужского населения в армию, реквизиция лошадей и скота достигли в этот период небывалых масштабов. Усугубляли положение недостаток сельскохозяйственных орудий, машин и удобрений, оказали отрицательное влияние на сельскохозяйственное производство и транспортные затруднения. Все эти проблемы, возникшие почти одновременно, не могли не сказаться на росте цен на сельскохозяйственную продукцию, превратившемся в обязательный атрибут повседневной жизни городского населения тыловых районов Российской империи. Посевные площади зерновых культур сократились с 94 млн га в 1913 г. до 85 млн га в 1917 г., а производство зерна за этот период уменьшилось на 1,5 млрд пудов.

Статья посвящена ставшей одной из главных в годы Первой Мировой Войны проблеме продовольственного снабжения населения и армии на территории Орловской губернии, ряд уездов которой были включены в сентябре 1915 г. в состав Минского военного округа. Привлечение статистических данных, материалов периодической печати и архивных документов позволяет в рамках небольшой статьи показать основные проблемы, с которыми столкнулись власти региона в деле производства сельскохозяйственной продукции и снабжения населения продовольствием.

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект «Первая мировая война. повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915 – 1917 гг.)» № 17-21-01010 а(м).

Уже 13 июля 1914 г., когда в Генеральном штабе стало известно, что австрийцы объявили войну Сербии и начали обстрел Белграда, было принято Положение о подготовительном периоде к войне. Согласно этому документу, предусматривались меры по подготовке и обеспечению мобилизации армии и флота [1, с. 28].

Общая мобилизация вооруженных сил России началась 18 июля 1914 г. К началу войны в российской армии насчитывалось 1 млн 423 тыс. человек, а за первый ее год из сельского хозяйства было призвано около 7,5 млн человек. За последующие годы ведения военных действий деревня поставила фронту еще 6 млн жителей. Результат не заставил себя ждать. Большое количество хозяйств осталось без мужских рабочих рук, например, в Московской губернии – 44% хозяйств, Амурской – 43%, Томской – 42%, Тамбовской и Вологодской – 36%, Киевской – 37%, Харьковской, Саратовской и Уфимской – 30% [2, с. 205].

Вследствие недостатка мужской рабочей силы главную роль в сельском хозяйстве стали играть женщины, старики и подростки. Помещики и зажиточные крестьяне, использовавшие наемный труд, стремились получить в свои хозяйства пленных и беженцев. Правда, это было связано не только с нехваткой рабочих рук, но и с дешевизной их труда. Всего на сельскохозяйственных работах к 1917 г. было занято до 600 тыс. военнопленных и 250 тыс. беженцев [2, с. 205], распределенных по разным губерниям Российской империи.

Так, прибывшие из Дорницы Киевской губернии 5 тыс. военнопленных, отпущенных на сельскохозяйственные работы в распоряжение Орловской губернии, распределены были так: Орловскому уезду – 194 чел., Болховскому – 455, Кромскому – 236, Елецкому – 584, Карачевскому – 485, Ливенскому – 595, Малоархангельскому – 620, Мценскому – 321, Дмитровскому – 126, Севскому – 753, Трубчевскому – 174, «в распоряжение г. губернатора – 151 чел. и В.В. Скорятину на ст. "Русский Брод" – 40 чел» [3, № 56, 7 июня].

Были выработаны нормы на содержание военнопленных нижних чинов: хлеб – 2 фунта, 1/4 фунта мяса баранины, свинины или рыбы при условии довольствия пленных 2 раза в неделю обязательно постной пищей, 2,5 коп. на все приварочные надобности, по 15 коп. в месяц на человека на чайное довольствие. Были также установлены правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях. Согласно им, заявки владельцев губернатор рассматривал и направлял в Главное управление Генерального штаба.

Работодатель должен был нести все расходы по содержанию и охране военнопленных. Также сами предприятия совместно с органами местного самоуправления устанавливали размер заработной платы и продолжительность рабочего дня. Большая часть оплаты труда расходовалась на затраты по содержанию военнопленного, и лишь 1/3 отчислялась на его личный счет. На руки им разрешалось выдавать не более 20 копеек в день [4, с. 43].

Помимо сельского хозяйства, труд военнопленных в Орловской губернии с самого начала военных действий был направлен на обслуживание нужд военного времени. Наибольшего развития такие работы достигли в Орловской каторжной тюрьме, где за 1915 г. было изготовлено: 1). В столярной: ящиков для снарядов 4 тыс. штук, тачек 500 штук, оконных переплетов для военных барачных 950 штук. 2). В портняжной: провиантских мешков 57 тыс. штук, земленосных мешков 60 тыс. штук, брюк и шаровар 5550 штук. 3). В кузнечно-слесарной, литейной и механической мастерских также шла работа. Кроме этого, проводились наружные работы на нужды военного времени [3, № 76, 1 июля].

Помимо недостатка рабочей силы прослеживалась и нехватка лошадей. Сельское хозяйство лишилось огромного количества лошадей, взятых в армию. Большинство населения Орловской губернии проживало в сельской местности. Основным занятием крестьян оставалось земледелие. В крестьянских хозяйствах преобладала трехпольная система земледелия, а главными орудиями обработки земли, по-прежнему были борона и деревянная соха. Около

половины всех посевов занимала озимая рожь, а из яровых культур основными были овес и гречиха. Довольно важную роль в сельском хозяйстве Орловской губернии играли картофель, конопля, ячмень, горох, лен, просо.

На 1 сентября 1917 г. в армии насчитывалось 3167 тыс. лошадей, что составляло 10% всего их поголовья в стране. О понижении количества рабочих лошадей в стране свидетельствуют следующие данные: если в 1912 г. удельный вес рабочих лошадей составлял 81%, а молодняка и жеребят – 17%; то в 1916 г. удельный вес первых понизился до 77%, а вторых повысился до 22% [2, с. 205].

Во время войны было реквизировано также большое количество крупного рогатого скота, что особенно тяжело отразилось на сельском хозяйстве южных и западных губерний.

Плохо обстояло дело и с сельскохозяйственными машинами и орудиями. В 1913 г. в сельском хозяйстве России имелось 97 тыс. жаток-лобогреек, а в 1916 г. их осталось только 36 тыс. 900; жаток-самосбросок – соответственно 38 тыс. 700 и 13 тыс. 130; сенокосилок – 61 тыс. 700 и 3 тыс. 750, конных граблей – 62 тыс. 473 и 5 тыс. 550.

Следовательно, количество сельскохозяйственных орудий, недостаточное и до войны, на третьем году военных действий дошло до совершенно ничтожных размеров. Это обстоятельство обуславливается тем, что 173 завода, изготовлявших сельскохозяйственный инвентарь, снизили производство в 1916 г. в сравнении с 1913 г. на 75%. При Временном правительстве производительность заводов сельскохозяйственного машиностроения вследствие недостаточного снабжения их материалами была сведена на нет, а импорт сельскохозяйственных орудий был почти прекращен. Сельскохозяйственные машины имелись только в помещичьих и в хозяйствах наиболее зажиточных крестьян, а основная масса крестьянских хозяйств машин не имела. С началом войны снабжение сельскохозяйственным инвентарем деревни стало сокращаться. До войны почти 50% продукции составлял импорт из-за границы, а с началом военных действий этот привоз кардинально уменьшился. Если в 1914 г. в страну было ввезено около 3 тыс. сельскохозяйственных машин, то уже в 1915 г. эта цифра составила всего лишь 106 штук [5, с. 453].

Одним из факторов, влиявших на положение населения в годы войны, являлся рост спекуляции. В большей степени его последствия сказывались на благосостоянии жителей городов, но проникали эти явления и в сельскую местность. Наиболее «выдающиеся» случаи проявления «злого умысла» граждан в сфере сельскохозяйственных отношений нашли свое отражение в орловской периодической печати того времени. Так, один из жителей дер. Драчевка, находящейся между станциями «Отрадой» и «Оптухой», заблаговременно купил в сельскохозяйственном бюро губернского земства более сотни кос по 1 руб. 25 коп. за штуку, а продавал их окружным крестьянам по цене 4 руб. 50 коп. за штуку. В виду того, что кос в бюро земства больше не было, а в частных лавках они тоже были раскуплены, крестьянам приходилось платить завышенную цену сельскому торговцу [3, № 78, 3 июля].

Положение со снабжением удобрениями было также катастрофическим. До войны помещичьи и хозяйства предприимчивых крестьян пользовались главным образом импортными удобрениями. Во время войны ввоз их почти прекратился. В то же время отечественные суперфосфатные заводы прекратили выпуск минеральных удобрений. Количество навоза из-за сокращения скотоводства также уменьшилось. Всё это не могло не сказаться на сельском хозяйстве.

Недостаток рабочих рук, тягловой силы и сельскохозяйственного инвентаря привел к значительному сокращению посевных площадей. Особенно уменьшились земли, отведенные под картофель. Посевы продовольственных культур также значительно снизились. Общая посевная площадь сократилась с 93,5 млн га в 1913 г. до 78 млн га в 1917 г. При этом следует

отметить, что озимый сев в 1914 г. прошел без значительного уменьшения, так как подготовительная работа к посеву была проведена еще до объявления мобилизации. Однако уже в 1915 г. повсеместно обнаруживается сокращение посевов. По 53 губерниям и областям страны посев озимых сократился на 7,1%. В 1916 г. посевная площадь под основными культурами уменьшилась еще на 4,9% по сравнению с предшествующим годом.

В связи с сокращением посевов (в целом) в стране уменьшились и валовые сборы хлеба. Сбор продовольственных культур сократился на 23%, крупяных – на 15%, масличных – на 14%, кормовых – на 43%, картофеля – на 24% [2, с. 205]. Это объясняется падением урожайности.

Урожайность с десятины по главным хлебам уменьшилась с 50 пудов в 1913 г. до 45 пудов в 1917 г. Такое значительное снижение можно объяснить сокращением применения удобрений и ухудшением обработки земли. Вызванная войной замена мужских рабочих рук другими, более слабыми и хуже подготовленными, повлекла за собой понижение качества обработки земли и большую, чем обычно, потерю зерна, картофеля и других культур при их уборке.

Еще накануне войны российские правящие круги были уверены, что с прекращением экспорта не возникнет недостатка хлеба в России. Страна ежегодно поставляла за границу 600-700 млн пудов хлеба. В 1914 г. из страны вывезли 348 млн пудов, а в 1915 г. из четырех млрд пудов сбора было вывезено всего 31 млн пудов [6, с. 356].

С началом войны цены на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты повсеместно стали расти [1, с. 62]. Повышение цен наблюдалось и в Орловской губернии. К примеру, в Брянском уезде в период мобилизации войск были повышены цены на хлебную продукцию. Уже в сентябре 1914 г. просматривается повышение цен на гречневую крупу и пшеничную муку, а к декабрю такая тенденция затронула и остальную продукцию (См. табл.).

Так, в телеграмме от 18 марта 1916 г. от председателя Особого совещания по продовольственному делу к губернатору говорилось, что рафинад, вследствие его недостатка, будет отпускаться только для армии и работающих на оборону предприятий, а населению будет предоставляться только сахарный песок [7, д. 1149, л. 391]. В городе прослеживалась нехватка сырой пакетной бумаги, употребляемой в торговле для отпуски товаров.

В такой ситуации приходилось обращаться за помощью в другие губернии. Например, в одном из обращений городской управы к Семено-Ивановскому горнопромышленному обществу содержится просьба поставить в город три вагона каменной соли [7, д. 1149, л. 194].

Регулирование цен в городе принадлежало ведению городского общественного самоуправления. Воспрещалось искусственное и произвольное повышение цен на предметы первой необходимости, нарушившие подвергались заключению на 3 месяца или денежному штрафу до 3 тысяч рублей [8]. Предметами первой необходимости считались: зерно, картофель, мясо, масло, соль, сахар, чай. Это постановление было принято в самом начале войны, 31 июля. С первых дней правительственными органами принимались меры по обеспечению стабильной ситуации в стране. Постановление о воспрещении повышения цен действовало на все виды торговых помещений, а также и на базарную торговлю внутри черты городской оседлости.

Такое постановление должно было быть вывешено в торговых заведениях на видном месте. Так, стали устанавливать таксы на товары первой необходимости. К началу 1915 г. они составляли: мясо (1 сорт) – 22 коп. за фунт, мука пшеничная – 10 коп. за фунт, крупа гречневая – 9 коп за фунт, крупа перловая – 8 коп. за фунт, рис – 13 коп. за фунт, крупа манная – 8 коп. за фунт, масло подсолнечное (1 сорт) – 14 коп. за фунт, сахарный песок – 18 коп.

за фунт. Установленные таксы приходилось периодически пересматривать в сторону увеличения [7, д. 1148, л. 34].

Таблица 1

Цены на хлеб и другую продукцию в Орловской губернии за 1914 год

№	Название продукта	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1	Ржаная мука	1	1,03	1,08	1,13	1,11	1,11	1,16	1,15	1,15	1,15	1,25	1,45
2	Гречневая крупа	1,6	1,75	1,75	1,75	1,85	1,85	1,95	1,95	2,10	2,15	2,5	2,55
3	Пшеничная крупа	1,6	1,7	1,7	1,7	1,75	1,85	1,9	1,95	1,9	2,0	2,15	2,35
4	Масло коровье	17	16,5	17,0	17,5	17	17,5	17,0	17	17,0	17,00	17	19,0
5	Масло подсолнечное	5,8	5,8	5,9	5,95	5,6	5,6	5,7	5,9	5,9	5,85	5,6	5,75
6	Масло конопляное	4,6	4,6	4,65	4,65	4,8	4,8	4,85	4,9	4,9	4,85	4,85	4,85
7	Пшеничная мука	2,4	2,4	2,35	2,40	2,6	2,4	2,25	2,30	2,4	2,40	2,40	2,6

Одной из причин повышения цен на продукты также можно назвать перегруженность железных дорог военными перевозками, что вызывало длительные задержки частных грузов на станциях отправления. С этой проблемой провинция столкнулась с первых дней войны. Для нужд губернии требовалось привозное зерно. Так, в обращении главного управляющего заводами Мальцевского АО от 21 июля 1914 г. содержалась просьба к орловскому губернатору о доставке закупленного хлеба и продуктов первой необходимости в Мальцевский промышленный район. Железные дороги пропускали по одному вагону продовольствия через день. Такие поставки не могли обеспечить ежемесячную норму поставки продукции, которая составляла 25 вагонов. В Брянске транспортные затруднения возникли на Риго-Орловской железной дороге [1, с. 63].

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что с самого начала Первой мировой войны население Орловской губернии, часть которой во второй половине 1915 г. вошла в состав Минского военного округа, столкнулась как с проблемами роста цен на продукты первой необходимости, так и с ограничением возможности сохранения прежнего уровня производства сельскохозяйственной продукции. Одним из ключевых вопросов, вставших перед руководящими структурами губернии во время войны, был продовольственный вопрос – обеспечение населения продуктами питания, недопущение повышения цен на них. Обе эти проблемы решить не удалось, что в конечном итоге явилось важной причиной углубления внутривосточного кризиса в регионе.

Библиографический список

1. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИР, 2011. 284 с.
2. Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М. : Воениздат, 1956. 332 с.
3. Орловский край. 1916.
4. Белова И.Б. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 42-46.
5. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука. 1973. 656 с.
6. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. Париж: Т-во объединённых издателей. 1939. 245 с.
7. Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. 2. Оп. 1.
8. Орловские губернские ведомости. 1914. № 58. 2 августа.

Сведения об авторах:

Фишер Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036 Брянск, Российская Федерация, e-mail: fisher.keit@yandex.ru

РОССИЙСКОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ВЕСНОЙ-ЛЕТОМ 1917 Г. (ПО СТРАНИЦАМ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ)

Аннотация: в статье анализируется деятельность женских российских организаций весной-летом 1917 г. в России. На основе анализа содержания женских журналов раскрывается их отношение к смене политического строя, их оценка деятельности Временного правительства в аспекте решения женского вопроса, приводятся факты участия женщин в политической жизни страны того времени.

Ключевые слова: российское женское движение, феминизм, Лига равноправия женщин, женская печать, женский вопрос.

Tsvetkova K. D. The Russian women's movement in Russia in the spring and summer of 1917 (the pages of women's magazines)

Abstracts: The article analyzes the activities of Russian women's organizations in the spring and summer of 1917 in Russia. Based on the analysis of the content of women's magazines reveals their attitude to the change of the political system, their evaluation of the Interim government in the aspect of solving women's question, given the facts of women's participation in political life of the country at that time.

Keywords: Russian women's movement, feminism, the League of women's equality, women's seal women's issue

Женское движение в Российской империи окончательно оформилось в 1905 г. В это время создаются крупные женские организации, такие как: Союз равноправия, Взаимно-благотворительное общество, Женская прогрессивная партия и другие. «К зиме 1904 – 1905 они имели всё, что было необходимо для политической активности – уверенность в своих силах, организационные навыки..., а также нежелание феминисток нового поколения ограничиваться только внутриорганизационной и благотворительной деятельностью» [1, с. 277-278]. Усугубил ситуацию Манифест 17 октября 1905 г., «который обещал наделить правом голоса всех граждан России» [1, с. 278]. В тот момент у женщин появилась надежда, что и они окажутся в числе гласных. Но из всех действовавших политических партий того периода, только в программах трех содержался пункт о равноправии женщин. Это были кадеты, эсеры и социал-демократы [1, с. 277-278].

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г., заставила представительниц российского движения на время забыть о политических устремлениях. Российские женские организации, занимая активную патриотическую позицию, развернули в тылу разнообразную деятельность в помощь фронту. Примером может стать деятельность Симферопольского женского клуба, при котором был создан «очаг» для работающих женщин, налажена работа в госпиталях, осуществлялся пошив одежды для армии и т. д. [9, с. 10-11].

События февраля 1917 г. и реформы Временного правительства, пришедшего к власти, активизировали политическую жизнь страны. Произошла и определенная реанимация женского движения, которое в новых политических условиях с удвоенной силой стало выдвигать требования, относящиеся к женскому вопросу.

В российской историографии имеется ряд работ, посвященных этому этапу развитию движения российских женщин за свои права. Так, Ю. Юкина в своём исследовании пишет о развитии российского феминизма, анализирует его идеологию и прочие аспекты. В главе «Второй этап женского движения в России (феминистский) 1905 – 1918» [2, с. 217-434] содержится характеристика развития женских организаций и их борьба за равноправие женщин.

И.В. Алферова в статье «1917 г. в России: большевизм и феминизм в условиях социальной активности женщин-работниц» [3, с. 355-360], рассматривает программные установки феминисток накануне октябрьских событий, анализирует их требования, сравнивая с программными положениями большевиков. Американский историк Р. Стайтс является автором монографии: «Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 годы» [1]. Он рассмотрел проблемы женского движения в России, показал особенности русского феминизма, представляя тему российского женского движения в мировой историографии.

Однако многие вопросы еще остаются открытыми. В рамках данной статьи не ставится задача воссоздания многоаспектной картины активности женского населения в революционные месяцы 1917 г., которая еще далека до завершения. На основе материалов женской печати предполагается рассмотреть динамику развития взглядов лидеров женского движения, а также их последующие действия, которые предопределили получение российскими женщинами политических прав.

Российская революция 1917 г. началась с выступления женщин-работниц в Петрограде в так называемый «женский день», который отмечался по старому стилю 23 февраля. «Журнал для хозяек» [4], писал что: «свергнутое правительство запретило работницам, отмечать данный праздник» [4, с. 4-5]. Конечно, это было встречено волной недовольства. Работницы начали выходить на улицу и начались манифестации, за которыми последовала волна революционных событий. Наиболее влиятельные женские издания «Женский Вестник»^{*} и «Женское дело»^{**}, не могли остаться в стороне [3, с. 356]. «Женский вестник» неустанно повторял: «Справедливость и права женщинам» [6, с. 34]. Он пытался пробудить «женское сознание» на борьбу с несправедливостью во всех уголках России. В ходе событий февраля 1917 г. журнал постоянно призывал направить все усилия на достижение свободы и равенства женщин.

Возглавить женское движение активно пыталась также «Российская лига равноправия женщин», которая смогла за счет активной пропагандистской работы объединить под своим началом около 9 женских организаций. Руководителем «Лиги» с 1910 г. являлась П.Н. Шишкина-Явейн. Её лидерские качества, феминистское мировоззрение позволили занять в организации особое положение. Под ее руководством «Российская лига равноправия женщин» из небольшой и слабой организации превратилась в лидера российского феминизма, активно боровшегося за женское избирательное право.

В момент кризиса легитимности власти П.Н. Шишкина-Явейн верно оценила ситуацию и сумела мобилизовать свою партию на проведение широкомасштабной агитационной кампании, реализовать психологическую готовность к действиям, направив существующую напряженность на «восстановление справедливости в отношении русской женщины» [2, с. 414-425].

В программе Временного правительства, опубликованной 3 марта 1917 г., не было ни слова о женских правах^{***}. Редакция «Женского Вестника» отреагировала на это следующим

---

* «Женский вестник» – ежемесячный политический, научный и литературный журнал. Издавался в Петербурге с 1904 до 1917. Ред. М.И. Покровская. Либерально-буржуазное издание, объявившее своей целью борьбу за достижение «равноправности женщины», за улучшение ее положения.

** Журнал «Женское дело» выходил в Москве с 1910 по 1918 год. Издание под редакцией Л.М. Родионова имело разделы беллетристики, публицистики, хроники женского дела, известий из-за границы, театра и музыки, моды.

*** Декларация Временного правительства о его составе и задачах 3 марта 1917 г. Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 4. 3 марта. С. 1.

образом: «Больно было редакции прочесть программу нового правительства, где есть отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, а также о выборах в Учредительное собрание и выборах в него на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» [6, с. 34].

«Декларация Временного правительства послужила мобилизующим фактором для женских организаций, утвердила, что в создавшемся положении Лига равноправия должна добиваться прав для женщин еще с большей энергией» [2, с. 407-414]. Действительно часть российских женщин восприняло этот факт как несправедливый, активно пополняя ряды тех, кто все-таки собирался отстаивать женские права [2, с. 415-425].

Вслед за этим 7-8 апреля 1917 г. состоялся Всероссийский съезд женщин. В нем приняло участие около 70 делегатов от российских женских организаций. Президиум съезда состоял из М.Н. Щепкиной, П.Н. Шишкиной-Явейн, М.А. Чеховой, М.К. Бурдаковой, З.А. Домашневой [7, с. 14]. На заседаниях обсуждались различные вопросы, например, такие как: повышение самосознания женщин, создание женских союзов, определение тактики и стратегии дальнейших действий и продвижение женщин во властные структуры и пр. [10] В результате активной работы, 15 апреля 1917 года правительство приняло Постановление «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях», по которому избирательными правами наделялись лица обоего пола, достигшие 20 лет, без различия национальности и вероисповедания.

В июне-августе 1917 г. в России состоялись выборы в городские думы, которые проходили на основе всеобщего голосования [11, с. 3-4]. Таким образом, выбирались кандидаты на основе всеобщего и равного избирательного права, без половых различий. «Женщина, желающая выставить свою кандидатуру в гласные думы, должна идти работать в общественную организацию и зарекомендовать себя» [11, с. 3-4]. Теперь представительницы женского пола становились не только избирательницами, но и могли выдвигать свою кандидатуру в избирательные списки.

Однако стоит отметить, что получение женщинами политических прав еще не полностью уравнивало их с мужчинами. У многих из них не было возможности принимать активное участие в политической деятельности. Это было связано с тем, что они очень много времени проводили на работе, у них было огромное количество домашних обязанностей, полевые работы и т. п. «Журнал для хозяек» в этой связи призывал: «Долг общества – придти на помощь матерям-работницам, облегчить им их тяжелый труд, взять на себя заботу об их детях в рабочие часы» [8, с. 5].

Проблемы, которые стояли перед женщинами в тот период, во многом были связаны с плохой организацией женского труда. «Сейчас все прачки, портнихи, модистки <...> трудятся на разных условиях» [12, с. 14-15]. Выход из этой ситуации виделся в необходимости создания женских профсоюзов, в ограждении женского и детского труда от тяжелых и неподходящих условий [12, с. 14-15]. Поэтому активистки женского движения, которые были заинтересованы в решении этой проблемы, приглашали женщин на собрания, чтобы доказать необходимость вхождения в союзы. «Женщин получивших право голоса, нужно широко просвещать, указать последствия просвещения, объединения и борьбы за лучшие условия труда» [12, с. 15].

«Организация и широкое развитие учреждений – первейшая задача Городских дум; вот чего должны женщины добиваться от своих избранников в Городской думе, и от тех женщин, которые войдут туда в качестве гласных» [13, с. 17].

Таким образом, на основании анализа материалов женских журналов мы можем проследить, как женское движение в России постепенно набирало силы, отстаивая с помощью

своих организаций политические права женщин. Они получили право голоса в городских думах, и теперь старались разрешить давно забытые женские проблемы, связанные с воспитанием, просвещением, трудовой деятельностью и т. д. Несмотря на то, что некоторые журналы не относились к политическим, в них все равно отражалась борьба женщин за свободу и равноправие женщин. В ходе этих перемен, постепенно менялось и женское сознание, а также понимание своей роли в обществе.

Библиографический список

1. Стайтс. Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860 – 1930 / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 616 с.
2. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т.А Мелешко. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544с.
3. Алферова И.В. 1917 г. в России: большевизм и феминизм в условиях социальной активности женщин-работниц // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 11 (79). –С. 355-360.
4. Журнал для хозяек. – 1917. Бесплатное приложение к № 5.
5. Журнал для хозяек. – 1917. – № 6.
6. Покровская М.И. Справедливость и права женщин // Женский Вестник. – 1917. – № 3.
7. Женское дело. – 1917. – № 6.
8. Богдановская Е. Ясли в деревне // Журнал для хозяек. – 1917. – № 14-15.
9. Женский Вестник. – 1916. – № 2.
10. Женский делегатский съезд // Женское дело. – 1917. – № 8.
11. Участие женщин в городских выборах // Журнал для женщин. – 1917. – № 11.
12. Выставкина. Организуйте профессиональные союзы // Женское дело. – 1917. – № 8.
13. Чехов Н.В. Женщина и общественное воспитание // Женское дело. – 1917. – № 10.

Сведения об авторе

Цветкова Карина Дмитриевна, студентка факультета истории и международных отношений, кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036 Брянск, Российская Федерация,

УДК 94(438).081+94(4)"1914/19"

А.А. Чубур

ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ СТШАЛКОВО: ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ДО ПОЛЬСКО- БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВОЙНЫ. СОБЫТИЯ И ПАМЯТЬ

Аннотация: Данная статья носит обзорно-информационный характер и ставит своей целью кратко обобщить имеющуюся на сегодняшний день информацию по немецкому (времен Первой мировой войны), а затем польскому лагерю военнопленных и интернированных Стшалково (Strzalkowo) (ныне Слупецкий повят Великопольского воеводства) и связанному с ним кладбищу. Она также информирует читателей о современных исследованиях и благоустройстве кладбища военнопленных и интернированных лиц в Стшалково, проводимых российской (в лице Брянского государственного университета), украинской, польской и белорусской сторонами под патронажем ассоциации сотрудничества «Польша – Восток» и Конинского окружного музея.

Ключевые слова: Первая мировая война, польско-большевистская война, Стшалково, военнопленные и интернированные, кладбище, международное сотрудничество.

Chubur A.A. The camp of military and intermediate Strzalkowo: from the first world to the polish-bolshevist war. The events and memory

Abstract: This article has an overview and information character and aims to briefly summarize the information available to date on the German (during the First World War), and then the Polish prisoner of war camps and internees of Strzalkowo (now the Slupecky county of the Wielkopolska province) and the cemetery associated with it. She also informs the readers about the current research and improvement of the cemetery of prisoners of war and internees in Strzalkowo conducted by the Russian (represented by the Bryansk State University), the Ukrainian, Polish and Belarusian sides under the patronage of the association of cooperation "Poland - East" and Konin district museum.

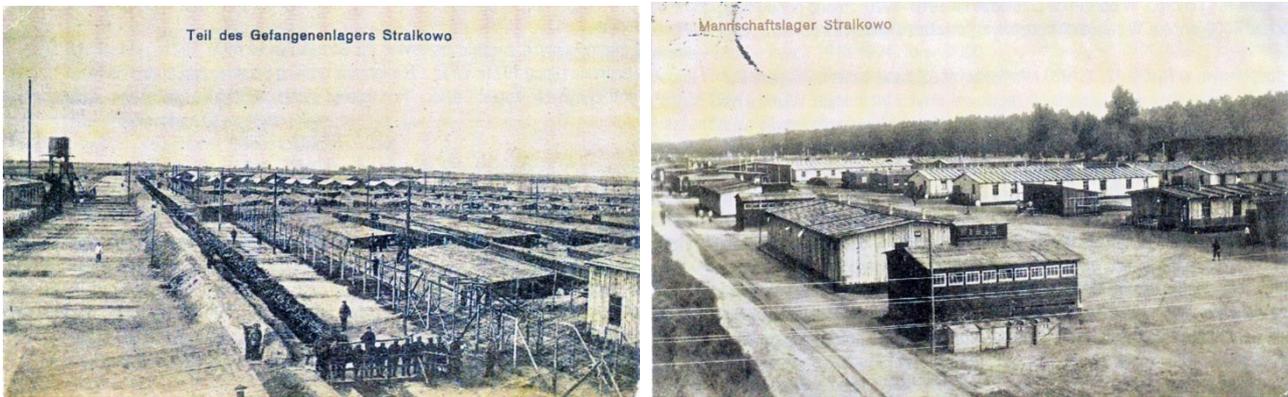
Keywords: First World War, Polish-Bolshevik war, Strzalkowo, prisoners of war and internees, cemetery, international cooperation.

Впервые кладбище в Стшалково, иногда называемое среди местных жителей «русским кладбищем», я посетил летом 2007 года. Тогда же мне, благодаря моему польскому коллеге магистру археологии Кшыштофу Горчыце, удалось ознакомиться и с экспозицией музея в городе Слупца поблизости, посвященной истории возникновения этого скорбного памятника истории, связанного с ныне не существующим лагерем военнопленных и интернированных времен Первой мировой войны и первых лет существования независимой Польши. Данный объект вызвал у меня живой интерес, особенно учитывая парадоксальное обстоятельство: с одной стороны лагерь в Стшалково и численность содержащихся в нем и умерших военнопленных уже не первый год служил предметом острейшей пикировки политиков, псевдоисторических публицистов и общественных деятелей и, в меньшей степени, профессиональных историков. С другой стороны само реальное кладбище, где умершие в плену красноармейцы армии Тухачевского нашли последнее пристанище, совершенно не привлекало внимания российской стороны и посещающих Польшу официальных делегаций, тогда как польская сторона следила и ухаживала за ним в меру своих сил и возможностей (отношение к любым могилам здесь вообще весьма заботливое). Как мне сообщили, в августе 2007 года я оказался фактически одним из первых представителей российской стороны, посетивших некрополь с начала XXI столетия.

Лагерь для военнопленных был основан германской военной администрацией вскоре после начала Первой мировой войны в непосредственной близости от границы Российской Империи (между городом Слупца, принадлежавшем тогда России, и поселком Стшалково,

находившимся уже по германскую сторону границы). Под территорию лагеря немцами были изъяты земли 52 местных крестьян.

Лагерь, окруженный колючей проволокой и полосой пашни, был рассчитан на содержание 30000 (по другим данным – 35000) военнопленных и занимал территорию в 75 гектаров. Он делился на 4 сектора, в каждом из которых соорудили 7-8 больших землянок, бараки, а также санитарные пункты. Форма была прямоугольной – длина составляла 1 км, а ширина 750 м. На внешних углах его охраняли часовые на вышках. Маленькая пятая сторожевая вышка была установлена и в середине лагеря, а шестая – позади больницы. В юго-западном углу у дороги располагалась комендатура. Во время Первой мировой войны в лагере находилось в плену около 25000 русских и около 6000 англичан и французов. До конца 1918 года, то есть до независимости Польши, в лагере оставались российские, в том числе после 1917 года и красноармейские военнопленные, взятые в плен немцами в течение первой мировой войны, особенно на белорусских участках фронта. При лагере функционировало кладбище, на котором хоронили скончавшихся узников. Первоначальная его площадь равнялась 4350 кв.м. [8, s.3, 19].

Рис.1. Виды лагеря для военнопленных Стшалково. Фотографии с немецких почтовых карточек (Региональный музей в Слупце, Польша).

Лагерь перешел в юрисдикцию Речи Посполитой в конце 1918 г. после провозглашения независимости 11.11.1918. Его планировали закрыть, но с 12 мая 1919 г. он вновь заработал и даже был расширен для содержания уже 50 тысяч человек. На то были, увы, веские причины: начавшаяся война с большевиками. Пришлось постепенно расширять и кладбище: за период с 1918 по 1922 гг. площадь его стала почти вдвое больше – 7780 кв.м. [8, s.19].

С 1919 г. в лагере появились красноармейцы взятые в плен в ходе польско - большевистской войны. Там же оказались и военнопленные украинских отрядов, взятые в плен на территории Западной Украины в 1919 г. (так называемая Украинская Галицкая армия). Однако заметим, что к 15 июля 1919 года в Стшалково находились лишь 3500 заключенных. Даже к концу 1919 года бои не носили высокой интенсивности и во всех лагерях военнопленных Польской Республики суммарно содержалось суммарно, по данным польской стороны, всего около 7000 красноармейцев [1]. Основу корпуса пленных в Стшалково составляли все те же украинцы из Галиции – 10400 человек по данным на конец года [6]. Не стоит упускать из виду, что многие пленные как в 1919-м, так и позднее, переходили на польскую сторону, чтобы получить свободу. На фронте новая присяга не мешала значительной части из них бежать либо домой, окончательно дезертировав, либо вновь в ряды Красной армии.

Однако два сокрушительных разгрома сил Красной Армии в 1920 г. – на Висле и на Немане – в корне изменили ситуацию и переполнили поступающим контингентом польские

лагеря военнопленных. Только при неудачном походе армии Тухачевского на Варшаву было пленено около 50.000 красноармейцев. Всего в плену оказывается около ста тысяч человек. Главным лагерем №1 по содержанию пленных большевиков стал как раз лагерь Стшалково [8, с.3; 13]. Впрочем, не все пленные направлялись в закрытые лагеря. Почти половина, как указывает З. Карпус, была задействована польскими властями на производстве и на сельскохозяйственных работах в частном секторе [1].

Никто не рассчитывал на такой приток заключенных, многие из которых к тому же уже находились в тяжелом состоянии. Очень быстро сложилась критическая ситуация: скученность людей, нехватка продовольствия, медикаментов, а местами – никуда не деться от задокументированных фактов и такова суровая правда войны, проявляющей худшие черты в людях – и бесчеловечное, намеренно жестокое отношение к попавшим в плен. Впрочем, факты этого бесчеловечного отношения обычно не оставались безнаказанными, виновные после соответствующих обращений, шли под суд. В докладе санитарного департамента военному министру о тяжелом положении военнопленных и необходимости принятия срочных мер по его улучшению приводилась масса примеров и отмечалось, что мучения пленных оставляют «несмыслимое пятно на чести польского народа и армии». Так, в Стшалково «борьбу с эпидемией, кроме таких причин, как нефункционирование банного заведения и отсутствие дезинфекционных средств, затрудняли два фактора, которые комендантом лагеря были частично устранены: а) постоянное отбирание у пленных белья и замена его ротами охраны; б) наказание пленных всего отделения тем, что их не выпускали из бараков по три и более дней» [5; 13].

Особую лепту в высокую смертность в переполнившихся, стынущих на морозе, голодающих польских лагерях военнопленных внес, на мой взгляд, испанский грипп, свирепствовавший в то время по всему Земному шару (эпидемия началась в 1918 году и пошла на убыль лишь спустя два года). Не случайно, наверное, именно зимой 1920-1921 года в Стшалково скончалось более 4000 человек. Летальность среди зараженных «испанкой» составляла от 10 до 20% [12], что в целом согласуется со статистикой смертности в лагере. К испанке следует добавить целый букет инфекционных заболеваний, занесенных с фронта самими тухачевцами и в условиях лагерной скученности тоже приобретшие характер эпидемий: сыпной, брюшной и возвратный тиф, краснуха, холера, дизинтерия) [2; 13].

Однако ужас эпидемий и недоедания в переполненных бараках продолжался вовсе не два года, как про то пишут некоторые мало знакомые с фактами авторы, а лишь одну зиму. В феврале польские власти смогли наладить снабжение лагерей и условия в них существенно изменились в лучшую сторону. А ранней весной 1921 года, после рижского договора от 18 марта началась постепенная отправка пленных обратно в РСФСР, в обмен на пленных граждан Польши. Документы свидетельствуют: на Родину возвращается в итоге к середине осени 1921 г. 65797 военнопленных красноармейцев, еще 965 на некоторое время были задержаны до начала 1922 г., около 1000 бывших красноармейцев остались в Польше по собственному желанию и были освобождены, примерно столько же бывших красноармейцев отправились в свои национальные государства – Литву, Германию, Венгрию и т.д. [1; 2; 5; 13]. Болезненный для некоторых представителей российской стороны вопрос о том, сколько же граждан РСФСР погибло во время плена решается, таким образом, просто: это число составит разницу между количеством пленных и возвратившихся назад или в другие страны живыми.

Однако, некоторые российские историки допускают серьезные ошибки, работая с источниками по численности военнопленных или по потерям Красной армии во время Польской кампании. Так, например, просто просуммировав число взятых в плен в течение войны мы вовсе не получим общее число военнопленных в лагерях уже потому, что значительную

часть красноармейцев, взятых в плен поначалу Красная армия отбивала спустя некоторое время. С другой стороны категорически нельзя суммировать умерших военнопленных с ранеными, скончавшимися на поле боя, где были брошены без оказания помощи – это совершенно разные категории потерь. Точно так же не могут быть отнесены к потерям среди военнопленных и солдаты, спасшиеся с поля боя, но затем, по страстному призыву Юзефа Пилсудского, пойманные и уничтоженные местным населением, вооружившимся косами, цепями и вилами. Да, это бесчеловечно, но не будем забывать: для мазовецких крестьян разбежавшиеся красноармейцы Тухачевского были не такими же как они сами крестьянами, только из другого народа, поставленными большевиками под штыки, а врагами, оккупантами, агрессорами. Русские бабы и мужики, насаживавшие на вилы наполеоновских солдат или шведов Карла XII, воспринимаются нами, россиянами, как несомненные герои, защитники родной земли. Не меньшие герои и партизаны Второй мировой, а ведь они – вчерашние простые колхозники – тоже не отличались добротой и снисходительностью к противнику. Так не будем применять двойных стандартов и к полякам – они точно такие же люди, славяне, и к врагам относились сходно. Подогревала негативные чувства и военная пропаганда – стоит посмотреть на плакаты и листовки того времени. Впрочем, она же во многом, помогла одолеть и отбросить большевиков от столицы Польской Республики [13].

Рис.2. Большевики в представлении польской пропаганды 1919-1920 гг.

Неграмотный, методически необоснованный подсчет пленных и жертв с одной стороны и с другой великодержавные идеологические клише (вкуче с попытками оправдать Катынскую трагедию, вина за которую, между прочим, лежит на сталинском советском режиме, а вовсе не на новой России, начавшей свой путь с 1991 года) приводят к скандальным, диссонирующим с реальностью по всем параметрам, заявлениям, где звучат цифры 60, 80, 100 и более тысяч, причем не погибших, а именно «замордованных» в польских лагерях. Примером может служить псевдоисторическая беллетристика бывшего функционера КПСС В.Н. Шведа или скандально известного журналиста и конспиролога, борца с «лунным заговором» Ю.И. Мухина – людей не только далеких от профессиональной исторической науки, но часто открыто противопоставляющих себя ей. В ловушку подобных «откровений» порой попадают даже известные политики, например А.Г. Тулеев, предвзято и необъективно выступивший в «Независимой газете» от 6 октября 2000 г. и другие.

Весьма объективный подход к подсчетам был достигнут в совместном исследовании российских и польских ученых «Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг. Сборник документов и материалов», увидевшем свет в 2004 году. В книге два написанных независимо друг от друга польскими и российскими историками предисловия. Профессор-полонист Геннадий Филиппович Матвеев (МГУ), автор предисловия российской стороны, отмечает, что по совокупности доступных источников «скорее всего, в плену умерло 18-20 тыс. красноармейцев (12-15% от общей численности попавших в плен)». Профессора Збигнев Карпус и Вальдемар Резмер в предисловии польской стороны пишут о сходных показателях смертности: «Исходя из приведенных документальных данных, можно утверждать, что за весь трехлетний период пребывания в Польше (февраль 1919 - октябрь 1921) в польском плену умерло не более 16-17 тыс. российских военнопленных, в том числе около 8 тыс. в лагере Стшалкове» [2].

Казалось бы, точки над «i» расставлены. Но вновь и вновь пропагандисты и лжеисторики вроде печально известного министра В.Р.Мединского (см. например, его статью «Куда исчезли сто тысяч красноармейцев» в «Комсомольской правде» от 10.11.2014), повторяют основанные на математической эквилибристике или вовсе взятые «с потолка» запредельно мифические цифры, достоверность которых надежно опровергнута и отечественной и мировой исторической наукой. Более того, почти всех лиц, погибших и умерших во время нахождения в Стшалковском плену, удалось установить уже и поименно. Это был долгий кропотливый труд, монография, вышедшая по его итогам почти одновременно и в Польше [11] и в российском прогрессивном издательстве РОСПЭН в переводе на русский язык [4] – великая заслуга польского историка и путешественника, профессора Веслава Мариана Ольшевского. Если российская сторона действительно заинтересована в сохранении памяти о пленных красноармейцах, а не в пустой газетной шумихе (а хочется верить что это именно так), она могла бы профинансировать создание, например, мемориальной стелы с перечислением выявленных В. Ольшевским имён на том же Стжалковском некрополе, учитывая при этом, что мемориал памяти погибших как таковой там уже давно имеется, вопреки мнению некомпетентного и в этом вопросе господина В. Мединского.

Рис.3. Профессор В. Ольшевский (1956-2015) и его книги о Стшалковских военнопленных

Интересный факт приводит изучавшая историю лагеря в Стшалково познаньская журналистка Богна Войцеховска. В конце ноября 1920 года власти лагеря решили полностью изолировать ярых коммунистов от остальных заключенных красноармейцев. Причина заключалась в том, чтобы помешать коммунистам бунтовать и подбивать к бунту других. В отдельном бараке, отделенном от остальной части лагерных казарм колючей проволокой, было размещено около 400 наиболее активных и непреклонных коммунистов. Изоляция закончилась после мартовского Рижского договора, после чего коммунисты включились в «борьбу за души» заключенных, но преуспели только в русской среде: большинство украинцев решило вернуться по домам. Интересен и иной нюанс: когда «героев» встречали в РСФСР, то многие из них из лагеря в Стшалково первым делом попадали в концлагеря, уже созданные большевиками [13].

Параллельно с отправкой бывших красных пленников в РСФСР, все большее значение Стшалково приобретает как лагерь интернированных представителей армии Украинской Народной Республики (УНР). Уже в январе 1921 в лагерь прибыли интернированные Запасная бригада Армии УНР генерал-хорунжего Наума Архиповича Никона [7], части 1-й Запорожской, 5-й Херсонской и отдельного конной дивизии, пограничного корпуса, переброшенные из других лагерей. Во второй половине 1921 г. сюда были централизованно переведены подразделения Армии УНР из ряда других лагерей - Ланцута (июль), Вадовице и Петрково-Трибунальске (сентябрь), Александра Куявская (октябрь) [6]. В лагере велась культурно-просветительская работа, начали функционировать перенесенный с Ланцута Украинский народный университет (758 слушателей) с военным факультетом, украинская гимназия, находился здесь и знаменитый «Надднепрянский хор» под руководством дирижера Дмитрия Васильевича Котка, который гастролировал по Польше, а позднее и по Европе. Издавались журналы «Військовий Вісник», «Наша Зоря», «Нове життя», «Промінь», «Спортсмен», «Студентський вісник». Лагерь стал фактически местом бесплатного жительства интернированных, которые при этом имели относительную свободу передвижения по окрестностям лагеря, например в лежащий рядом старинный городок Слупца [8].

В августе 1922 большинство украинских военных перевели в лагерь в город Калиш. В Стшалково, в так называемой промышленной части лагеря, осталось около 600-700 человек из так называемой группы полковника Александра Николаевича Ковальского, который был с 25.02.1922 начальником интернированных украинских военнослужащих в данном лагере [7].

Весной 1924 г. в лагере, по некоторым сведениям, находилось и около 90 интернированных русских, которые благодаря ходатайству Русского Попечительного (об эмигрантах) Комитета смогли выехать во Францию на постоянное место жительства [3]. После окончательной ликвидации лагеря 31 июня 1924 г. и сноса бараков в Стшалково осталась небольшая (58 человек) группа украинских военных с семьями, которые поселились в здании бывшей комендатуры. Так в Стшалково и в окрестностях появились украинские эмигранты, занимавшиеся преимущественно ремеслом [8, s.5].

Спустя многие десятилетия, еще одну страшную войну, уже после того как Польша покинула социалистический лагерь (строителям «светлого будущего» как в СССР, так и в его странах-сателлитах, большим и малым партийным вождям было не до заброшенных старых могил), благоустройством этого объекта, забытого земляками похороненных тут людей, занялись органы местного самоуправления: администрация Слупецкого повята и войт гмины Стжалково. Они огородили некрополь, изготовили и повесили у входа мемориальную доску и вымостили проход к имеющемуся на кладбище старому каменному памятнику.

Рис.4. Памятник, установленный на кладбище Стшалково в годы Первой мировой войны с текстом, гласящим: «Мир праху вашему. Место вѣчнаго упокоенія русскихъ воиновъ и ихъ союзниковъ, умершихъ на чужбинѣ въ 1914-1918*. Военнопленные товарищи лаг. Стралково» (фото автора, 2009 год)

Рис.5. Центральная аллея (слева) и насыпи братских могил у памятника (справа) на кладбище Стшалково (фото автора, 2009 год)

Рис.6. Панорама некрополя Стшалково (фото автора, 2009 год)

Однако, участники ежегодных молодежных археологических лагерей из России, Украины, Беларуси и Польши¹, сочтя своим долгом почтить память погибшим во время Первой мировой войны и последовавших за нею конфликтов представителям разных народов, решили всерьез заняться изучением и благоустройством этого места. В рамках проекта ассоциации «Польша – Восток» «Археологические и исторические семинары» молодые волонтеры поработали над приданием некрополю надлежащего, исторически обоснованного вида, равно как и над тем, чтобы он занял место в общественном сознании соотечественников. Инициатива была поддержана депутатом Сейма Республики Польша - вице-маршалом Сейма паном Евгением Гжешаком. Активно помог своим участием и сотрудник Провинциального инспекционного управления Велкопольского воеводства пан Адам Качмарек [9].

В течение 2014-2015 гг. под руководством начальника отдела археологии Конинского окружного музея магистра Кшыштофа Горчыцы при участии историков, археологов и студентов-волонтеров из Познани (Польша), Брянска (Россия) и Киева (Украина) и Великопольского объединения историков-поисковиков под патронажем Ассоциации сотрудничества «Польша – Восток» (вице-президент Здзислав Яцашек) было проведено исследование захоронений на кладбище без ингумации останков, а также уточнение его изначальной планировки, существовавшей почти 100 лет назад, археологическими методами. Археологические раскопки подтвердили особенности расположения могил, уточнили масштабы некрополя. Был обнаружен подлинный первоначальный вход на кладбище, обозначены и расчищены основные его аллеи, установлено место деревянного креста, стоявшего на братской могиле 1919-1921 года, а также место, где располагалась кладбищенская часовня.

---

¹ Студенты, аспиранты и преподаватели Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского ежегодно участвуют в таких лагерях с 2007 года, то есть уже 11 лет, БГУ и его факультет истории и международных отношений были одними из инициаторов их становления и регулярного проведения.

Рис.7. Один из раскопов в Стшалково в процессе исследования, 2014 г. (фото З.Яцашека)

Рис.8. Литая православная натальная икона с эмалью, XIX век, вероятно принадлежала кому-то из военнопленных. Находка на раскопе 2014 г.

По просьбе участников работ Ассоциация «Польша – Восток» обратилась к Великопольскому воеводе о разрешении на восстановление памятного креста. Согласие было получено, после чего в ходе семинара изготовили копию креста и затем священнослужителями католической и православной конфессий освятили ее, чтобы знак их веры, посвященный покойным, явился свидетельством их намерений и нашего примирения.

17 октября 2014 года крест был установлен в присутствии вице-маршала Сейма Республики Польша Евгениуша Гжешака, местных жителей и представителей власти – главой Слупецкого повята и войтом гмины Стшалково, а также приходских священников. Организаторами скромной, но красноречивой церемонии выступили президент Ассоциации сотрудничества «Польша-Восток» Юзеф Брайл и вице-президент Здзислав Яцашек [10]. В последующие годы продолжается

благоустройство кладбища силами как поляков, так и приезжающих сюда молодых волонтеров из Брянска, Киева и Минска при поддержке воеводы Великопольши и местных властей.

У входа на кладбище местным самоуправлением еще в XX веке был установлен щит с пояснительным текстом, который я приведу ниже целиком, в том числе как пример по настоящему толерантного отношения даже к воинам, пришедшим на эту землю в качестве захватчиков (а именно так в глазах поляков когда-то выглядели армии большевиков, шедшие на Варшаву). Но павший или умерший от ран и лишений солдат перестает быть врагом, он остается лишь павшим солдатом. В 2007-2011 гг. мемориальный щит содержал следующий текст (перевод автора, оригинал – на фотографии):

«Кладбище военнопленных и интернированных в Стшалкове (1915 -1923).

На кладбище покоятся в братских и индивидуальных могилах около 8000 пленных и интернированных разных национальностей, в том числе:

- 506 солдат Российской армии Первой мировой войны – русских, украинцев, поляков и иных национальностей (1915-1918)

- Около 7000 солдат Красной армии разных национальностей (1919-1921)

- Около 500 пленных, интернированных и их семей вместе с гражданскими лицами.

Среди них были:

• солдаты Украинской Галицийской армии

• интернированные солдаты – союзники Войска Польского в 1920 г.

• Армии Украинской Народной Республики, союзных формирований русских и казацких (1920-1923)

• российского корпуса ген. Н. Бредова (1920)

• немцы – гражданские интернированные (1920).

Они тоже отдали жизни за свои Отчизны. Честь их памяти».

Рис.9. Мемориальный щит на кладбище военнопленных и интернированных (2009 год, фото автора)

Продолжавшиеся архивные изыскания польских музейщиков и историков позволили существенно уточнить сведения о погребённых вплоть до имен многих из них, а также статистические данные, которые представлены теперь на обновленном теперь мемориальном щите, гласящем:

«Кладбище военнопленных и интернированных в Стшалкове (1915-1924).

На кладбище покоятся в братских и индивидуальных могилах около 7600 военнопленных и интернированных разных национальностей, в том числе:

- 483 солдата Российской армии Первой мировой войны (1915-1918)

- Около 6000 солдат Красной армии с польско-большевистской войны (1919-1921)

- Около 1100 пленных интернированных с семьями, гражданских лиц и солдат польской армии из охраны лагеря, умерших в 1920-1924 гг. Среди них были:

• солдаты Украинской Галицийской армии

• солдаты союзной армии Украинской Народной Республики

• солдаты русских и казацких союзных формирований (1920-1921)

• солдаты российского корпуса Бредова (1920)

• немцы – интернированные военные и гражданские (1920).

Памяти тех, кто отдал жизни за свою Родину».

Объективность подсчетов, тщательно (и большей частью теперь поименно) проведенных польской стороной в настоящее время не вызывает у меня сомнений, как и убеждение в том, что история наших народов должна стать исключительно историей, выйдя за рамки политических игр, демагогии и взаимных претензий. Прошлое должно учить и способствовать миру, добрососедству и сотрудничеству. Мир праху погибших, кем бы они ни были.

Автор искренне благодарит за помощь магистра археологии Кшыштофа Яна Горчыцу (Конинский окружной музей), вице-президента Ассоциации сотрудничества «Польша-Восток» Здзислава Яцашека, а также участвовавших в исследовании и благоустройстве некрополя к.и.н. Сергея Валерьевича Чернышова (Брянск), аспиранта БГУ Артура Максимова, студентов из Брянска, Чернигова, Киева и Минска.

Библиографический список

1. Карпус З. Факты о советских военнопленных 1919-1921 гг. // Новая Польша. 2000 - № 11. [Электронный ресурс] URL: <https://novpol.org/ru/r1W-3dGwoW/ФАКТЫ-О-SOVETSKIH-VOENNOPLENNYYH-1919-1921> (дата обращения 01.10.2017).
2. Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг. Сб. документов и материалов. – М. - СПб: Летний сад, 2004. – 912 с.
3. Мохоля А.Р. Лагерь для военнопленных No 1 - Стржалково (Стшалково) | Strzałkowo // Мохоля А.Р. Польские лагеря для военнопленных, беженцев и интернированных. / URL: <http://www.mochola.org/russiaabroad/camps/lagstrza.htm> (дата обращения 30.09.2017)
4. Ольшевский В. Красноармейцы и интернированные, умершие в лагере для военнопленных Стшалково в 1919-1921 гг.: [перевод с польского] – М.: РОССПЭН, 2013. - 459 с.
5. Памятных А. Пленные красноармейцы в польских лагерях // Новая Польша. 2005 - №10, [Электронный ресурс] URL: <https://novpol.org/ru/H1btqOfvsZ/PLENNYE-KRASNOARMEJCY-V-POLSKIH-LAGERYaH> (дата обращения 01.10.2017).
6. Рубльов О.С. Стшалків, табір // Енциклопедія історії України : у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України. – Київ. : Наукова думка, 2012. - Т.9: С.878.
7. Тынченко Я.Ю. Офицерский корпус Армии Украинской Народной Республики (1917-1921) .Кн.І. – К.: Темпора, 2007 // Электронная версия: URL: <https://coollib.com/b/178327/read> (дата обращения 18.10.2017).
8. Czerniak B. Obóz jeńców i internowanych pod Strzałkowem. – Słupca, 2006. – 24 s.

9. Jacaszek Z. Historia i archeologia dla dobra sąsiadów // Stowarzyszenie Współpracy Polska-Wschód/ URL: <http://www.swpw.eu/historia-i-archeologia-dla-dobra-sasiadow/> (дата обращения 30.09.2017)
10. Jacaszek Z. Miejsce już nie zapomniane // Stowarzyszenie Współpracy Polska-Wschód/ URL: <http://www.swpw.eu/miejsce-juz-nie-zapomniane/> (дата обращения 30.09.2017)
11. Olszewski W. Jeńcy i internowani zmarli w obozie Strzałkowo w latach 1915-1921. – Warszawa: RYTM, 2012. - 272 s.
12. *Patterson K.D., Pyle G.F.* The geography and mortality of the 1918 influenza pandemic. *Bull Hist Med.* Spring 1991. 65 (1): 4–21.
13. Wojciechowska B. Bolszewicy pod Strzałkowem: Rzecz o obozie jencow i internowanych z czasow wojny polsko-bolszewickiej 1920 roku. – Poznan: ViS, 2001. – 191 s.

Сведения об авторе

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. fennecfox66@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru